

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 38 (200) 1994 г.

Первым делом – вертолеты

№ 76878

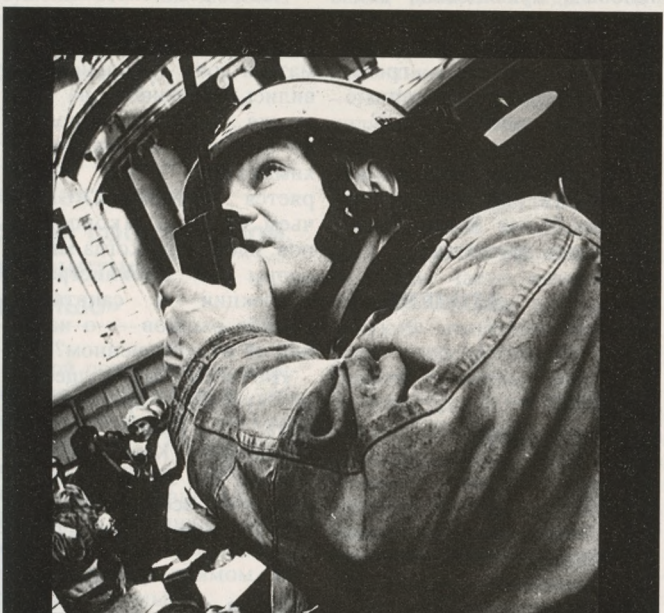

ИНТЕРВЬЮ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ АООТ "СУПРИМЭКС" Ч.АНДЕРЖАНОВЫМ ЧИТАЙТЕ НА СТР. 51

В НОМЕРЕ

4 Манана ШЕВАРДНАДЗЕ:
Сколько себя помню, положение отца — секретарь райкома, министр, первый секретарь — всегда меня сковывало. Я не чувствовала себя свободно и не могла определиться — кто я на самом деле. И только в последние годы начала думать: ну что страдать, это же счастье. У других есть миллионы, власть, слава, а у нас с братом — отец.

22 Михаил ПОЗДНЯЕВ:
Какой же русский не любит пожара? После быстрой езды и борьбы с жидомасонами пожар — самое разлюбленное наше времяпрепровождение. Праздник души и таинство в одночасье.

Политика

Манана Шеварднадзе:
«Я родилась с комплексом дочери» 4
Вера Церетели 4
Расконвоированные 6
Александр Агеев 6
Выкресты 7
Дмитрий Быков 7
О мытаре и фарисее 9
Максим Соколов 9
ЦРУ после «дела Эймса» 10
Валерий Каджая 10

Экономика

Коттеджи для банкротов 14
Владимир Воронов 14
Деньги разные — проблемы тоже 16
Максим Володин 16

Жизнь

Первым делом — вертолеты 17
Фоторепортаж с VIII чемпионата мира по вертолетному спорту 17
Юрий Штукин, Эдуард Кудрявицкий, Эдуард Дорожкин 17
Пожар вызывали? 22
Михаил Поздняев 22
Очередь 27
Екатерина Гончаренко 27
Были сборы недолги 29
Егор Рыбаков 29
Бразилия: футбол или жизнь? 32
Вадим Чистов 32
Пожиратель дошесов 36
Алексей Митрофанов 36
Россия. Евфросиния. Серафима 39
Михаил Поздняев 39

Культура

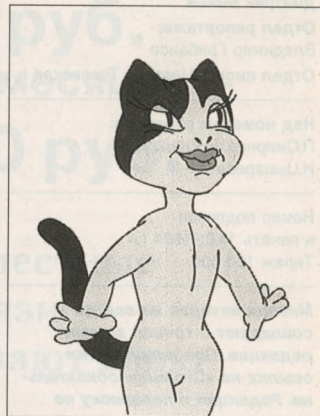
New Russians. Победит ли Америку Ваня-Молоток? 47
Интервью с Александром Курляндским 47
Собрание сочинений 50
Игорь Иртеньев 50
Поэт и чернь: консенсус? 55
Александр Соколянский 55
Как мы идем к юбилею Пушкина 57
Евгений Шальман 57
Аш хлор (Окончание) 59
Юрий Буйда 59
Дикие животные сказки 63
Людмила Петрушевская 63

Письма 2
Цитатник 13
С миру по нитке 35
Дневник И. 52
Видеокompac 54

На первой странице обложки фото Ю.Штукина, дизайн С.Стыриковича

32 Историческая память бразильца достаточно коротка, но это совершенно не относится к истории национального футбола. Мало кто назовет всех президентов страны со времен, скажем, Жетулиу Варгаса, но любой перечислит игроков «золотой» сборной 1970 года

47 Александр КУРЛЯНДСКИЙ:

...И получился такой секс-символ двора. Роскошная кошечка. Самая красивая в этом дворе, может быть, даже в городе. Такая кошечка-женщина, очень кокетливая. Такая Кити-Катя.

СТОЛИЦА

№ 38 (200), 1994

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4,

Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 aурp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов,

Владислав Старчевский

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Юрий Бугельский

Главный художник:

Владимир Васин

Отдел политики:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел права:

Николай Бахрошин

Международный отдел:

Андрей Голубов

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Над номером работали:

П.Смирнов, Н.Ударцева

И.Цыцарева

Номер подписан

в печать 14.09.1994 г.

Тираж 100 000

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.» с диапозитивов, изготовленных в фотонаборном центре еженедельника «Столица»

Что читают в мэрии

Я практически регулярно читаю «Столицу», довольно часто вижу, как в метро покупают журнал. Значит, интересуются, любят.

Журнал печатает немало запоминающихся и необычных материалов (к такому отношу недавнюю публикацию дневниковых записей Владимира Леви, публицистические выступления Валерии Новодворской и многое другое).

С большим интересом отношусь и к вашему развороту читательских писем. Среди них немало интересных, а главное, выдвигающих дельные предложения. Но вот читают ли их в мэрии, департаментах, префектурах и других правительственных органах? И если да, то принимают ли хоть какие-нибудь меры, учитывая наши общие беды и тревоги?

Очень хотелось бы получить ответ через журнал. Если, конечно, возможно. И если, конечно, мое письмо действительно прочитают не только в редакции (в чем я убежден), но и в городских учреждениях.

О.ЛИТОВЧЕНКО

Москва

Пусть раскошелятся коммунисты

В печати появились сообщения о создании общественного комитета по восстановлению храма Христа Спасителя в Москве. Что ж, на здоровье! Дело это добровольное, хорошее, если бы не обращение комитета к правительству и президенту Российской Федерации с просьбой о выделении на это богоугодное мероприятие бюджетных средств на сумму не один триллион рублей.

Звучит кощунственно, если вспомнить, в каком положении находятся наши музеи, театры, наука, школа, музыкальные заведения, здравоохранение,

спортивные и прочие бюджетные организации, сидящие на голодном пайке.

Это звучит вдвойне кощунственно, если учесть, что по меньшей мере треть нашего населения состоит из убежденных или стихийных атеистов и еще добрая треть относится к иным конфессиям, не имеющим отношения к православию. А ведь это всё налогоплательщики и законопослушные граждане нашей великой России. Зачем же столь бесцеремонно, ничтоже сумняшеся, залезать в наш общий бюджетный карман в угоду внегосударственной общественной организации?

Уж если дело идет о материальной стороне, давайте взглянем в корень, в историю вопроса. Кто варварски разрушал храм Христа Спасителя, во имя какой идеологии этот вандализм однажды приключился? Коммунисты. Так вот пусть те, кто так любит размахивать на площадях красными флагами, трясти сталинскими портретами и людоедскими лозунгами под руководством зюгановых, анпиловых, лукьяновых, андреевых, рущких и иже с ними, и раскошеляются во искупление своего греха, пусть откроют потаенные партийные заначки КПСС.

Не трогайте налогоплательщиков и собранного из их средств бюджета нашей страны. У нас бесконечное множество других дыр.

Л.ГОЗЕНПУТ

Москва

Ликбез — продолжать

В «Столице» № 31 прочитал с огромным интересом выдержку из книги Виталия Сундакова «Инструкция по эксплуатации жизни». Хотелось бы, чтобы редакция продолжала подобные публикации, жизненно необходимые каждому из нас, особенно нашим медикам, на которых, в числе многих, как справедливо замечает Сундаков, мы совершенно напрасно возлагаем

надежды. Может, застыдясь наконец.

Вот только одно наблюдение. Если вы бываете на рынке, присмотритесь утром, как делают обход торгующих инспекция и санитарная служба. Женщины в белых халатах вроде бы проверяют наличие у каждого сертификата на право продажи того или иного товара. Тогда зачем же на руке у одной из проверяющих висит объемистая сумка, в которую все продавцы, зная негласные условия торговли, кладут яблоки, груши, помидоры, огурцы — кто что привез. Кстати, охранник, ведающий выдачей сертификатов, не требует для себя ничего.

Женщина из Подмосквы, у которой моя семья много лет покупает творог, как-то пожаловалась мне, что санитарные врачи постоянно подходят с просьбами дать то сметаны, то творогу. А как не дать?

Зато появление в городе различных инфекций и недоброкачественных продуктов санитарную службу рынков не очень тревожит — это действительно работа только наша личная.

Недавно мои знакомые — мать и дочь — сильно отравились купленным на рынке же... арбузом. Вероятно, он был щедро «накормлен» химикатами. Это проверяется кем-нибудь? И о чем здоровье, в конце концов, идет речь, когда мы говорим об администрации, инспекции и санитарной службе рынков — о нашем или об их собственном?

«Во всем мире существует культура предупреждения», — пишет Виталий Сундаков. Казалось бы, именно для этого и должны работать все службы наших рынков. Казалось бы...

А.МОРОЗОВ

Москва

Пьют «Тупые»

Решил написать в редакцию вашего журнала, увидев, что вы часто обращаетесь к теме эстрады (интервью с Лещенко, Камбуровой).

А подумалось вот что: почему это у нас молодежные рок-группы всю свою неуемную фантазию в основном используют на изобретение, мягко говоря, необычных названий, оставляя без внимания и репертуар, и исполнение?

Почему они думают, что найденные ими названия групп оригинальны, выразительны, симпатичны? Мне кажется, от этих наименований просто в ужас можно прийти. Меня, например, оторопь берет, когда поют «Крематорий», «Гражданская оборона», «Женская болезнь», «Девушка из машбюро»... А «Матросская тишина», «Нogu светло», «Рукастый Перец», «Внуки Энгельса», «Электросудорожная терапия», «Деревянное колесо», «Зона отдыха»?

Некоторые названия можно просто переадресовать самим певцам. Если бы они немного задумались над этим... «Зоопарк», к примеру. «Мафия» или, еще похлеще, — «Тупые», «Буква «О»... Только букву здесь хочется поменять на совсем другую... Ребята, неужели это так непонятно?

В.КАРПОВ

Санкт-Петербург

«Калеки живут своей собственной, непонятной жизнью»

Такой подзаголовок к интересной небольшой автобиографической заметке Ксении Молдавской «Свято место» (№ 31 «Столицы») «зацепил за живое», и потянуло меня тоже написать вам именно об этом уже в прямом, не переносном, смысле.

Действительно, калеки живут своей собственной, непонятной жизнью. А почему? Попытаться бы понять да достучаться бы до сознания Минздрава и министра здравоохранения господина Нечаева, который на словах проявляет

великую заботу о всеобщем нашем здоровье. А в частности? На деле?

Моей подруге — 41 год. Десять лет — диабет, сейчас — вторая группа инвалидности, ежедневно инсулин, диета и т.п. В этом году в апреле было тяжелейшее осложнение, повлекшее за собой нарушение в работе почек, пиелонефрит. Больше месяца она провела в больнице, где ее буквально выгнали с того света страшными дозами антибиотиков. Температура под сорок держалась неделю, не один день стояла капельница... Потом был санаторий, так называемая реабилитация.

В конце августа позвонил ей лечащий врач и сказал, что пора ложиться в больницу — пришел срок ежегодного переосвидетельствования и лучше сделать это сейчас, пока есть места. Пребывание же ее в больнице в апреле является внеочередным и по нашим законам не учитывается. Поистине страна абсурдов.

Да, по нашему «гуманному» закону каждый инвалид должен каждый год подтвердить, пройдя медицинскую экспертизу и обследование (в данном случае — в больнице), свою инвалидность, то есть доказать, что ампутированная нога не выросла, что потерянный слух не восстановился, слепые глаза не стали видеть, а диабет не вылечился (а как часто, интересно, это происходит по медицинской статистике?). Но, если обследование не пройти, инвалидность и, соответственно, пенсию снимут. Снимут, несмотря на то, что руки и ноги — это не хвост ящерицы, а полиартриты не поддаются лечению во всем мире. Ну и что? Закон есть закон, и медики его ревностно соблюдают, не отступая ни на йоту. Не пора ли давно его пересмотреть? Что думает об этом господин министр?

Т.КУЗОВКИНА

Воронеж

Открыта подписка на журнал СТОЛИЦА

на I полугодие 1995 года!

**Стоимость подписки,
объявленная
редакцией:**

— на один месяц —

2600 руб.

— на три месяца —

7800 руб.

— на шесть месяцев —

15 600 руб.

**К этой цене местные
отделения связи
приплюсовывают свою
надбавку.**

**Сведения о подписке
в каталоге АПР, а также
в Московском каталоге.**

Индекс: 73746

Манана ШЕВАРДНАДЗЕ: Я родилась с «комплексом дочери»

Манана Шеварднадзе, дочь главы грузинского государства, живет в девятиэтажном многоквартирном доме в Тбилиси. Так что парадного портрета в дворцовом интерьере не получится. Скандальной хроники — тоже, потому как громкой молвы о ней никогда не было. О ней вообще знают немного. С прессой практически не общается.

Оказалось, что это первое в ее жизни интервью, когда интересуются ею, а не отцом.

Хотя, честно говоря, я и ощущаю себя в первую очередь дочерью Шеварднадзе. Наверное, я родилась с «комплексом дочери». Сколько себя помню, положение отца — секретарь райкома, министр, первый секретарь — всегда меня сковывало. Я не чувствовала себя свободно и не могла определиться — кто я на самом деле. И только в последние годы начала думать: ну что страдать, это же счастье. У других есть миллионы, власть, слава, а у нас с братом — отец. До конца дней я все равно останусь дочерью Шеварднадзе, и только так меня будут воспринимать другие.

Что значит для вас семья, в которой вы выросли?

— Для меня это все. У нас очень дружная семья, самое главное, мы все единомышленники. Вы знаете, сейчас в Грузии — в одной семье раскол на политической почве, в другой — на бытовой или финансовой. А у нас никогда ни по какому вопросу не возникало разногласий. Но, конечно, лидер — отец, хотя мать тоже активный человек. Отец всегда крайне много работал, но час для обеда с семьей он всегда оставлял. С нами, детьми, он все время шутил, но любил в то же время разговаривать серьезно. Он объяснял, что такое жизнь, для чего живет человек. Он считал, что самое главное — иметь цель, большую, значительную, и все время стремиться достичь ее.

Ему это удалось?

— Ему, наверное, удалось. А вот мне... Когда тебе с детства внушают, что человек рожден для каких-то великих дел, и вдруг, в 18 лет: замужество, семья, ребенок, параллельно учеба в консерватории. И так целых десять лет. Это было огромное разочарование: готовишь себя к великим свершениям, а на самом деле...

Почему вы так рано вышли замуж?

— А почему вообще девочки выходят замуж? Кроме того, мне, на-

Семья Шеварднадзе: дочь Манана, сын Паата, жена Нануле Ражденовна

верное, подсознательно хотелось больше самостоятельности. Все-таки мы росли не так, как остальные дети, которым все дозволено.

И вы были счастливы в браке?

— В первые годы — да. Мой покойный муж был настоящим грузинским мужчиной — широким, общительным, но он трудно мирился с тем, что я не могла принадлежать только семье, что хотела как-то самореализоваться. Кроме того, для меня идеалом мужчины всегда был отец. И я предвзято, наверное, непомерные требования к мужу.

Много у вас друзей?

— Я не люблю шумных компаний. Где бы я ни была, я всегда старалась не выделяться, но на меня все равно обращали внимание — просто из-за фамилии, и от этого я еще больше зажималась. Если бы не это, наверное, я была бы более раскованной. Хотя вот ведь моя мама находилась точно в такой же ситуации, но она очень общительна, темпераментна — совсем другой тип. Я считаю, что у меня много друзей сегодня, 5–6 человек — это много. Все со школьных и студенческих лет. Среди друзей я не

замкнута и совершенно откровенна, а для остальных я не очень-то открыта. Мне совсем этого не хочется, но так невольно получается: существует какая-то дистанция. Так что если я не захочу сама приблизиться, ни у кого не получится подойти ближе. Да и опыт научил, что близость иногда оборачивается разочарованием и болью.

В чем вы находите опору в жизни?

— Для меня сейчас опора — моя дочь. Точно так же, как и я для нее, хотя она далеко, в Америке. И еще опора — я сама и мое дело. Если я увлечена делом, тогда все, я спасена.

Дочь давно в Америке?

— Она уехала во времена Гамсахурдиа. Совсем не потому, что внучка Шеварднадзе обязательно должна учиться где-нибудь за рубежом. Просто ей здесь было трудно оставаться: как раз скончался ее отец, она это сильно переживала. И еще — вокруг все ругали дедушку, а для нее это было невыносимо. В США она поступила в колледж и долго мучилась, какую профессию выбрать. Выбрала психологию. Мой отец го-

ворит, что у нее своеобразное мышление, она все воспринимает и анализирует. Мне даже жалко ее: в жизни не очень-то хорошо быть умной женщиной.

— И вы остались тогда в Тбилиси одна?

— Да, совсем одна. Родители были в Москве, брат еще раньше с семьей уехал работать в ЮНЕСКО, в Париж. А я, наверное, нигде за границей не смогу жить. Может быть, только в Москве.

— Что для вас значит работа?

— Стоило мне в юности прийти на телевидение, оно целиком захватило меня. Я была редактором в музыкальной редакции. Интересные люди, съемки, сама атмосфера, и, конечно, я пропадала на работе. И муж тогда поставил условие — он или ТВ. Естественно, выбрала семью. Пошла работать в консерваторию на кафедру эстетики. Все вокруг советовали — делай диссертацию. А это было для меня мучением. Я не тот человек, чтобы сидеть в кабинете, разбирать материалы и писать. Меня охватила беспросветная тоска. Муж все понял и сказал — возвращайся на свое ТВ.

— И вот вы — директор студии грузинских телефильмов.

— Это произошло недавно, весной этого года. Сейчас на телевидении, как и везде, все рушится. На моих глазах разваливается студия, которая работала на хорошем профессиональном уровне, выпускала в год 25 часов фильмов самых разных жанров. Оборудование, пленка, химикаты — все было из России. Сейчас связи разорваны, 300 человек практически без работы, студия стоит.

— И ничего нельзя сделать?

— А что можно сделать на наши купоны? Пока студия остается государственной структурой со старой системой платежей — ничего. Здесь такая бюрократия, какие-то нормативы, изобретенные прежней системой. Смешно, все структуры разрушены, а нормативы остались. Если превратить студию в акционерное общество, может быть, что-то и сдвинется. На этом этапе надо делать совместные фильмы: с Россией, с Западом. С Западом пока ничего не получается. Обсуждаем планы, но доходит до контракта — они пропадают. По-видимому, боятся. А у нас понять никак не могут, что, пока не будет стабильности, ничего не будет — ни экономики, ни искусства. Восстановление контактов с Россией — тоже достаточно болезненный процесс. Мы считаем себя свободными, нам нелегко пойти на пятую, искать компромиссы. Русские коллеги тоже не в восторге, и их можно понять: мы захотели быть вместе, когда нам стало трудно.

— Кажется, вы входите в элитарный женский клуб, который обосновался в фешенебельной гостинице «Метехи»?

— Нет. Меня долго уговаривали, но я наотрез отказалась. Я сама не знала почему. Казалось бы, престижно —

«Метехи», роскошный интерьер, дамы в нарядах. Но у меня возникло чувство протеста — люди голодают, а там элита собирается... Что я там буду делать? Развлекаться, болтать, сплетничать — это совсем не моя стихия. И вообще, ненавижу чисто женские организации. Это ненормально, когда только женщины собираются вокруг какой-то идеи. У нас, во всяком случае.

А вообще, не будь я женщиной, пошла бы в политику. Несмотря на мою тягу к творчеству, кино, музыке. Я думаю, что политика — это тоже творчество. Во всяком случае, глядя на отца.

— Не собираетесь принять участие в каком-нибудь партийном движении?

— Ни в коем случае. У меня аллергия к любой партийной деятельности. Я даже не собираюсь вступать в Союз граждан Грузии, организованный под эгидой отца. Достаточно того, что я была членом компартии. Мне этого хватило на всю жизнь.

— Какие-то неприятные воспоминания?

— Очень. На вступлении в партию настаивал директор издательства, где работала после окончания консерватории. Он сказал, что сам даст рекомендацию. И по иронии судьбы на заседание бюро райкома одновременно было вынесено два вопроса: смещение с должности директора издательства и мое вступление в партию. Естественно, тогда на должности он удержался. Но мне сразу стала ясна его «отеческая» забота о моей идейности. Для меня это была настоящая драма. Урок на всю оставшуюся жизнь.

— Как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в Грузии? И как вы ощущаете себя в ней?

— Мне сейчас гораздо тяжелее, чем во времена Гамсахурдиа, хотя, может быть, это парадоксально звучит. Я тогда жила одна в Тбилиси, и все меня называли сумасшедшей. Но я не могла иначе, это было какой-то формой протеста: я не уеду отсюда, пусть идут эти митинги, пусть ругают отца... Они хотят, чтобы я бежала отсюда? Нет. Даже милиция, останавливая мою машину, увидев меня за рулем, удивлялась: «Вы что, здесь?» «А что, должна уехать?» — огрызалась я. Но, надо сказать, всегда вели себя корректно, я даже чувствовала их уважение.

— А что сейчас?

— Тогда я знала, что когда-нибудь это сумасшествие кончится. И ясно было, вот это — режим Гамсахурдиа, я — по другую сторону. А сейчас все так неопределенно, так запутанно... Не разберешь, кто прав. Все играют, что-то высчитывают для себя, следить за этим утомительно и неинтересно. А главное, так несправедливо относятся к отцу. Обидно за него. Чего стоила нам та ужасная осень, когда он фактически погибал в Сухуми и весь мир наблюдал, как методично, день за днем убивали Шеварнадзе. Никто пальцем не пошевелил

ради человека, который столько сделал для мира. Хотя бы один тот факт, что нет этой «стены» в прямом и переносном смысле, неужели ничего не значит? Он рассказывал, как было в Сухуми. Какие-то мгновения решали все. Сделает шаг, а сзади взрыв. Вот тогда я правда начала верить в Бога. Это было чудо, что он выжил. А как он оттуда вылетел? На каком-то абсолютно разваленном самолете. Я считаю, что предали даже не человека, а саму идею. Вот этого я миру простить не могу. Не как дочь, а как житель этой планеты.

— Как вы думаете, у Грузии есть перспектива?

— По-моему, сейчас Грузия как раз начинает выходить из тупика, хотя и очень медленно. Потому оппозиция так активизировалась, видит, что идет стабилизация. Так что у меня оптимистический настрой на этот счет.

— А в своем доме как вы себя ощущаете?

— «Мой дом — моя крепость». Когда он строился, я каждый день приходила сюда и смотрела, как все выше поднимаются этажи, и радовалась — вот уже совсем скоро. Я так долго этого ждала. 11 лет мы жили в трехкомнатной квартире вместе с родителями мужа. А нам, как всем молодым, хотелось жить своей семьей. Я умоляла отца дать мне какую-нибудь квартиру. Хоть однокомнатную. Нет. Мой отец твердо держался принципов: «Я людям обещал, и до тех пор, пока последняя семья не выйдет из подвала, я тебе не могу ничего дать».

— Значит, вы так от отца ничего и не получили?

— Нет. Мой свекор выделил эту квартиру в их ведомственном доме. Для меня она очень дорога, я все своими руками здесь устраивала, что-то придумывала. Это мой мир. Мама часто меня упрекает, почему я не останусь у них. Хочу, но меня все время тянет сюда.

— Как устроен ваш быт? Вам приходится, например, стоять в очереди за хлебом?

— Мне помогает по дому женщина. Что мне одной нужно? Чтобы чисто было и какие-то продукты. Когда у меня была полноценная семья, я занималась хозяйством. Я все могу делать, готовить, печь. Даже люблю, если это не превращается в обязанность.

— Самая неправдоподобная история, которую вы слышали о себе?

— Фантастическая история о том, что у нас есть собственный остров (точно не знаю где, наверное, в Океании), естественно, с дворцом, фонтанами, бассейнами и прочей роскошью. Я бы не отказалась, если бы это было правдой.

— Вы считаете, что смогли реализовать как личность или это впереди?

— Разумеется, впереди, как у каждого человека.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

В интеллигенцию кидают много камней. Кто-то верно заметил, что ни пролетариата, ни крестьянства в чистом виде не осталось. А интеллигенция — пожалуйста, вот она. Военская специальность — «движущаяся мишень».

Между тем кидаются эти камни не так уж безосновательно. Паникерство, болтология, подмена действия рефлексией — все это есть, грех отказываться. И не в том ли беда сегодняшней нашей прессы, что основные ее авторы — интеллигенты-гуманитарии, а не новые люди, которых породило новое время?

Два мнения на эту тему высказывают публицисты, оба волею судеб принадлежащие к спорной прослойке.

Расконвоированные

Интеллигенция и пресса

Александр АГЕЕВ

Что такое «расконвоированные»? Это заключенные, которым лагерное начальство настолько доверяет, что выпускает их из «зоны» на работу без солдатиков с овчарками и автоматами. Они, стало быть, признаны неопасными для общества и не склонными к побегу. Но и расконвоированные остаются все-таки заключенными — то есть снят на тех же нарах, хлебают ту же баланду, носят ту же одежду, — словом, остаются в полной и безраздельной власти начальства.

Вот этих самых расконвоированных очень напоминают мне сейчас наши средства массовой информации — газеты, журналы, в какой-то степени радио и телевидение. Года три назад, после падения советской власти, они скоростно оказались на полной свободе, сами стали своими «учреждениями», превратились в АО, ТОО, МП и прочие симпатичные организации: сами себе хозяева и пайщики, а всему миру — солидные юридические лица. Государство через некоторое время спохватилось, попыталось хоть что-нибудь отсудить назад, но не тут-то было — процесс не только пошел, но уже и ушел. Журналисты желали работать без конвоя и плоды своего труда не ссыпать, как раньше бывало, в бездонные закрома родины, а законно присваивать. И государство, как мы знаем, отступило, и даже позволило кое-кому «приватизировать» свои помещения. Большинству же достались из материальных богатств столы, стулья, пишущие машинки, медная мелочь на счетах и доброе имя. Имена недобрые (вроде «Коммуниста») были тут же сняты с обложек.

А дальше — читатель уже догадается — все пошло как по маслу. Свершилась в январе 1992 года Ве-

лика капиталистическая революция, и медная мелочь на счетах редакций немедленно испарилась — вместе со значительной частью подписчиков и покупателей. Зато бумажники, типографские работники, транспортники, почтовики и иже с ними тоже «расконвоировались» и тоже решили законно присваивать плоды своего труда. Дабы плодов было побольше, цены они вздули до поднебесья. Полная настала свобода, всей прелести которой почему-то никто не захотел оценить...

...И очень скоро наши расконвоированные понуро, без лишнего шума, потянулись в привычные «зоны» — есть свою тюремную баланду и спать на родных нарах. Оказалось, что без государственных дотаций нашим средствам массовой информации не выжить. Как не выжить без них бумажникам, транспортникам, почтовикам и проч. (Что, заметим в скобках, весьма странно, ибо те дотации, которые получают газеты и журналы, прямоком поступают в закрома бумкомбинатов, типографий и Министерства связи.)

Впрочем, эта моя статья — вовсе не очередной плач о тяжелой судьбе российской прессы в эпоху незавершенных реформ. Таких плачей написано уже и без меня многие сотни, если не тысячи.

Я же хочу обратить внимание читателей на странные следствия вышеописанной «расконвоированности», этой как бы недосвободы.

Чтобы понять, в чем суть дела, придется вернуться немного назад — в эпоху недоброй памяти советской власти. Тогда, как известно, средства массовой информации не болтались сами по себе в бурном финансовом море, а были — все до единого — «органами» какой-нибудь симпатичной общественной организации (прошу прощения за тавтологию) или государственной структуры — ком-

партии, комсомола, советов, всесоюзного общества филателистов и прочая, прочая, прочая. Например, такой замечательный журнал, как «Век XX и мир» был тогда (ну кто это теперь помнит?) «органом» Советского комитета защиты мира. Принято было считать, что у каждой лояльной советской «группы граждан» должен быть «свой», выражающий ее интересы и чаяния, «орган». Понятно, что при этом все без исключения легальные «органы» выражали интересы ЦК КПСС, но попробуйте возразить против самого принципа! Всякая социальная, профессиональная, религиозная и т.д. группа действительно должна иметь трибуну, рупор, рычаг власти, наконец, если вспомнить, что пресса — «четвертая власть».

А теперь посмотрим, что происходит с нашими средствами массовой информации сегодня (не касаясь изданий специальных, профессиональных, чисто развлекательных). Более или менее «органами» остались газеты и журналы самого крайнего толка — коммунистические, фашистские, национал-патриотические. «Карманные» газеты мелких партий не в счет — это издания сугубо ведомственные, широкой публике неизвестные.

Зато вся остальная более или менее приличная и заметная пресса просто отказывается заявить читателю, «чья» она и для кого. Разве только семидесятипятилетний «Московский комсомолец» продолжает настаивать, что он — газета «молодежная», да и издание из новых — «Век» — утверждает, что является «газетой деловых кругов». При этом дураку ясно, что молодежь у нас очень разная, а «деловых кругов» никак не меньше кругов ада в «Божественной комедии» Данте. Остальные либо выражаются туманно — «политическая и деловая газета» («Сегодня»), либо вовсе хранят молчание. Просто «Известия». Просто «Независимая газета». Работаем, дескать, для всего народа и, соответственно, выражаем мнение всего народа.

Неужели у нас нынче такое гомогенное, недифференцированное общество, что его совокупные интересы и чаяния может адекватно представлять газета или журнал? Даже при большевиках кроме «Правды», которая интересы всего народа выражала наиболее мудро, был, например, «Труд», газета профсоюзов, которые, впрочем, тоже были «школой коммунизма». Начальной. И это было тогда, когда общество наше было гораздо более однородным, нежели сейчас. Сейчас стремительную дифференциацию и расхождение нашего общества, чреватые разными коллизиями и конфликтами, может не заметить только совсем уж слепой. Процесс идет почти вулканический.

И вот на фоне этого процесса — говорю это с полной ответственностью — практически все средства мас-

совой информации захватывает и монополизировать одна социальная группа. Не самая многочисленная. Не самая богатая. Не самая влиятельная.

Это гуманитарная интеллигенция. Ей досталось самое ценное из наследства компартии — ее солидно налаженная информационная инфраструктура. При советской власти интеллигенция тудилась на этом поприще как наемная сила, теперь средства массовой информации перешли — вместе с привычными названиями, подписчиками и каналами распространения — в ее монопольную собственность.

И это — по ряду причин — весьма опасно.

Во-первых, опасна всякая монополия. Она лишает реального и потенциального покупателя выбора, заставляет его платить за свой товар столько, сколько ей хочется. В случае со средствами массовой информации главное, конечно, не цена, а выбор и многообразие. Сейчас же читатель общероссийской прессы может выбирать только между мнениями или позициями отнюдь не разных социальных групп общества, а всего лишь разных группировок одной — гуманитарной интеллигенции. Одни из этих группировок поправее, другие полевее, одни поближе к властям, другие подальше. Иногда газета или журнал вообще выражает мнение и позицию всего-навсего одного-единственного человека — главного редактора (случай «Незави-

симой» В.Третьякова). Так или иначе, но блюдутся прежде всего свои, сословные интересы.

Но — могут мне возразить — разве не была российская интеллигенция всегда и во все времена совестью нации, столпом народолюбия и голосом многострадального народа? И я отвечу — нет, не была. Это миф, созданный ею самой, и это ее совокупные усилия привели в 1917 году к известной катастрофе. Еще меньше она была «совестью нации» при большевиках. Как раз в это время ее совершенно перестали занимать отношения с народом и она полностью отдалась переживанию драмы своих отношений с властью. Она драма продолжается и сейчас. И, соответственно, львиную долю газетных и журнальных полос занимает ее пережевывание.

Во-вторых, интеллигенция сейчас — сословие, в ходе реформ наиболее пострадавшее и наименее приспособившееся к новой действительности. Отчасти и не желающее приспособляться, поскольку интеллектуальный и деловой багаж не только весьма скуден, но и практически не нужен в новую эпоху, которая не очень-то уважает слова. По всем по этим причинам интеллигенция стремительно маргинализируется, люмпенизируется, озлобляется, начинает борьбу против перемен. И оружие для такой борьбы у нее есть — пресса, попросту подаренная ей государством после 1991 года. Посмотрите, какими мрачными

красками изображает эта пресса современную российскую жизнь, — и многое станет ясно. И вообще, нет опаснее человека, чем маргинальный, задвинутый на обочину исторического процесса интеллигент. Он создает среду, из которой выходят ленины, гитлеры, муссолини, пол поты, ульрики майнхоф и францы баадеры.

В-третьих, не надо забывать, что свобода нынешней прессы — это неполноценная свобода «расконвоированных»: пресса кормится — пока — из жесткой ладони государства; что все эти АО, ТОО и даже концерны не настоящие собственники своих изданий, ибо собственники живут за свой счет и платят сами. А призрачная собственность развращает, она ведет к безответственности, к распространению психологии временщиков. Не от этого ли некоторые до недавнего времени достойные издания, вроде «Независимой», хамеют и «желтеют» на глазах?

Где же выход? — спросите вы меня. Выход один — настоящая свобода и настоящая ответственность. Не имеющий возможности оплатить свои счета должен найти на свою собственность, с которой он не справляется, покупателя либо объявить о банкротстве. И совершенно ни при чем здесь «поддержка гибнущей культуры» и «защита интересов читателей». Это все понятия, рожденные в «зоне», где сидят на нарах наши «расконвоированные», лелея свою недосвободу.

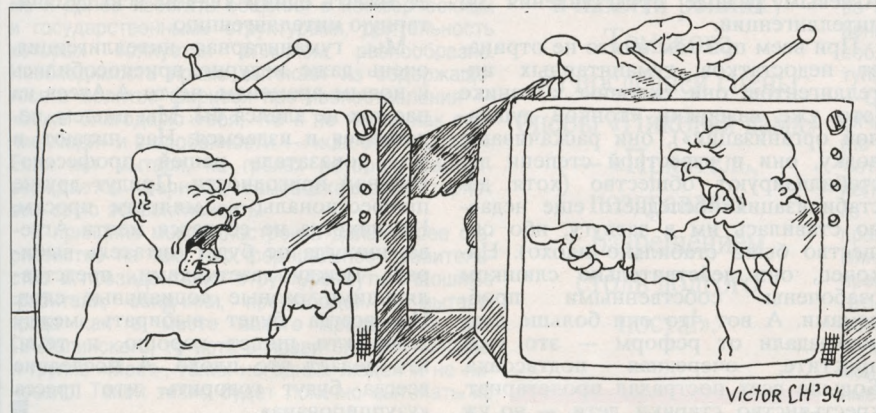
Выкресты

Интеллигенция и интеллигенция

Дмитрий БЫКОВ

В хорошее время живем, господа. Эссеисты пишут эссе о крахе жанра эссе. Критик, редактор толстого журнала, пишет о том, как вредно засилье литературы и как

ужасно большое количество публицистов (см. С.Чупринин. «Чернильное семя» в нашей же «Столице»). Другой сотрудник толстого литературного журнала, гуманитарный интеллигент по нынешнему роду занятий, пишет статью о вреде гумани-

тарной интеллигенции. Совершенно писать стало не о чем. Настолько не осталось деревьев на дрова, что взялись рубить собственный сук.

В общем виде пафос статьи А.Агеева сводится к тому, что гуманитарная интеллигенция узурпировала прессу, а поскольку она слишком грешна перед историей, привела к власти Ленина, Гитлера и Муссолини, то это нехорошо. Подтасовок здесь столько, что объяснить этот необъяснимый вывод возможно, только исходя из соображений журнальной и политической конъюнктуры. Решил человек лишний раз плюнуть в интеллигенцию, сказавши, что она вовсе не является совестью нации. Это, господа, не упрек. Ни одна прослойка вообще не является совестью нации: ни пролетариат, ни крестьянство, ни болтающиеся между ними пролетарии умственного труда, пахари газетных полос. Совестью нации являются отдельные личности. А они, так уж в России ведется, чаще всего принадлежат к интеллигенции. И только-то.

Но ругать интеллигенцию теперь легко и приятно — под это дело подверстываются все ее прежние и новые грехи. Следует серия героических плевков против ветра. Добро бы после статьи «Расконвоированные» А.Агеев ушел из прессы, уступив место тем, кто будет писать статьи по праву и с полным основанием.

Так нет же — пишет лично! Потому что уступать место — некому.

В прессе ВСЕГДА сотрудничала и будет сотрудничать гуманитарная интеллигенция. То есть люди, умеющие думать и грамотно излагать свои мысли. Ведь в понятие гуманитарной интеллигенции входят и политологи, и очеркисты, и интервьюеры, и информаторы — все, кто не стоит у станка, владеет пером и обладает собственной стилистикой. Вся премудрость.

Я был бы очень рад последовать совету А.Агеева и призвать наших промышленников, бизнесменов и, например, врачей писать самостоятельно. Так и вижу всю Россию за компьютерами: знай пописывают! Тогда, конечно, у каждой социальной и профессиональной прослойки будет свой узкоспециальный печатный орган. Да только не рвутся наши бизнесмены статьи сочинять. Журналистов во всех изданиях катастрофически не хватает, а народ по-прежнему любит читать в метро. Кто же пишет в профессиональной, например, учительской газете «Первое сентября»? Кто работает в «Коммерсанте», призванном быть рупором новых русских? Кто ведет отделы политики в политических изданиях? Опять же гуманитарная интеллигенция. Филолог Симон Соловейчик и его журналистская команда. Александр Тимофеевский, эссеист и искусствовед. Сергей Пархоменко, в прошлом театральный критик. То есть те, кто умеет писать. Беда, коль пироги начнет тачать сапожник. Он их не печет, а вот именно что тачает. И так уж от дилетантов на всех уровнях в глазах рябит, — дайте вы хоть писать-то профессионалам!

Интересная картина получается у Агеева: пресса оказалась в руках гуманитарной интеллигенции. Ничуть не бывало: и телевидение, и газеты вовсю раскупаются тем же «Мостом», «Джи-эм-эм» и прочими коммерческими структурами. Только пишут по-прежнему не наниматели, а нанятые. Умел бы Гусинский сам писать как следует — не нуждался бы в услугах «Сегодня» и уж тем более в Е.Киселеве. А вот каким образом гуманитарная интеллигенция узурпировала газеты — это вопрос занятный. Я принадлежу к гуманитарной интеллигенции и сроду ничего не узурпировал. Нравится мне писать, я это, кажется, умею. Пришел двенадцать лет назад внештатничать в «Московский комсомолец». Поступил на журфак. Устроился в газету. Силой ничего не захватывал, добивался места на полосе в процессе нормальной конкуренции. Кто не умеет писать — того не печатают. Кто умеет — ничего не узурпировал, а знай себе пишет да с этого кормится.

В логике Агеева видится мне интересная параллель. Полезную книжку недавно у нас переиздали — «Что нам в них не нравится» известного Василия Шульгина. Позволю себе обширные выписки.

«Другое преимущество евреев —

специальное и касается специально газетного дела. (...) Эти (еврейские. — Д.Б.) издания технически хорошо ведутся. Евреи постигли искусство сервировать интересную газету. Большая печать, которая называет себя русской и которая пишется по-русски, — не русская. (...) Нужны деньги. Поэтому нам нужно создавать богатых русских. Есть второе, и очень важное: учитесь газетному делу. Евреи выучились от нас писать. Мы должны выучиться у евреев, как «делать» хорошую, то есть интересную, то есть достигающую своей цели (первая цель прессы в том, чтобы ее читали) прессу. Нечего стыдиться: до сих пор это искусство нам плохо давалось. Русские газеты тяжелы и неуклюжи. (...) Можно с утра до вечера склонять «жида» и поносить евреев всеми непечатными словечками и в то же время вольной волею лезть в еврейский плен, не умея выражаться печатно».

Подставьте вместо «евреев» гуманитарную интеллигенцию — многие склонны отождествлять эти понятия, — и вы получите готовый пассаж из статьи Агеева. С тою только разницей, что Шульгин признавал заслуги евреев в овладении печатным словом и призывал русских учиться у них, а Агеев не признает за гуманитарной интеллигенцией никаких заслуг и предлагает как-нибудь оттеснить ее от прессы: административным путем или методом убеждения, но уж никак не в результате здоровой конкуренции.

Но нельзя же, ей-богу, так быстро перестраиваться! Нельзя же повторять самые расхожие, самые постыдные обвинения, будто именно интеллигенция привела к власти Гитлера, Ленина и Пол Пота! Не интеллигент создает для этих людей питательную среду, а условия жизни общества. Интеллигент виноват только в том, что недостаточно громко предупреждает об опасности появления подобных лидеров. Ленин интеллигенцию ненавидел, Гитлер уничтожил, Пол Пот почти истребил во вверенном ему пространстве. С людьми, приведшими тебя к власти, так не поступают. Не интеллигенцию представляют Гитлер и Муссолини, а мелких лавочников и недоучившихся завсегдадаев пивных. Или у нас с Агеевым разные представления об интеллигенции.

При всем при том никто не отрицает недостатков гуманитарных интеллигентов: они склонны к панике (это уже издержки «тонкой душевной организации»), они раскачивают лодку, они в известной степени дестабилизируют общество (хотя дестабилизация последнего еще недавно ставилась им в заслугу, ибо общество было стабильно плохо). Наконец, они действительно слишком озабочены собственными проблемами. А вот что они больше всех пострадали от реформ — это уже, простите, очередная подтасовка. Больше всех пострадал пролетариат, крестьянство, старики, дети, — но уж

никак не журналисты, которые в последние десять лет чувствуют себя значительно лучше, чем прежде. Уже никто не заставляет их писать о доярках и «менять профессию». Требуют чтивности. А чтиво и читать, и писать легко.

Оттеснить гуманитариев от прессы можно только одним путем: создать новую генерацию пишущих профессионалов, которые и будут говорить в газетах и на телевидении о своих проблемах. Но, начав это делать, они сами автоматически станут гуманитариями, ибо так называется человек, имеющий отношение к искусству и печатному слову. Сказать по чести, мне представляется маловероятным возрождение института «рабкоров»: их заметки, в большинстве своем бездарные, всегда обрабатывал штат перманентно спивающихся правщиков, которым не давали писать самостоятельно. Писать в прессе будет всегда не тот, кто должен это делать согласно разрядке А.Агеева, а тот, кто умеет. А кому не дано — тот пусть пишет в газеты оппозиции: там всех берут. Не случайно А.Агеев приводит эти издания в пример: они-де являются рупором определенной части общества. Вот пусть туда и пишет НЕгуманитарная НЕинтеллигенция. Пусть сама же и читает.

В погромные времена всегда есть прослойка выкrestов — людей, отрекающихся от своей веры и национальности, поскольку представлять в обществе эту веру и национальность становится немодно. Очень может быть, что время интеллигенции как властителя дум в самом деле прошло. Теперь пусть высказываются профессионалы, а не те, чьей профессией стало «болеть общей болью». С этим никто не спорит. Но это не повод отречься от себя: это повод повышать свою квалификацию. И если некто наконец понял, что он и люди его профессии стали не нужны, — это опять-таки не повод срочно перебежать к тем, кто стал нужен. Куда достойнее остаться самим собой и не кидать грязью в бывших соратников. Меня самого донельзя раздражают наши многословные и водянистые, паникующие и эгоцентричные публицисты «апрелевского» образца. Но это опять-таки не позволяет мазать одним квачом всю гуманитарную интеллигенцию.

Мы, гуманитарная интеллигенция, очень даже недурно приспособились к новым временам, не то А.Агеев на нас так не злился бы. Мы пишем, печатаемся и издаемся. Нас читают, и это показатель нашей профессиональной пригодности. Придут другие профессионалы — милости просим. Но никогда не сбудется мечта Агеева, никогда не будет читатель выбирать между газетчиками, представляющими разные социальные слои. Он всегда будет выбирать между теми, кто пишет хорошо, и теми, кто делает это плохо. А последние всегда будут говорить, что пресса «узурпирована».

О мытаре и фарисее

Завершение периода гордой отстраненности, сопряженной с обличением властей в бестолковости, неграмотности коррумпированности и лживой имитации реформ, и переход к тесному сотрудничеству с правительством Москвы и группой «Мост», заместитель руководителя которой, С.Зверев, введен в руководство «ЭПИ-центра», показывает, что способен явить свои силы «в нашей буче, боевой, кипучей» неодолим даже для заядлых анахоретов.

Тем не менее похвальное начинание порождает ряд вопросов политико-технологического характера. С момента ухода из верхов (ноябрь 1991 г.) и до сего дня политическая тактика Г.А.Явлинского была чистым фарисейством, в том смысле, что известный экономист скрупулезно подражал герою новозаветной притчи: «Фарисей, став, молился сам в себя так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза на неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю» (Лк. 18, 11—13). С некоторой поправкой на особенности синодального перевода мы тут имеем дело со стандартным предвыборным выступлением руководителя «ЭПИ-центра», которое в несинадальном варианте звучит так, что «все в г..., а я в белом фраке».

Говоря такую притчу, Спаситель указывал тем, «которые уверены были о себе, что они праведны, и уничтожали других», что «всякий возвышающий сам себя, унижен будет». Однако предметом данной статьи являются не взаимоотношения Г.А.Явлинского с Всевышним, а взаимоотношения Г.А.Явлинского с избирателями. А, поскольку избирательная кампания не всегда и не в полной мере базируется на принципах Нагорной Проповеди, с точки зрения непосредственного политического успеха фарисейство может быть и целесообразным, ибо не только Г.А.Явлинский, но, очевидно, и его электорат не способны отличить любовь к добродетели от любви к себе, добродетельному. Если в рамках политического спектакля есть спрос на фарисейство, кто-то должен играть и роль фарисея.

Однако в поведении фарисея из вышеприведенной притчи есть ряд существенных деталей. Если оценивать его поступки с точки зрения строго юридической, он был и в самом деле праведен: постился, платил десятину, избегал общения с людьми «как этот мытарь» и т.д. Следственно, Г.А. Явлинскому, чтобы и впредь эксплуатировать найденный образ, необходимо и далее избегать общения с коммерческими и государственными структурами, деятельностью которых толкуется слишком разнообразно. Необходимость прямо вытекает из содержащегося в молитве фарисея противопоставления — «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди!» и в особенности — «как этот мытарь». Если нет мытаря, на греха которого самоутверждается фарисей, самовосхваление теряет всю свою эффективность.

В принципе можно построить дальнейшее фарисейство на том, что федеральное правительство и президентские структуры суть сплошные грабители, обидчики, прелюбодеи и мытари, тогда как в месте нового прилюдия сил Г.А.Явлинского, то есть в правительстве Москвы и группе «Мост», таких негодных людей и не ночевало. Такой тезис будет логично вытекать из

Максим СОКОЛОВ

Сообщения о том, что Г.А.Явлинский, наскучив абсентеизмом и обличением всего и вся, решил обратиться к практической деятельности и вместе со своим «ЭПИ-центром» занялся разработкой московской программы приватизации, поневоле вызывают в памяти реплику Томского из последней сцены оперы «Пиковая дама» — «Пряатель, поздравляю с разрешением столь долгого поста!».

принципиального отказа Г.А.Явлинского сотрудничать со структурами, не отвечающими его высоким нравственным требованиям, тогда как с отвечающими — почему же нет.

Пока что обличения Явлинского носили удобно-абстрактный характер. Не связанный напрямую ни с какими государственными или частными структурами непонятый экономист в общих выражениях обличал общие недостатки администрации, причем слушающий — в зависимости от того, что его в данный момент больше всего раздражает, — волен был отнести смелую критику хоть к совету министров, хоть к Ельцину, хоть к мэрии, хоть к родному сельсовету. Теперь критика общего характера — по возможности неправильного отнесения ее к столичным структурам — не вполне удобна. Отказ же то ли от критики вообще, то ли от критики, каким бы то ни было образом задававшей муниципальные и финансовые структуры Москвы, неприемлем по другой причине. Электорат Г.А.Явлинского частью состоит из люмпен-интеллигенции, выброшенной на обочину экономическими процессами последних лет, а частью — из высоколобой интеллигенции, никуда не выброшенной, но с тем большей страстью исповедующей принцип «чума на оба ваши дома». Как та, так и другая группа не склонны делать специальное различие между плохим федеральным правительством и хорошим московским — принцип «чума на оба ваши дома» действует и тут, а с изменением критической манеры известного экономиста чума может распространиться и на его дом. Остается одно: с максимально искренним и честным видом подмечать все федеральные соломинки и в упор не видеть муниципальных бревен — в горячей надежде на то, что и аудитория заразится аналогичной абберацией зрения.

Притча о мытаре и фарисее содержит осуждение фарисея не за конкретные дела — делато как раз похвально, — а за опасное направление духовного развития. Умиление своими добрыми делами имеет свойство переходить в окончательное умиление собой, когда качество конкретных дел уже не играет никакой роли — если я по природе своей хорош и достоин умиления, то при чем здесь мои конкретные дела? Фарисейство переходит в следующую фазу, когда это слово уже обретает общепотребительный смысл, то есть означает грубое лицемерие и окончательный переход на двойной моральный счет. Отсюда и практическая рекомендация по поводу политиков, которые настойчиво злоупотребляют разговорами о своей нравственности: «Все, что они велят соблюдать вам, соблюдайте и делайте, по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают».

Самое тут загадочное — впрочем, уже две тысячи лет загадочно — вот что. Сколь доступная (по крайней мере в последнее время) книга, как Четвероевангелие, содержит весьма большое количество притч, имеющих кроме мистического и душеспасительного еще и обыкновенное практическое значение: проповедуя — до оскомины на зубах у слушателей — высочайшую нравственность, можно по крайней мере избежать в своем внешнем поведении буквальных ассоциаций с поведением лиц, неодобрительно упомянутых в притчах. Вероятно, проповедующая известным экономистом нравственность имеет иной, высший, чем Евангелие, источник. ■

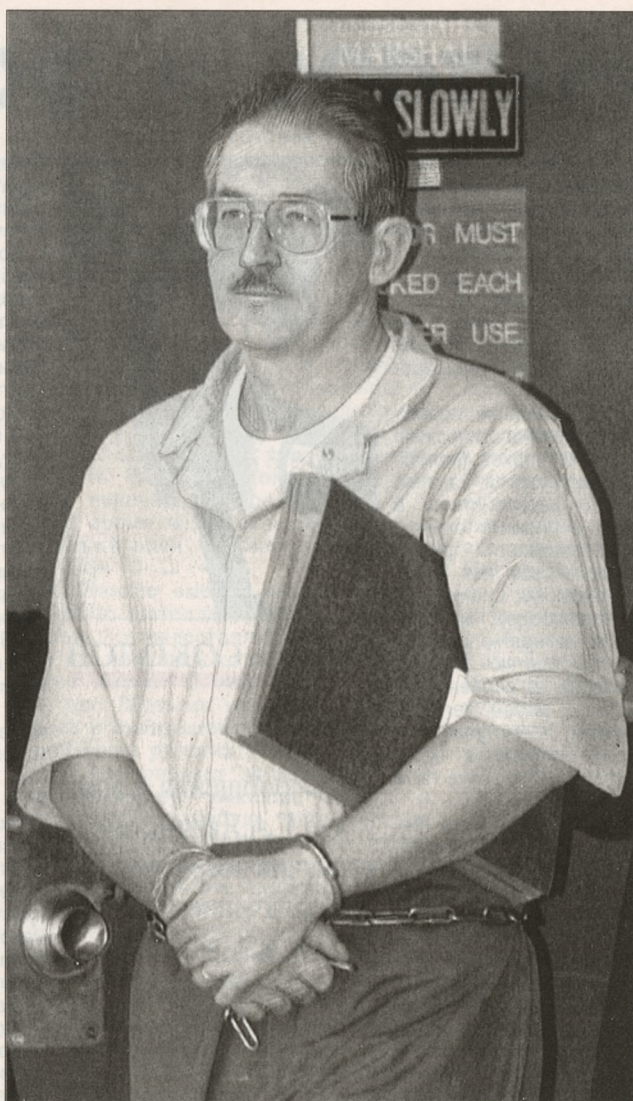
ЦРУ после «дела Эймса»

Как в США сочетаются
секретность
с гласностью

Валерий КАДЖАЯ

«Когда я получил детальную информацию о деятельности Эймса, я пришел в ярость», — признался в интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс» директор ЦРУ Джеймс Вулси. Еще бы! Таково не было за всю историю американских секретных служб. Высокопоставленный офицер ЦРУ, работавший не где-нибудь, а в советском отделе, был завербован нашей разведкой в 1985 году и почти 10 лет благополучно передавал ей ценнейшие сведения об американских шпионах-нелегалах в СССР. После знаменитого Кима Филби, агента КГБ, ставшего одним из высших руководителей Интеллидженс Сервис — английской разведки и ведавшего там тоже советским направлением, это второй случай, когда «наш человек» проникал столь глубоко в «их логово» и оказывался допущенным в святая святых — к спискам тайных агентов, работавших в СССР, и к информации о готовящихся операциях в СССР и против СССР.

Почти полтора года велось наблюдение за Эймсом. «Однако нам, — продолжал Дж. Вулси, — тем немногим, кто был посвящен в дело Эймса, нужно было сдерживать себя, поскольку мы не могли допустить ничего такого, что могло бы насторожить его... Однако большую часть 1993-го и первые месяцы 1994 года, пока собирались факты по делу Эймса, терпение давалось с трудом — и мне, и посвященным сотрудникам ЦРУ, и правоохранительным органам, и группе высокопоставленных государственных деятелей, которым

Олдрич Эймс

было известно о ходе расследования».

Само «дело Эймса», его история, результаты деятельности этого многолетнего агента КГБ, в которую была вовлечена и жена Эймса Мария дель Росарио Касас, эффективная операция по разоблачению и аресту «коварной четы» — все это довольно подробно было описано в прессе. Загадкой оставалась, пожалуй, только позиция наших разведорганов и выводы, сделанные ими после столь крупного провала.

А ведь такой провал всегда подобен камню, брошенному в дотопле спокойную воду. И чем крупнее провал, тем сильнее расходящиеся круговые волны. В прежние времена они, подобно острому мечу, срезали головы причастных.

Но трудно сказать, какие последствия повлек за собой провал Олдрича Эймса. Отставка тогдашнего директора ФСК Николая Голушко, как

было объявлено, ничего общего с этим событием не имела. По сей день наши спецслужбы хранят глухое молчание, зато в США скандал с Эймсом был поднят на государственную высоту. Клинтон потребовал принять меры, исключающие впредь нечто подобное. Сенатский комитет по разведке провел закрытые слушания по этой проблеме. Обращаю внимание: по проблеме, но не лично по Эймсу или Джеймсу Вулси, директору ЦРУ. Ни одна голова не слетела — ни в буквальном, ни в переносном смысле.

Американцы на примере Эймса проанализировали систему работы ЦРУ, стараясь извлечь максимальную пользу из горького урока. Как говорится, да несчастье помогло. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствуют выступления Дж. Вулси в Центре стратегических и международных исследова-

ний и статья, недавно опубликованная в «Нью-Йорк таймс» и основанная на материалах допросов, проводившихся следователями Федерального бюро расследований. В ЦРУ начата полная перестройка ряда ключевых структур, программ и процедур, что должно резко снизить возможность утечки информации из недр самого Управления.

Известно о давнем соперничестве ЦРУ и ФБР. На этот раз эти секретные службы объединили свои усилия и совместно с Министерством юстиции и Советом по национальной безопасности разработали рекомендации по поводу перемены. Работа увенчалась выходом в свет президентской директивы об усилении координации в работе контрразведывательных структур. Внутри Совета по национальной безопасности создано Управление по национальной политике в сфере контрразведки.

Директор ЦРУ Джеймс Вулси

Один из старших сотрудников ФБР назначен директором Национального контрразведывательного центра, который будет открыт в штаб-квартире ЦРУ, другой приступил к работе на посту шефа группы по борьбе со шпионажем, созданной внутри контрразведывательного отдела ЦРУ. В свою очередь по крайней мере один сотрудник ЦРУ назначается на руководящий пост в Управлении ФБР по национальной безопасности, чтобы работать вместе над проблемами контрразведки.

Как отметил в своем выступлении Дж. Вулси, тайный сбор разведанных, независимо от используемых методов, всегда связан с риском. Поэтому в докладе Совместной комиссии по вопросам безопасности перечислены ключевые сферы, требующие перемен.

Во-первых, необходимо улучшить деятельность структур контрразведки и безопасности, введя более строгую отчетность по подготовке кадров и управлению ими, а также использовать это в качестве вспомогательного средства при принятии решений о продвижении сотрудников ЦРУ по служебной лестнице.

Во-вторых, необходимо оценивать профессиональный уровень сотрудников на долгосрочной основе, а не в ходе лишь периодических проверок.

В-третьих, защищая право сотрудников на невмешательство посторонних в личную сферу (например, при их обращении за консультациями к медикам), необходимо обе-

спечить руководителям доступ к информации, которая дала бы им возможность иметь более полное представление о сотруднике до назначения его на секретный пост.

В-четвертых, необходимо критически подойти к оценке того, насколько широко ЦРУ распространяет некоторые секретные разведанные.

В таком ключе и происходит перестройка в ЦРУ. Несмотря на то, что Дж. Вулси намерен сократить персонал на 26 процентов, это будет сделано отнюдь не за счет снижения интенсивности разведработы. Уменьшение штата компенсируется усилением Научно-технического отдела, чтобы, как сказал Дж. Вулси, ЦРУ оставалось «на острие мирового технического прогресса».

Помимо перечисленных перемен Дж. Вулси намерен укрепить связи между теми, кто анализирует разведанные, и теми, кто разрабатывает политику: они должны работать непосредственно в политических, военных и экономических аппаратах на всех уровнях правительства. В ЦРУ, в частности, учрежден пост заместителя директора по военным делам, который займет человек, чьей обязанностью будет сближение этих двух сфер. «Министр юстиции Рио, директор ФБР Фри и я намерены наладить самые тесные связи между взаимопересекающимися сферами разведки и органами правопорядка», — сказал Дж. Вулси. Он сообщил также, что ЦРУ собирает коммерческую информацию в рамках закона о коррупции со стороны зарубежных государств, чтобы вовремя пресекать попытки иностранных правительств и фирм подкупать американских чиновников. В своем докладе Дж. Вулси, естественно, ничего не сказал, как ЦРУ собирается «работать» с государственными чиновниками зарубежных стран, в частности в России, но об этом можно только догадываться.

— Если взглянуть на историю шпионских дел последних 30 лет, — сказал Дж. Вулси, — то можно составить комплексный портрет тех, кто предал Соединенные Штаты: люди такого рода по большей части были недовольны своими начальниками или недостаточным продвижением по службе. Цель их состояла в том, чтобы отомстить обидчикам. Нередко у них были дополнительные проблемы — например, злоупотребление алкоголем и наркотиками либо финансовые трудности. Вопреки представлениям голливудских режиссеров и авторов большинства шпионских романов, этих людей редко завербовывали или шантажом принуждали к шпионской деятельности про-

тив США. Чаще всего они шли на это добровольно — ради личной выгоды, для сведения счетов или для того, чтобы вырасти в собственных глазах...

Внимательно читая выступление Дж. Вулси, видишь, как сильно американцы переместили акцент на человеческий фактор. «Я прямо заявил сотрудникам ЦРУ, — сказал Дж. Вулси, — если вы хотите продвигаться по служебной лестнице, обеспечить должный контроль за подчиненными, помогите им решать свои проблемы...»

В ЦРУ коренным образом перестроена кадровая система безопасности. Всякая информация о сотрудниках, представляющая ценность, будет рассматриваться отныне интегрированно и системно. Организовано Бюро по безопасности кадров, которому поручено систематизировать информацию о сотрудниках, собираемую в течение всех лет их службы в ЦРУ. Если бы такое бюро по безопасности кадров, интегрирующее информацию, отметил Дж. Вулси, было в 1985 году, то сотрудник, принимавший решение о назначении Эймса в службу контрразведки, мог бы обратиться в это бюро и получить комплексную информацию о нем, на основе которой составил бы себе ясное представление о его поведении. Тогда, в 1985 году, сомнения по поводу служебного соответствия Эймса и его профессионального уровня возникли в Латиноамериканском отделе Оперативного управления, где принималось решение о дальнейшей работе Эймса после завершения миссии в Мексике. Однако за пределами отдела никаких вопросов и сомнений на этот счет не возникло. В этом и состоял один из недостатков процедуры, в рамках которой он был назначен в службу контрразведки в штаб-квартире ЦРУ.

Следует обратить внимание и на новый подход американцев к самой культуре работы в ЦРУ. Как отметил Дж. Вулси, чем больше потребность в сведении воедино отдельных кусков информации и решении разведорганами постоянно растущего числа головоломок, тем выше вероятность того, что секретная информация может оказаться в распоряжении лиц, которым знать ее не обязательно. Такие люди не должны допускаться к секретной информации. Поэтому в ЦРУ сейчас резко сокращено число лиц, имеющих к ней доступ, в том числе к спискам агентов и деталям, касающимся методов сбора информации.

Судя по материалам, опубликованным «Нью-Йорк таймс», в ЦРУ царил удивительная неряшливость.

Эймс, например, беспрепятственно брал домой совершенно секретные документы, не имевшие к его непосредственной работе никакого отношения. И это никого не насторожило, как и покупка Эймсом дома за полмиллиона, и его дорогостоящий «ягуар», и постоянные ужины в самых дорогих ресторанах.

Правда, сами сотрудники ЦРУ такую «свободу нравов» в их среде объясняют типично американским доверием к людям и атмосферой товарищества, царящей в их среде.

Аналитики же считают, что подобная неряшливость и безответственность, попустительство к мелким человеческим слабостям стали своеобразной реакцией на почти патологическую подозрительность, царившую при десятилетнем правлении прежнего руководителя контрразведки ЦРУ Джеймса Энглтона. Будучи сам маниакально подозрительным человеком, он во всех своих коллегам видел если не действительных, то потенциальных шпионов и по причине этой своей шпиономании сломал не одну карьеру, выдвигая против способных сотрудников необоснованные обвинения в неблагонадежности. Ни одного шпиона в недрах ЦРУ Энглтон так и не обнаружил, но добился результата, прямо противоположного благому замыслу: контроль в ЦРУ превратился в свою противоположность, а контрразведывательные усилия оказывались парализованными.

Именно этим обстоятельством аналитики объясняют тот факт, что Эймса не могли так долго «вычислить», хотя в ЦРУ отлично понимали: советский агент (на языке контрразведки — «крот») находится среди них. Иначе чем было объяснить

провалы агентов-двойников в КГБ? Но в то же время и Бертон Гербер, начальник советского отдела ЦРУ, и Гас Хатауэй, руководитель контрразведки, столь откровенно были заняты поисками агента X, что сам X, то есть Эймс, легко уходил от преследований.

Не оправдывая того, что произошло, американцы постарались четко осознать характер той атмосферы, в которой Эймс мог заниматься шпионажем, и — изменить эту самую атмосферу. Насколько это им удастся, покажет время, но примечателен сам подход: искать не стрелочника, а изъяны в системе.

В докладе Дж. Вулси большой интерес представляет и его программное заявление о задачах ЦРУ в условиях прекращения «холодной войны». «Мы не можем себе позволить, — сказал он, — чтобы наша работа была парализована вопросами о том, зачем нужно ЦРУ теперь, когда «холодная война» позади. Однако преследовать программу действий, которая в конечном счете подорвет разведывательный потенциал страны, — недопустимая ошибка. Как я неоднократно отмечал, я принял свое нынешнее назначение не для того, чтобы быть куратором «музея разведки».

Весьма примечательное признание. Дело Эймса послужило американцам хорошим уроком. Но что из него извлекли наши спецслужбы? Официальная версия разоблачения Эймса, преподнесенная общественности самим ЦРУ, весьма убедительна. Но не будем считать американцев такими уж простаками, которые вот так вот все-все и выложили миру. Я вполне склонен верить их версии, но не склонен считать ее пол-

ной. В свое время в американской прессе высказывалось предположение, что Эймс стал жертвой тех же методов, которыми он сам действовал в течение 10 лет, то есть его или прямо выдал, или навел на его след кто-то из российских контрразведчиков (их «крот»). Об этом, между прочим, косвенно проговаривается сам Дж. Вулси. Помните его рассказ о том, с каким трудом ему и посвященным сотрудникам удавалось сохранять терпение в 1993-м и в первые месяцы 94-го, пока собирались факты по делу Эймса. Однако в статье в «Нью-Йорк таймс», да и во всех прежних публикациях нет ни единого факта о том, что Эймс продолжал шпионить после развала СССР. Более того, из показаний Эймса стало известно, что после того, как в ЦРУ стали искать «крота», Центр (то есть КГБ) велел Эймсу «залечь на дно» — старый испытанный прием, которым пользуются все секретные службы мира, когда агенту грозит опасность «засветиться».

Но об этом можно лишь догадываться, ибо наши разведслужбы, повторяю, об Эймсе — ни слова, будто он — вовсе не российский агент, а только гражданин США и его судьба — исключительно дело американцев. Вот пусть там со своими проблемами и разбираются. Но ведь «дело Эймса» — это палка о двух концах: оно ударило по американцам, но не менее больно — по русским. И пока мы не узнаем, как российские спецслужбы отреагировали на этот удар, списывать дело Эймса, как исчерпанный инцидент, наверное, преждевременно.

Международная Акционерная Финансовая корпорация

“Галактик”

объявляет конкурс на замещение
вакантных должностей:

1. Председателя правления коммерческого банка
2. Главного бухгалтера коммерческого банка
3. Генерального директора туристической компании
4. Генерального директора издательского дома
5. Генерального директора рекламной компании
6. Генерального директора страховой компании
7. Генерального директора торгового дома.

Необходимо выслать в течение 1 месяца со дня публикации
следующие документы:

1. Заявление
 2. Листок по учету кадров
 3. Копия трудовой книжки
 4. Ксерокопия документов об образовании
 5. Ксерокопия паспорта
 6. Автобиография
 7. Два фото 3×4
 8. Концепцию собственного видения дела
- по адресу: 103050, Москва, а/я 140. Тел. (095) 925-46-46, 925-99-10

Стаж работы не менее 3-х лет

АО Торгово-промышленная компания

«ОНИКС»

предлагает средним и крупным оптом
со склада в г.Москве видеокассеты
«SCOTT», производство Германия,
пленка «BASF».

Имеется сертификат соответствия,
выданный Госстандартом России.

Тел. 978-85-53

Fax 200-22-68

Цитатник

Борис ЕЛЬЦИН: «Главная задача правительства сделать так, чтобы у нас не было класса буржуазии, который зарабатывает миллионы, а все остальные гораздо меньше».

(«Сегодня», 18 августа, 1994)

Президент все знает: даже как строить капитализм без капиталистов!..

Александр РУЦКОЙ: «Вы думаете, что я сейчас дурака валяю?.. У меня в коридоре стоят макеты крестьянских хозяйств, межхозяйственных перерабатывающих предприятий и т.п.»

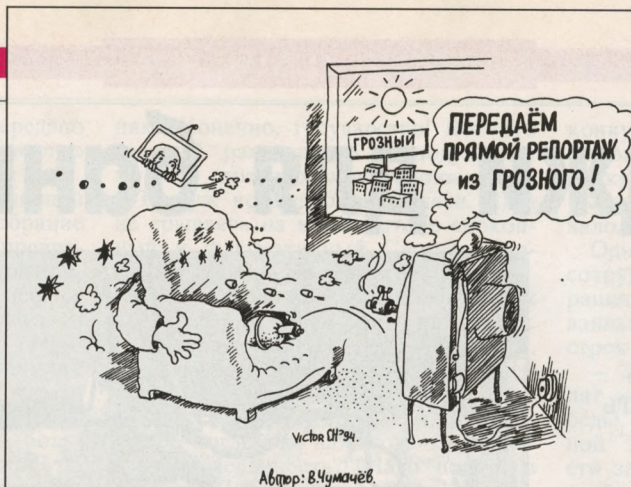
(«Аргументы и факты», № 34, 1994)

Алексей МАНАННИКОВ, сенатор: «...Лучше всего бегает в Рио-де-Жанейро и в Лондоне. В Рио все бегают по набережной, причем в любое время суток. В Чили бегать не стал: над Сантьяго висит такой смог...»

(«Московские новости», № 32, 1994)

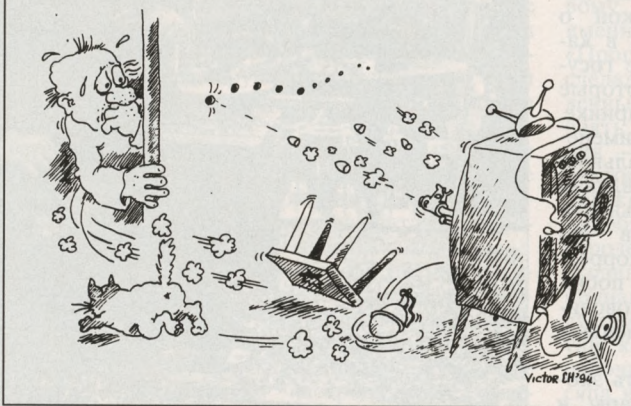
Дмитрий ВАСИЛЬЕВ, заместитель председателя Госкомимущества РФ: «У России есть совершенно четкие преимущества. Рабочая сила очень дешевая, но очень квалифицированная».

(«Комсомольская правда», 30 августа, 1994)

Victor G. '94.

Автор: В.Чумачев.

Victor G. '94.

Сергей КАРАГАНОВ, член Президентского совета, председатель коллегии директоров Совета по внешней и оборонной политике: «...Уровень политического руководства практически во всех ведущих государствах Европы сейчас крайне низок. И американцы, и западноевропейцы испытывают глубочайший моральный кризис... Управляются же страны Запада в значительной степени либо уходящими политиками, либо вообще людьми, органически неспособными к решительным действиям».

(«Сегодня», 26 августа, 1994)

Борис САЛТЫКОВ, министр науки РФ: «Лучшие ученые скупаются на корню...»

(«Аргументы и факты», № 33, 1994)

Victor G. '94.

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ: «...Мы видим, как российские государственные деятели ездят и одной рукой стучат себя в грудь: «Мы — великая держава, вы должны уважать нас как великую державу», а другую руку протягивают ладонью вверх: «Пожалуйста, дайте денег». Я не думаю, что с ними стоит обращаться как с детьми, которых нужно хлопнуть по спине: «Вы — великая держава, вы равны Америке».

(«Сегодня», 19 августа, 1994)

Владимир ЛЕПЕХИН, депутат Государственной Думы: «Филатов конкурирует с Илюшиным, Коржаков — с Барсуковым, Степашин — с Ериным, команда Совета безопасности — с группой помощника Президента по национальной безопасности... все борются за доступ к уху Президента, и нельзя сказать, что в этой борьбе кто-то однозначно доминирует и, следовательно, манипулирует Президентом».

(«Комсомольская правда», 30 августа, 1994)

«Одного из американских специалистов в Москве, специализирующегося на предоставлении консультаций, клиенты часто спрашивают: «Следует ли мне вкладывать капиталы в России?» Прежде чем дать ответ, американец требует уплатить стандартную сумму за консультацию — 10 000 долларов США. Получив деньги, он дает лаконичный ответ: «Нет! Если вы последуете моему совету, то это последние 10 000 долларов, которые вы потеряли, инвестируя в России».

(«Нью-Йорк таймс», август 1994)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Коттеджи для банкротов

Если директора
госпредприятий
не обратятся в суд,
их могут туда вызвать

Владимир ВОРОНОВ

Наконец-то правительство решило пустить в ход давно лежавший на полке Закон о банкротстве — применить его в качестве меры воздействия на те государственные предприятия, которые продолжают работать по старинке. Для разъяснения порядка применения этой суровой меры генеральный директор Федерального управления по делам о несостоятельности (банкротстве) Сергей Беляев совершил вояж по России. Корреспонденту «Столицы» удалось побывать на встрече Беляева с руководителями ведущих промышленных предприятий Самары.

Наша справка: Большую часть экономического потенциала Самары и Самарской области представляют предприятия военно-промышленного комплекса (аэрокосмические, авиационные, заводы по производству взрывчатки и боеприпасов); на втором месте химические и нефтеперерабатывающие заводы, немало объектов легкой промышленности.

Скажем сразу, атмосфера в битком набитом зале заседаний Самарской мэрии изначально была далека от той, что когда-то сопровождала встречи с посланцами Центра. Сидевшие стройными рядами «красные директора» (частного бизнеса в промышленности Самары практически не существует) в прекрасно сшитых костюмах буквально излучали враждебность, хотя еще не было произнесено ни слова. Большой частью это были представители «металла» — той же «оборонки». Когда Сергей Беляев в сопровождении мэра города Олега Сысуева вошел в зал, публика, видимо, предчувствуя, что ничего хорошего не будет, возмущенно зарокотала.

Нельзя сказать, что выступление главы ведомства по банкротствам было выслушано с вниманием — директора пришли не слушать, а требовать. Что бы ни говорил господин Беляев, публика априори воспринимала это в штыки.

Беляев же просто-напросто своими словами разъяснял механизм приведения в действие законодательства о банкротстве и необходимость его применения на практике.

Вынужденный простой

Суть выступления можно свести к следующему: господа директора, я все понимаю, все мы работаем в условиях жесточайшего кризиса и спада производства, государство постоянно не выполняет свои обязательства перед предприятиями, но ведь и вы не первый год живете на свете — почему только клянчите у Москвы деньги, льготы, сырье, почему за последние несколько лет даже не попытались работать по-новому?.. Государство совсем не желает, чтобы госпредприятия обанкротились и пошли с сумой по миру. Более того, по словам генерального директора Федерального управления, законодательство ориентировано именно на то, чтобы предотвратить банкротство государственных предприятий.

Почему же чуть ли не все наши заводы попали в такую ситуацию? Кризис неплатежей? Но лишь 8 процентов неплатежей происходит по вине банковской системы. По словам Беляева, виновники большей части неплатежей — сами производители, не слишком разборчивые в своих связях, то есть в заказчиках.

Ситуацию проиллюстрировали примером: некий кооператив заказал вам эшелон изделий. В условиях острой нехватки заказов директор завода, не удосужившись толком изу-

чить положение дел у заказчика (если вообще заглянул в его документы), с радостью подписывает контракт. А затем отгружает продукцию потребителю, даже не дождавшись предоплаты! «Нигде в мире ни один нормальный предприниматель не будет поставлять готовую продукцию, пока заказчик не осуществит предоплату, — возмущался Беляев. — У нас это почему-то допустимо! Ну как, скажите на милость, московский завод «Кристалл» может стать банкротом в принципе?! Его же продукция пользуется колоссальным спросом! Но он отгружает ее, не дождавшись предоплаты, а потом по полгода ждет, когда же ему заплатят...» По мнению шефа главного «банкротно-го» ведомства страны, это типичная ситуация, и большей частью в том, что предприятия доведены до краха, виноваты сами руководители.

Позже, чтобы разрядить атмосферу в зале, Беляев сообщил: никакого «автоматического» банкротства или банкротства по воле государства не предвидится: «Банкротом любого может признать суд, и только суд». Для доведения дела до суда предусмотрена довольно длинная процедура: сначала предприятие объявляется в предбанкротном состоянии, и лишь после длительной проверки его счетов, банковских операций и бух-

галтерии дело может быть передано в суд. Который тоже еще неизвестно что решит...

Запланированное после основной части (доклада Беляева) собрание по системе «вопрос — ответ» превратилось в дискуссию — промышленники ринулись в бой, бросая гневные обвинения в адрес предавшего и бросившего их государства. Наибольшую активность проявили, как и следовало ожидать, представители «оборонки». Суть их обвинений можно свести к следующему: большая часть предприятий — банкроты по вине государства; оно не выполняет своих обязательств — задерживает выплаты по госзаказам, давит непомерными налогами, допускает протекционизм по отношению к иностранным бизнесменам и импортной продукции. Директора требовали «нулевого» варианта: пусть государство выполнит сначала свои обязательства перед ними — вернет долги и оплатит госзаказы. А вот когда мы все друг перед другом отчитаемся, тогда и можно будет начинать — с нуля, с формально равных стартовых позиций...

Наибольшее оживление внесло выступление директора швейной фабрики «Красная Звезда» — это была гневная отповедь Министерству обороны, чей заказ швейники давно выполнили, но денег до сих пор не видать. А из-за этого срываются выгодные валютные контракты с иностранными партнерами. Примерно та же ситуация и у авиационного завода: он весь в долгах как в шелках, поэтому ни один банк не дает ему кредита, жизненно необходимого для реализации крайне выгодного валютного проекта с солидными иностранцами. А кто винов-

ник? Конечно, государство! Вот кто главный рэкети́р, по единодушному мнению «красных директоров»...

Тут уж не выдержал Беляев. Едва не срываясь на крик, дотеле спокойно и флегматичный Сергей Георгиевич обрушился на слушателей:

— Да, Москва не выполняет своих обязательств перед многими из вас. Но кто это делает? Вот, к примеру, вас, вашу фабрику «наколол», подвел господин Грачев, министр обороны. Что же вы спокойно сидите и ждете, когда вам на блюдечке поднесут справедливость?! Надо подать в суд на Министерство обороны, на самого министра за нарушение договорных обязательств! Их только так можно научить! Пока не было еще ни одного случая хотя бы подачи иска в суд на государственные структуры за нарушение обязательств. Но я очень надеюсь, что такие процессы будут!

А в завершение он опять успокоил собравшихся: на данный момент еще никто не является банкротом — только суд может признать вас несостоятельными и пустить с молотка.

В конце встречи настроение аудитории мало чем отличалось от первоначального. Но уже можно было четко выделить несколько основных групп промышленников. Наиболее непримиримо настроенными остались представители ВПК. Более спокойно восприняли ситуацию руководители предприятий легкой промышленности — штаны, пиджаки и рубашки люди носили и носить будут. А значит, и покупать. А самое хорошее настроение было у сидевшего рядом со мной директора ликероводочного завода «Родник» — его продукция пользуется заслуженной популярностью в области, и успешно

конкурирует с «кристалловской» на мировом рынке. Известие о предбанкротном состоянии конкурента, «Кристалла», его не особо взволновало.

Один из высокопоставленных сотрудников областной администрации, пожелавший остаться неназванным, в разговоре с автором этих строк сказал:

— Зря эти «красные директора» валют все на Москву. Во многом все беды их заводов именно из-за полной экономической некомпетентности заводской администрации. Лично я убежден, что в ряде случаев именно смена руководства оборонных предприятий дала бы толчок их новому развитию. Во всяком случае, именно такие люди, как директор «Прогресса» (космические ракеты), сделали все, чтобы развалить собственные заводы. Но его не может снять ни коллектив, ни администрация — только Москва. Для него директорство лишь плацдарм для прыжка в министерское кресло. Вы не обратили внимания, как много в городе и пригородах строится превосходных коттеджей? Многие из них принадлежат руководителям и ведущим специалистам тех предприятий, которые по уши сидят в долгах, рабочие которых по три-четыре месяца не получают зарплаты, которые не сегодня-завтра будут объявлены банкротами. Как же может быть: завод стоит, рабочие без денег, а администрация строит личные коттеджи, получает многомиллионные оклады и ездит отдыхать на престижные курорты? И ведь большей частью это именно руководители предприятий ВПК, простаивающих без заказов...

Самара — Москва

Эх, налоги, пыль да туман

С целью подлатать дырявый городской бюджет в Лениногорске придумали налог на рекламу. С точки зрения начальства, рекламой считается любая информация, передаваемая в коммерческих целях: размещена ли она на газетной полосе или же на предметах гардероба. Правда, налог взимается лишь с рекламы местных предприятий, а вот кто является плательщиком — рекламодатели или публикаторы, из постановления понять трудно. Впрочем, зная российскую практику, нетрудно предсказать, что расплачиваться будет крайний, то есть потребитель. Далее лениногорская власть сулит налоговые льготы «на рекламу, не преследующую коммерческие цели», — интересно, существует ли такая в природе? А также

на «объявления органов власти, содержащие информацию, связанную с выполнением возложенных на них функций». И, наконец, можно беспощинно сообщать о перемещении адресов и телефонов — начальство милостиво согласилось не считать это за рекламу.

Налог на рекламу — лишь один из девяти пунктов знаменательного постановления. Есть среди них и такие, как «целевой сбор с предприятий на содержание милиции, благоустройство территории и другие цели» (ну как же без других!). Этим налогом, кстати, не облагаются суммы, потраченные на транспортное обслуживание той же милиции и администрации. Есть и сбор за квартирные ордера: пятая часть минимальной оплаты труда

за однокомнатную, две пятых за двухкомнатную и т.д.

А вот еще один документ: о переводе некоторых медицинских услуг на платную основу. Таковыми в Лениногорске считаются: анонимный осмотр у венеролога или онколога (хочешь бесплатно — тогда с оглаской), осмотр и процедуры на дому «по желанию больных» (против желания придут ли даром?), все виды профилактических осмотров, освидетельствование призывников, выдача всех видов справок «за медицинские услуги, осуществляемые по желанию граждан» (???), и т.п. Всего 25 пунктов, в том числе и «частичное бальзамирование» (само собой по желанию родственников усопшего). Словом, из всей бесплатной медицины остались почему-то лишь мини-аборты да дневной психиатрический стационар.

Разумеется, особо оговорена оплата «предприятиями и населением». Должно быть, нынче в Лениногорске ну очень богатые предприятия! И поэтому пункт 24 отказывает в бесплатном лечении тем, кто занят на предприятиях, «не участвующих в формировании городского бюджета». Им даже легкое помещительство не поможет...

Лениногорская власть, конечно, не оригинальна: подобное налоговое творчество процветает повсюду, но далеко не везде остановится широко известным. Слов нет, от государства-собеса мы должны прийти к социально-рыночному. Только вот почему-то одни проходят этот путь босыми и раздетыми, а другие проскакивают на лимузинах, обдавая первых пылью своих постановлений...

Георгий КУЗНЕЦОВ
г. Альметьевск

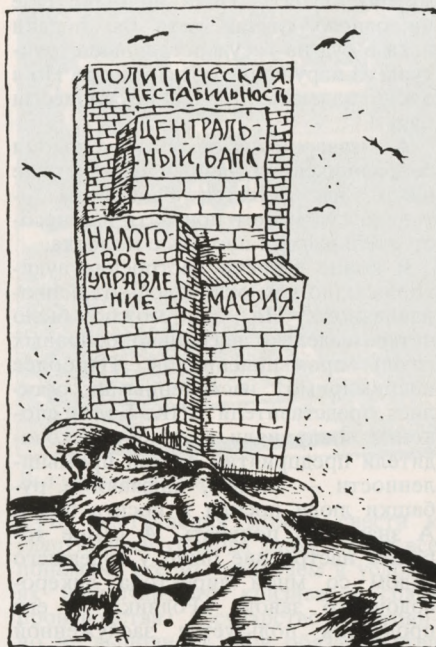
Деньги разные — проблемы тоже

Финансовый рынок стран ближнего зарубежья

Все более цивилизованными становятся латвийские банки. Падают процентные ставки, растет число учреждений, обслуживающих клиентов целый рабочий день. Значительное распространение получили операции с аккредитивами. Кстати, как говорят специалисты по таможенным вопросам, наблюдается сезонный рост товарооборота по сырьевым грузам, проходящим через латвийские порты. Лидирующее место занимает черный металлопрокат, который через три-четыре рижские фирмы идет с заводов Украины. Не последнее место отводится также хлопку, контролируемому двумя-тремя структурами, и нефтепродуктам, на которых специализируются до 12–16 предпринимательских обществ.

Продолжающаяся монополизация отраслевых рынков сопровождается концентрацией капитала небольшой верхушкой банков, оперирующих в Риге, — эксперты финансовой сферы не видят возможностей для получения сколько-нибудь значительной прибыли от средств, вложенных на периферии. Отсюда и исключительно низкая «работоспособность» провинциальных филиалов столичных банков Латвии. Реально провинция может опереться лишь на два крупных источника финансовых ресурсов: «Парекс» (27–45 процентов годовых) и Банк Латвии, нашедший свой путь к достатку с помощью кредитных аукционов. Причем используется довольно эффективная, хотя и безжалостная к клиентам система «закрытой» ставки. До начала торгов просители кредитов могут лишь догадываться о величине ставки и потому пребывают в нервном напряжении: 35 процентов давать жалко, а 30 процентов — опасно. Вдруг сегодня Банк Латвии «закрыл» на 32 процента?

А вот Центральному банку России недавно в результате неудачного аукциона пришлось «отстегнуть» коммерческим банкам 120 млрд рублей всего лишь под 90 процентов годо-

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ

вых. По сведениям, имеющимся у экспертов, на этом неслабо «наварили» несколько московских банков-гигантов, ведь на столичном рынке межбанковских кредитов трехмесячные ссуды шли под 125–145 процентов годовых. Коммерческие банки, возможно, ждут и другие приятные сюрпризы. К примеру, идет реальный разговор о кредите в 100 млн долларов 30–40 крупнейшим банкам для внедрения новейших технологий банковского дела.

В Латвии же власти больше интересуются процветанием скандально известного Латвийского инвестиционного банка. Теперь его сватают за норвежский «Nordic Investment Bank». Конечно, вариант соблазнительный. Опять же, инвестиции да освобождение от таможенных пошлин и налогов. Неплохая будет кормушка для тех, кто не застал золотого века распределения кредитов от «Общего рынка».

А в соседней Литве деструктивная оппозиция побудила сейм потратить

4,5 млн литов (более миллиона долларов) на организацию всенародного референдума под ласкающим слух названием «О незаконной приватизации, обесценивании вкладов и акций и нарушении правовой охраны».

Так как литовский бюджет на 1994 год таких расходов не предусматривал, то затраченные средства будут списаны с бюджета следующего года. Ну а пока их взяли из сумм, предназначенных для погашения долга Мировому банку. На что представители последнего заметили литовскому премьеру, дескать, нехорошо, да и цель вашего референдума несколько сомнительна. Впрочем, литовские граждане на сладкую приманку оппозиции не купились и решили не возвращать страну в экономический кризис и гиперинфляцию — неизбежные последствия популистской «компенсации»...

Официальный Тбилиси в августе наконец-то признал, что курс грузинской валюты упал ниже миллиона купонов за доллар США. Война, мол, разруха. Хотя у ведущих активные боевые действия Армении и Азербайджана, конфликтующей с Приднестровьем Молдавии дела пока не столь удручающи.

Любопытно наблюдать за становлением финансовой системы Крыма. Там теперь всем заправляет уже не Национальный банк Украины, а Центральный банк Крыма. Соответственно появились первые, пока не очень глобальные изменения в валютном, налоговом и банковском законодательстве. На что большие страны — Россия и в первую очередь Украина — реагировать не торопятся. Киев вообще как-то притих — куда повернет Кучма? А Москва больше занята своими банковскими делами. Недавно ЦБР, скажем, разродился важнейшим документом — «Техническими требованиями к кабине кассира пункта обмена валюты». Оговорено в них буквально все — от температуры воздуха внутри кабины (18–22 градуса по Цельсию) до пуленепробиваемых пола и потолка.

Затишье наблюдается и в Минске. Белорусская межбанковская валютная биржа торгует ни шатко ни валко. Рыночный наличный курс доллара догнал официальный безналичный. Ходят упорные слухи, что вот-вот в очередной раз ужесточат порядок валютных операций. В частности, приобретение иностранной валюты даже на внебиржевом рынке будет разрешено лишь для выплаты задолженностей по кредитам, а также исполнения экспортно-импортных контрактов.

Максим ВОЛОДИН

Первым делом — вертолеты

Фоторепортаж Юрия ШТУКИНА и Эдуарда КУДРЯВИЦКОГО с VIII чемпионата мира по вертолетному спорту

Наконец, чемпионат мира по вертолетному спорту добрался и до России. Причем не какой-нибудь там сто сорок пятый по счету, а всего-навсего восьмой. Это делает нам честь. Делает это честь и его организаторам — Национальному аэроклубу России, правительству Москвы и командованию Военно-Воздушных Сил Российской Федерации. В принципе, на аэродроме в Тушине авиационные празднества и состязания — отнюдь не редкость, они проводятся регулярно шесть—восемь раз в год. Но событие такого — всемирного — масштаба происходило здесь впервые. В чемпионате участвовало сорок пять экипажей из восьми стран, в том числе девять из России, восемь из Великобритании и по шесть из США, Германии и Франции. Что касается самих

летательных аппаратов, то здесь явное предпочтение было отдано вертолетам «Белл-206». На «Ми-2» выступали команды из России, Белоруссии и Южной Африки.

В обязательную программу соревнований входило четыре упражнения, по мнению специалистов — труднейшие: «Точность прибытия по времени со сбросом груза», «Полет на точность», «Навигация» и «Слалом». Желающие особо блеснуть могли выступить в факультативном «Фристайле» — на сей раз участники сами составляют программу пилотажа и имеют право использовать во время полета дым и музыку. Судьи же оценивают не столько точность пилотажа, сколько артистичность и

оригинальность самой программы.

В командном зачете первое место заняла Россия (2341 очко), второе — США (2261), третье — Великобритания (1985). В личном первенстве лидировали два экипажа из России и один из США. Большинство спортсменов, принимавших участие в московском чемпионате, являются профессиональными летчиками военной и гражданской авиации с налетом от ста десяти часов до двадцати тысяч. «Мирные» же профессии могут быть любимыми — от медицинской сестры и инструктора по лечебной гимнастике до преуспевающего бизнесмена. Небо влечет всех — и пронзают его «юркие стальные стрекозы», как пишет журнал «Авиация и космонавтика».

Эдуард ДОРОЖКИН

Падение Икара

Трагическая история легендарного Икара, воспарившего в небеса и поплывшего за этот полет жизнью, повторяется из столетия в столетие. Технотронный век, так ярко показавший свое могущество и чудеса на празднике чемпионата мира по вертолетному спорту в московском Тушине, явил в последний день лета и свои грозные черты. Вылетевший из того же Тушина пассажирский вертолет «Алуэт-3» разбился в районе подмосковного Красногорска.

Винтокрылая машина французского производства, принадлежавшая ростовскому аэроклубу «Росто», выполняла коммерческий рейс. На борту вертолета находились шесть человек, все они погибли. Для расследования происшествия создана комиссия.

С небес приходит к нам не только солнечная благодать — небо бывает и грозным, и гибельным. И тогда кажется, что лучше бы сидеть нам на грешной земле и тихо проживать свою маленькую земную судьбу.

В.Г.

Фото Юрия ШТУКИНА

Пожар вызывали?

Икакой же русский не любит пожара? После быстрой езды и борьбы с жидомасонами пожар — самое разлюбленное наше времяпрепровождение. Праздник души. Игрище и таинство в одночасье.

«Русь крещена, но не просвещена», — утверждал Н.С.Лесков. Свету невечернему, ясному и ровному сиянью мы предпочитаем лопающиеся багровые пузыри огня и облака сажи. Называется — дым отечества.

Это Наполеон в ужасе взирает на пожар Москвы, а мрачные михрютки, криминогенные типы, будто нарочно для поджога произведенные на свет, пихают друг дружку локтями в ближайшей от очага возгорания подворотне: «Хорошо, блин, горим!» Это крымские татары лопочут суры при виде охваченных пламенем соборов и монастырей Первопрестольной, а мирный обыватель чешет затылок: «Ить надо! Камень — и тот навроде свечки!» Это византийский поп, воздымая руки, поет псалмы на берегах Днепра, озаренных сожигаемыми идолами, а наш пращур, пять минут

назад крестившийся, обсыхает, присев на корточки у самого огня, глядя в него не мигая...

«Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара...» — это из книги Константина Бальмонта «Горящие здания», вышедшей в России в канун первой революции тремя изданиями. Есть в книге и стихи не менее известные, чем «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,(...) Хочу одежды с тебя сорвать!», — «Я хочу горящих зданий, Я хочу кричащих бурь!».

Автор большевистской «Новой жизни», Бальмонт, заглянув в пекло раздутого им пожара, уедет в Париж — и умрет там, старый, нищий и сумасшедший, взирая из окна на город, полыхающий нацистскими флагами. Кому более повезло — ему или Александру Блоку, чей спич: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» — аукнулся сожжением Шахматова, вместе с домашним театриком и библиотекой, и чья

смерть хороша только тем, что в своей постели?

Ответ можно прочесть на лице пожарного, висящего над Петровкой на железной стреле заграничного подъемника. Напарник его поливает из кишки крышу и седьмой этаж дома № 17, занявшегося в последний день лета в два часа пополудни; а он, невозмутимый, прижав к устам мегафон, говорит: «Спасибо, ребята» — Бог весть кому, кого я из окна уви-

деть не могу. Он говорит «спасибо» и смотрит куда-то поверх меня, выше крыши (моя комната в редакции «Столицы» на шестом этаже, в аккурат напротив пожара), — ангелов Божиих, что ли, он благодарит?..

Коллеги наперебой вспоминают русскую классику, делятся тож и личными воспоминаниями: «А вот горела гостиница «Россия»!.. А ВТО!.. А посольство США!.. А «Белый дом»!!!»

Зеваки внизу, на перегороженной милицией и ОМОНОм Петровке, едва ли не те же, во всяком случае, точно такие, что в начале прошлого октября на Пресне. Они никому не сочувствуют и никого не осуждают — ни бизнесмена, чья квартира, недавно купленная, выгорает теперь дотла; ни михрюток-ремонтников, от чьей искры возгорелось пламя; ни старушек, мечущихся в оконных рамах точно портреты, выносимые в запасник; ни пожарных, которые уже полтора часа заливают не зальют. Зеваки просто смотрят в огонь. Вдыхают полной грудью дым отечества.

Загорелось в 13.44. Первая пожарная машина приехала в 14.05. Погасили — в 15.49. Много или мало? Знаток уверяют: два часа — это нормально. Зевакам впечатления — на пару дней. Мне показалось — тысячелетие минуло...

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Фото Эдуарда КУДРЯВИЦКОГО

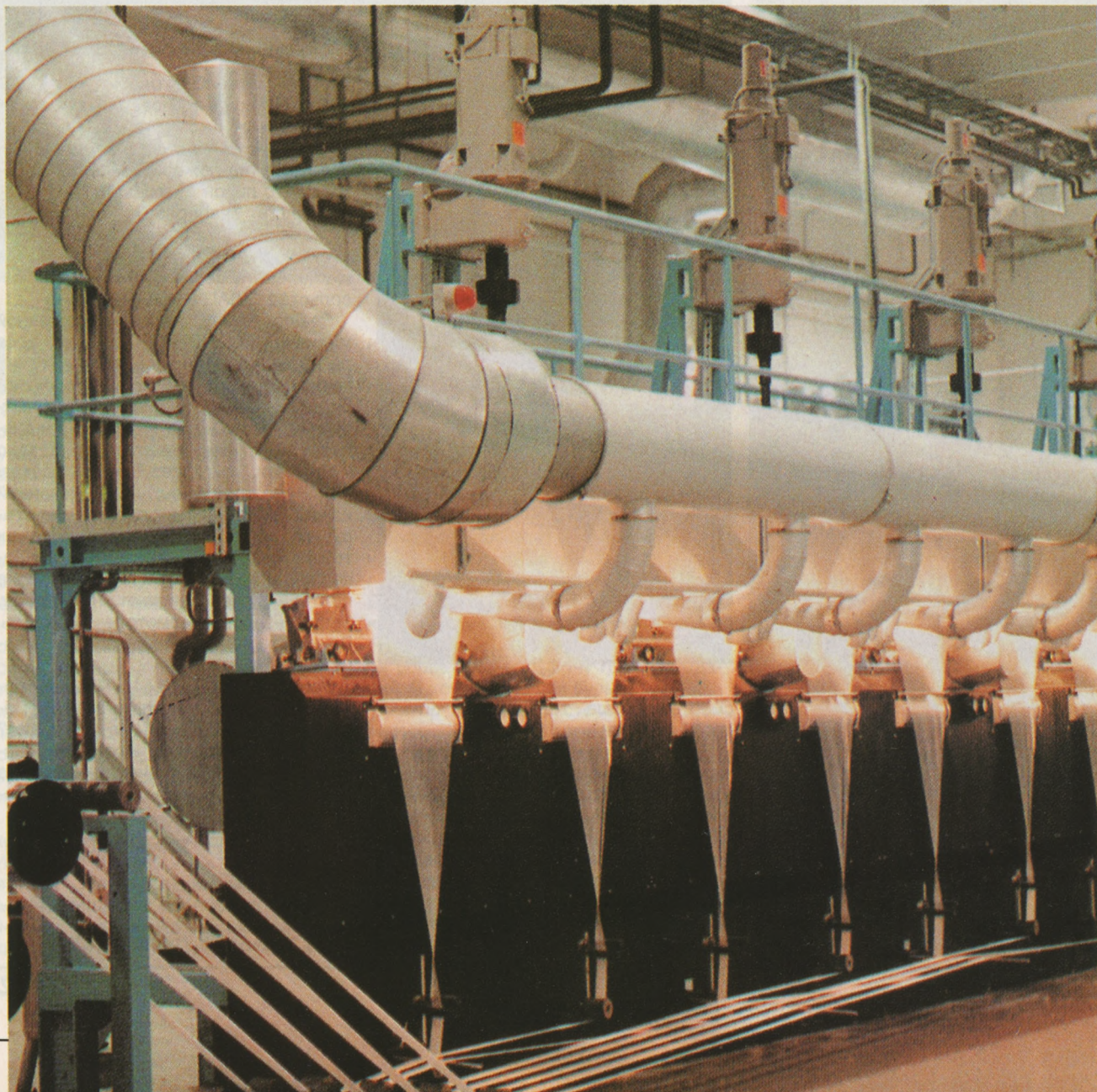
«Народ должны одеть российские промышленники, а не «челноки»

Правильно ли мы строим экономическую политику? Является ли эта политика перспективной, если она развивается при условиях значительного и непрерывного повышения цен на энергетические ресурсы, направлена на увеличение экспорта нефти и газа и на сворачивание работы других отраслей? Может ли государство, экономика, общество эффективно развиваться без таких отраслей, как машиностроение, химическая, пищевая, легкая промышленности, производящие товары народного потребления? Над этими вопросами размышляет генеральный директор АО «Монит» Александр ПЕТРОВ.

Прядильная машина фирмы «Бармаг», производящая химические волокна

Генеральный директор АО «Монит»
Александр Петров

Александр Александрович Петров окончил Ивановский химико-технологический институт по специальности «инженер-химик-технолог». Прошел путь от мастера до генерального директора крупнейшего в Европе предприятия, специализирующегося в области нефтехимии и химических волокон — Могилевского производственного объединения «Химволокно». Накопил большой опыт сотрудничества с ведущими нефтехимическими концернами мира.

В течение трех лет в качестве заместителя Председателя Совета Министров Республики Белоруссии работал над созданием и реализацией концепции бескризисного перевода плановой экономики на рыночные формы. Обобщил положительный опыт проведения крупномасштабного эксперимента в промышленности республики в серии статей и монографий.

Уделяя особое внимание вопросам совершенствования экономического механизма, разработал межотраслевые методики оценки уровня эффективности работы предприятия, региона. Они были основаны на введении новых для практики показателей — «теоретическая прибыль» и уровень ее извлечения», которые позволяют наглядно и быстро рассчитывать все потери сырья, энергоресурсов, машинного времени и определить резервы увеличения прибыли, связать с ними системы материального стимулирования труда.

Работал в качестве первого заместителя председателя Комитета по химии и нефтехимии Совета Министров СССР. За этот период серьезно углубил свой критический анализ относительно бесперспективности сложившейся в стране идеологии и жестких плановых методов управления народным хозяйством. В это время была написана монография: «Экономика и политика: иллюзии и реальность».

Автор впервые в практике российской экономической литературы дает комплексный критический анализ основным составным частям марксистского учения, связывая с ошибочностью его положений конкретные недостатки в системе управления экономикой бывшего СССР.

Автор защитил кандидатскую диссертацию, представил в Институт экономики Академии наук РФ материалы для докторской диссертации, был приглашен для преподавания в МГУ.

В январе 1992 г. была создана Торгово-инвестиционная фирма «Монит». Фирма ведет крупномасштабную оптовую торговлю химичес-

кой продукцией.

Вырученные средства инвестирует в покупку акций высокорентабельных предприятий, создание прогрессивных технологий, строительство новых производств. Особое значение в ее деятельности занимает разработка и организация выполнения крупномасштабных программ по заказу Министерства экономики России и государственных органов Белоруссии, Украины.

Фирмой «Монит» подготовлена и представлена концепция развития производства полиэфирных волокон и нитей и других полиэфирных продуктов и сырья для них, которая была одобрена. На фирму «Монит» возложена функция координатора работ по реализации этой концепции. В своей работе она опирается на поддержку концерна Ростекстиль, Ассоциации химического машиностроения, сотрудничает с известными западными концернами «Херст», «Дюпон», «Амоко», «Инвента», «Лурги» и др.

А.А.Петров — действительный член Международной инженерной академии, лауреат премии Совета Министров, входит в состав Комиссии по вопросам гражданства при президенте Российской Федерации.

— Александр Александрович, понять сегодня российскую экономическую политику довольно сложно: отсутствуют программные заявления и диалог правительства с общественностью относительно стратегии структурных преобразований экономики. Каково же, на ваш взгляд, истинное положение вещей?

— Оценить ситуацию действительно довольно сложно. Приходится ориентироваться на статьи отдельных ученых экономистов, сотрудничающих с правительством. Так, недавно я ознакомился со статьей действительного члена РАН Д.С.Львова. В статье раскрывается возможная экономическая концепция российского правительства. Академик утверждает: она состоит в том, что Россия представляет интерес для западных партнеров прежде всего своими ресурсами и двумя ведущими отраслями — нефтяной и газовой. Что же касается других отраслей: машиностроения, химической, легкой, пищевой промышленности и т.д., то они бесконечно отстали, и, следовательно, надо основное внимание обратить на эти две приоритетные отрасли, а на другие попусту денег не тратить — в ближайшее время вытащить их из трясины не удастся. Таким образом они должны бороться сами за выживание в условиях рынка. В этих условиях сильные предприятия сумеют выжить, а слабые разорятся. Академик доказы-

вает, что главное — наладить механизм банкротства. При этом, конечно, появится громадная масса безработных, которых ведущие отрасли экономики в состоянии и должны прокормить.

Хотя статья была написана в начале 1992 года, ее прогнозы сбываются: производство нефти и газа сохранилось на уровне 80% при неуклонном наращивании экспорта, тогда как спад производства в химической, легкой промышленности достиг 70—80 процентов.

— Если такова в действительности концепция российского правительства, означает ли это, что нефтегазовая отрасль настолько доходна, что должна получить приоритет и в дальнейшем?

— На мой взгляд, это в корне не верно. Просто ей в течение многих лет создали видимость доходности, потому что значительная доля затрат на добычу нефти и газа (как на разведку, так и на освоение и транспортировку) шла по другим каналам и не отражалась на цене на нефть.

— Что же это за каналы?

— Государственные бюджетные ассигнования: на разведку месторождений, развитие дорожной сети, обустройство районов проживания нефтяников и газовиков, удешевленное топливо для перевозки вахт из центра страны на Крайний Север, централизованные капвложения с рублевым курсом к доллару в размере 0,6 и десятки других факторов.

Для определения реальной себестоимости своей нефти России потребуется еще много лет. В то же время очень показательным, что когда мы, например, продавали тонну нефти за 130 долл., а в последние месяцы ее цена снизилась до 90 долл., то только после ее первичной переработки в Западной Европе тонна нефтепродуктов реализовывалась уже по 500—600 долл., давая свои сотни «зеленых» чистой прибыли.

— Что же делать тем отраслям промышленности, которые, по мнению правительственных чиновников, являются бесперспективными для России?

— Возьмем, к примеру, химическую и легкую промышленности. Почему я их связал? Да потому, что 1/3 химии работает на легкую промышленность. Это производство мономеров, полимеров, химических волокон на основе полимеров, красителей, большой группы клеев, нетканых материалов и массы других продуктов, получаемых для легкой промышленности. Я считаю, что химическая и легкая промышленности России могут и сегодня быть прогрессивными, экспортными отраслями, восстановить свою роль надежного экономического фундамента бюд-

жета страны. Но при наличии правильной государственной политики.

Приведу в качестве примера Могилевский комбинат химических волокон в Белоруссии, который сохранил производство прогрессивной продукции на уровне 80%, но переориентировал ее поставки на Запад, в то время как российские предприятия этого профиля сократили ее потребление на 80%. Надо найти способ возврата части поставок в Россию.

Но может ли Россия создать у себя производство, подобное белорусскому? Безусловно. По нашим расчетам, исходя из наличия ресурсов, в России можно построить по крайней мере два комплекса, аналогичных Могилевскому. Начнем с того, что в России в 80-е годы были приняты меры для создания новых мощностей. В Благовещенск под Уфой было завезено оборудование японских и американских фирм общей стоимостью около 600 млн долларов. На этом объекте почти завершены работы по инфраструктуре, закончено строительство первых и важнейших химических корпусов, начат монтаж оборудования... А в результате — все брошено! Ценнейшее оборудование подвергается физическому и моральному износу. Безусловно, строительство благовещенского комплекса необходимо восстановить. Но для налаживания массового производства химических волокон, аудио-, видеоопленок, упаковки для пищевых продуктов в стране этого недостаточно. Мы разработали новую инвестиционную программу, которая позволит не только выйти на новые рубежи химикам, но и сформировать новый рынок для товаров народного потребления. Для осуществления первого этапа этой программы уже удалось привлечь 400 млн долл. По нашим расчетам, три новых проекта потребуют еще порядка 430 млн. Ядро программы будет в Центре России. Здесь — возведение комплекса полиэфирных производств (установка терефталевой кислоты в Ефремовске, полиэтилентерефталата, полиэфирного волокна и текстильных нитей в Твери, Курске, Щеккино). Работу получают отечественные изготовители химического оборудования, строители, монтажники, транспортники. Однако ключевым вопросом для реализации данной программы является мобилизация мощностей в легкой промышленности.

— Насколько тяжела здесь ситуация?

— В конце 80-х годов отечественная легкая промышленность произвела глубокое перевооружение. В то время для выполнения этой задачи было централизованно выделено

2 млрд долларов. Много было закуплено, и практически все задействовано. Но это сейчас используется на 15—20 процентов.

Целесообразно ли реанимировать это оборудование и отрасль в целом? Сегодня, если смотреть с точки зрения обывателя, этот вопрос — спорный, так как сам обыватель имеет другие возможности удовлетворения своих потребностей. Текстильные предприятия должны заплатить за энергоресурсы неоправданно завышенные цены, а также все пошлины, тарифы и налоги. И таким предприятиям, основательно обобранным государством, противопоставлены десятки тысяч частных торговцев — «челноков». При покупке в странах-производителях и при продаже на стадионах России и СНГ созданы тысячи свободных экономических зон, где не надо платить никаких налогов. Я бы сказал, что это нездоровая, уничтожительная конкуренция.

Страна наводнена некачественными, но дешевыми товарами из Индии, Китая, Турции и других стран. А наша промышленность, выпускающая добротные изделия, но не всегда высокого уровня дизайнера, вместо того чтобы совершенствовать его, буквально поставлена на колени. На мой взгляд, наш народ должны одевать российские промышленники, а не «челноки».

Мы не видим возможности нашей легкой промышленности в розовом цвете, но четко представляем: создав мощную индустрию полиэфирных волокон, вложив средства в предприятия легкой промышленности, мы сможем получить качественный завершённый цикл: от выработки волокон до продажи конкурентоспособной продукции. Программа спасения химии, а значит, спасения отечественной легкой промышленности, является, по сути дела, стратегией вывода из кризиса всей экономики государства.

Но здесь беспокоит еще и такой момент: по ведущим отраслям промышленности созданы министерства или государственные комитеты. А вот значение отраслей, производящих товары народного потребления, правительство почему-то недооценивает, хотя, как показано выше, они могут играть ведущую роль в экономике страны. Вместо того чтобы объединить их и финансово подкрепить, создать ведомство по консолидации производственных и экономических усилий для решения задач эффективного вхождения в рынок, государство раздробило единый механизм управления отраслями на локально функционирующие и почти не связанные между собой системы. Развал отраслей по производству

товаров грозит не только экономическими, но и социальными последствиями, ибо миллионы людей, оставшихся без работы, могут дестабилизировать и без того сложную ситуацию в стране. С моей точки зрения, для подготовки полноценного хозяйственного рынка необходим государственный орган, который может и должен возглавить всю эту многотрудную работу по реанимации отраслей, производящих товары.

— К сожалению, вес приобретает иная точка зрения: не надо ждать решения из Центра, пусть регионы сами разбираются со своими проблемами.

— Последняя поездка президента по стране, когда он посетил Ивановскую и Костромскую области и пришел к выводу о неэффективности региональной инвестиционной политики, еще раз подтверждает, что координация усилий, финансовая поддержка Центра необходимы.

Москва является крупнейшим текстильным городом страны. Здесь сосредоточены ведущие швейные предприятия. Примечательно, что это хорошо осознают в мэрии, и она наметила мероприятия по восстановлению дееспособности этой отрасли. И мы в своей программе развития полиэфиров предполагаем помочь московским текстильным производствам выйти на качественно новый вид продукции.

Большое внимание нашей работе уделяет Комитет РФ по химической и нефтехимической промышленности, и это дает уверенность, что наше начинание будет поддержано на государственном уровне.

Мы считаем, что нефтегазовый уклон, который сформирован в экономике нашей страны, должен быть поэтапно и безболезненно сбалансирован мерами поддержки инвестициями в отрасли промышленности, которые сегодня еще остаются без внимания. Тем самым будет оказана существенная помощь потребителям, населению в целом. Ибо формирование бюджета с концентрацией всех средств в одной-двух отраслях и при одностороннем использовании фискального принципа — как можно больше налогов — губительно. Государству — больше реальной прибыли от производства товаров народного потребления, а населению — сами товары. Вот куда нужно двигаться.

**Беседу вели
А. ТРУТНЕВ,
Н. ШАПОВА**

Очередь

За чем стоим?

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

Акции

«Русский человек работать не хочет. Для чего ему акции нужны? Чтобы деньги даром получить».

«Всю жизнь разные жулики на нас наживаться будут. Так нам и надо!»

«Это все потому, что у людей ума мало. Какую глупость им ни скажут — они уши развесят и последние деньги отдать готовы...»

Все это — разговоры москвичей, которые стоят в огромных, многочасовых очередях за акциями.

Нынешний акционер уже не тот, что несколько месяцев назад. Тогда, до скандала с «МММ», он был вальяжен и спокоен. Сейчас — стал нервным и суетливым. Умные экономисты долго рассказывали ему в газетах и по телевидению, что такое финансовая пирамида, за счет чего она создается и почему играть в эту игру ни в коем случае нельзя.

Из всех этих объяснений наш человек понял главное — деньги получить можно. Если оказаться в числе первых, кто их вложит и, соответственно, первым, кто заберет обратно...

«Почему вы здесь?» — «Да как-то затягивает. Я уверен, что мне повезет».

«Я на «МММ» потерял полтора миллиона. Но теперь я знаю, в чем моя ошибка. Если один раз проиграл в игре, в следующий раз — выиграться».

...«Я уже скоро книгу смогу написать. Называется — «Записки четырехжды погоревшего». Сначала я горел на «Нефтяном концерне». Потом — на акциях «Л.Е.Н.И.Н»а. Потом на «МММ». Сейчас я готовлюсь гореть на «Русском доме «Селенга»».

Как говорила героиня известного фильма: «Трудно быть первыми». В данном случае из-за того, что первыми хотят быть все. Поэтому наш человек отмечается в списках, сидит ночью у дверей офиса при свете костров, пишет, как в былые времена, химическим карандашом цифры на руке, чтобы купить акции. Потом он будет мучиться сомнениями, читать все экономические статьи, не пропускать ни одной сводки биржевых новостей и, наконец не выдержав,

Очередь за акциями...

мчаться по знакомому адресу, чтобы стать пятисотым или десятитысячным в толпе людей, которые и здесь хотят быть первыми.

Я своими глазами видела мужчину, который бежал к пункту продажи акций «Телемаркета». Потом подсказывал от нетерпения, наблюдая, как медленно движется очередь. Немного успокоившись, поинтересовался у людей, почему сейчас продажа. Те посмотрели на него с ужасом... Через три минуты он был уже у телефона-автомата и кричал жене, чтобы та бросила все и везла ему уже имеющиеся акции, потому что сегодня, оказывается, надо их не покупать, а, наоборот, срочно от них избавляться.

Но сделать это не так-то просто. Наши бизнесмены лукавы и лицемерны, как советская власть, их взрастившая. В очереди, чтобы получить обратно свои деньги, стоит человек 300. Сколько из них смогут пройти за день? 20—25, не больше. Железная дверь наглухо заперта. Колотиться в нее бесполезно. Когда надо, охранник сам откроет.

Поэтому, если вы устали от зрелища сияющих витрин, если вас по чистой случайности хорошо обслужили в магазине и вы почувствовали тоску по былым советским нравам, — идите туда, где продают акции или, еще лучше, где за них выдают деньги.

Здесь вы увидите все приметы очереди былых лет. Будет разлохмаченная тетрадь с фамилиями граждан и их четырехзначными порядковыми номерами, которую держит в руках растрепанная активистка. Будет и неизвестно откуда взявшийся параллельный список. Представители обоих списков начнут, обвиняя друг друга в мошенничестве, долгие переговоры. Появятся и загадочные молодые люди, тихо и быстро проскальзывающие в дверь — ко всеобщему негодованию, которое ни в каких, впрочем, конкретных действиях не выразится.

И, конечно, здесь будет она, пожилая женщина, которая громко говорит: «Это возмутительно! Почему мы молчим, а над нами издеваются? Мы пришли, чтобы получить наши деньги!» Десять лет назад она, единственная из всей очереди, требовала, чтобы ей заменили сгнившую свеклу или морковь. В те времена продавщица по крайней мере отвечала ей скандальной бранью. Сейчас же парень у входа не устает ее не только словом — даже раздраженным или сердитым взглядом. Он смотрит так, словно перед ним пустое место, и захлопывает дверь.

Но большинство очередников воспринимают происходящее как нечто естественное. Если прислушаться к разговорам, то становится ясно, что девяносто процентов людей абсолютно уверены, что те, кому они доверили свои деньги, — жулики. Мало того — были уверены в этом с самого начала. Глубочайший скептицизм по отношению к жизни цветет здесь пышным цветом. Общее настроение примерно такое: «Все козлы. Государство — потому, что разрешает эти игры. Бизнесмены — потому, что их устраивают. А мы с вами, ребята, — потому, что в них играем».

Но Бог азарта — великий Бог. Кроме того, очередь в России — это еще и вид спорта, национальная игра. Рулетка — но без крупье за спиной, кожаных диванов и золотых канделябров. Вместо этого слева — по мойка, справа — коммерческий киоск, наверху — голубое небо, а впереди — обманщики, которые не выдают деньги, точно так же, как пять лет назад не выдавали сахар по талонам, водку или дефицитные детские колготки. Но нам не привыкать. Подъем в шесть утра, в сумку — термос с горячим чаем, в карман — бутерброд и — вперед, забирать у судьбы обещанные ею триста процентов годовых.

ИТАР-ТАСС

Валютные магазины

Очередь в валютный магазин — самая унылая. Это не очередь, а какое-то недоразумение. В валютный магазин вообще не должно быть очереди. А у дверей — молодой человек в черном костюме должен приветствовать вас легким наклоном головы. Вместо этого — действительно стоит молодой человек. И даже — в костюме. В небрежной позе, заслонив локтем вход.

В очереди — вымытые хорошими шампунями и напудренные хорошими пудрами жены преуспевающих людей. Тут же — здоровенная дама с южным выговором и золотыми кольцами на

сдавать не заставили.

— И я думаю, что нам там не кричали бы: «Живее, что стоите, как непонятные!»

Коля и с этим совершенно согласен.

Обслуживающий персонал действительно ведет себя очень неприступно. И тут ничего не поделаешь. Просто к человеку, который стоит в очереди у нас, — совершенно особое отношение. Клиент может быть респектабельным и хорошо одетым. У него есть валюта, и он готов заплатить 200 долларов за вещь, которая в европейских магазинах не стоит и 40. Все равно он заслуживает

РИА-НОВОСТИ

Очередь в валютный магазин.

пальцах. Ребята в кожаных куртках, с тяжелыми челюстями, и рядом — юркие, едва достающие им до локтя вьетнамцы или мрачные югославы. Над очередью витает аромат духов «Ескаре». Когда вокруг тебя стоит семь модных дам, надушенных одними и теми же дорогими духами, это мучительное испытание.

Иногда очередь развлекают. Вдоль нее ходит лоточник и предлагает состоятельным господам купить мороженое. Старушка продает пуделя с длинными шерстяными ушами, какой-то ханурик пытается всучить зубные щетки. Расчет простой — в очереди стоять еще долго, деньги у людей есть. Может быть, они и дадут тебе труд опустить руку в карман и вытащить оттуда несколько купюр.

Иногда люди в очереди развлекают себя сами. Дама донимает своего интеллигентного уставшего мужа:

— Коль, представь себе, что мы с тобой в Париже, у входа в «Галери Лафайет». Неужели ты думаешь, что нам пришлось бы стоять в очереди?

Нет, Коля вовсе этого не думает.

— И неужели ты думаешь, что нас точно так же заставляли бы сдавать сумки у входа?

Коля убежден, что и сумки бы

по отношению к себе либо презрения, либо вежливой снисходительности. Но в любом случае — отеческой суровости. Даже если на входе — парень лет 20.

В магазинах попроще вместо него — две тетки. Одна караулит очередь снаружи, другая стоит в зале. Время от времени они размышляют о нравственных качествах клиентов — вслух и очень громко, чтобы те ничего не пропустили.

— Ты, Маш, только не думай, что здесь порядочные люди стоят. Я вчера смотрела — половину дорогих пуговиц с костюмов покрали. Приходят и бритвами срезают. Ты, главное, не стесняйся. Прямо ходи за ними и следи. Чтоб они твой контроль чувствовали.

Маша полминуты обдумывает сообщение.

— А я бы, будь моя воля, всех их простреляла, — говорит она с чувством. — Поставила бы пулемет прямо на лестнице, и давай!

Представляя себе эту картину, Маша не замечает, что магазин уже опустел. Надо открывать двери и впускать новую порцию. Отстояв одну очередь, люди радостно проходят внутрь — теперь они почти у цели.

Осталось немного — отстоять очередь за проволочными корзинками.

Выставка

Говорят, что Москва стала городом скучным и ко всему безразличным. Но на выставку Сальвадора Дали очередь дважды вырисовывала на площади перед Домом художника американский доллар. Стоять — около полутора часов. Люди стоят.

Интеллигентная, энергичная, ко всему любопытная Москва. О чем говорят здесь люди? Вероятно, о том же, что и десять лет назад. Впрочем, можно послушать.

Худенькая девушка с косой и большими серыми глазами. Рядом с ней молодой человек в очках. Она что-то говорит ему, ее лицо нежно и взволнованно. «И я у него спрашиваю: «Зачем мне идти в твою контору? Я у себя в месяц имею два лимона. И это — только за счет «черного нала».

— Ты про валюту, про валюту не забудь! — добавляет спутник.

Сзади две немолодые дамы, явно помнящие если не первую, то вторую пятилетку:

— И он заявляет: «Евгения Викторовна, нам надо срочно найти нишу. Экономическая ниша — вот что сейчас все решает. Давайте отправлять туристов в Италию!» Я говорю: «Этим сейчас уже двести фирм занимается». Два дня походил, потом говорит: «Я все понял, мы будем продавать бассейны для дачных участков». «Так зима скоро!» — «Ну хорошо, тогда давайте женскими колготками торговать!»

Вокруг очереди тоже занимаются бизнесом — более успешным. Гордо вышагивают спекулянты. Им сейчас не нужно прятаться, они самоуверенны и высокомерны. «Па-акупам билеты на выставку. Никто не проходит мимо! Все быстро покупаем билеты!» — говорят они тоном, каким милиционеры обычно призывают к порядку: «Всем разойтись! Соблюдаем порядок!» Милиционерам тоже есть работа — рядом, перед входом в Парк культуры, — очередная демонстрация. На ветру ползутся транспаранты, ветер доносит обрывки гневных реплик, усиленных мегафоном. Но очередь не волнует ни демонстранты, ни спекулянты. Очередь весела, оживлена и снисходительна. Завтра пожилая дама, филолог или экономист по профессии, снова будет торговать бассейнами или женскими колготками. Сегодня она хочет отдохнуть...

Были сборы недолги

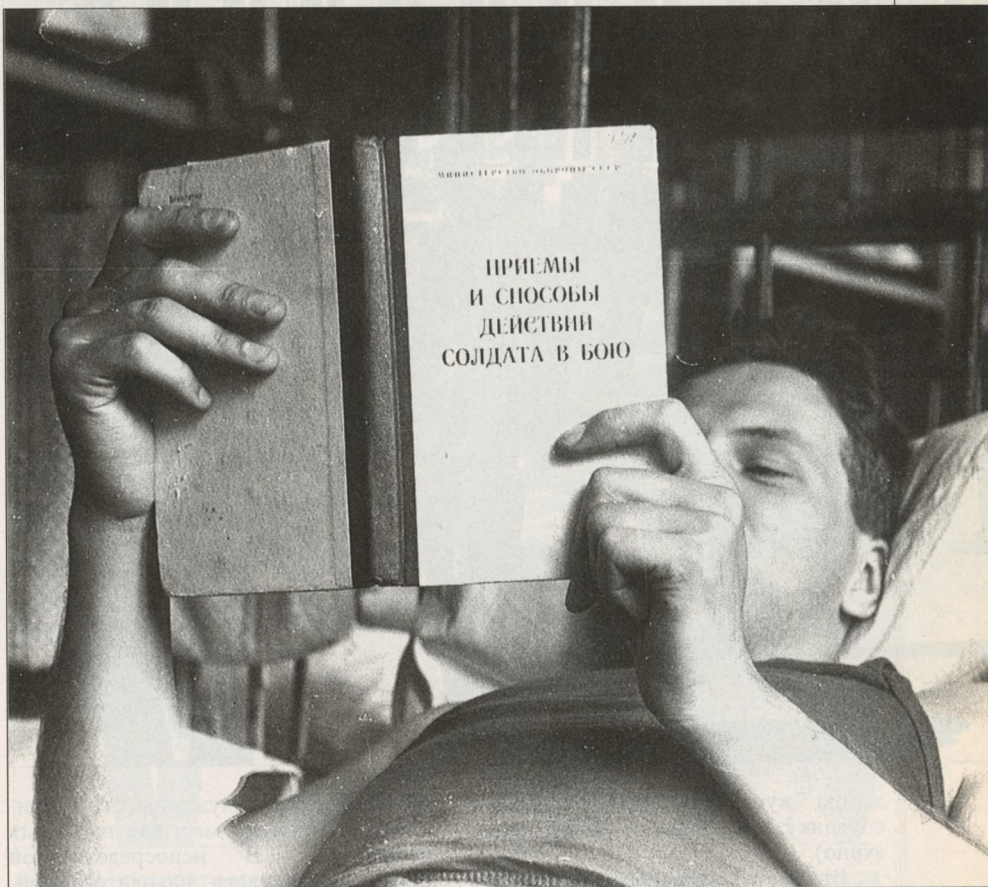
Похождения
бравого
студента

Егор РЫБАКОВ

Выдвижение и убытие

«Завтра в полдень мы должны организовано выдвинуться в район Курского вокзала для дальнейшего убытия в город Ковров с целью прохождения военных сборов!» — так среди лета сего года полковник Баруличев, руководитель сборов, приветствовал три сотни студентов МГУ, два года до этого томившихся на военной кафедре университета, где из нас готовили «специалистов по психологической борьбе». Последовавший за приветствием инструктаж сводился к следующему: начиная с завтрашнего дня и вплоть до окончания сборов запрещались самоволки, употребление горячительных напитков и купание. А также было заявлено, что запрещается «курить в расположении электропоезда, высовываться из него дальше, чем по щиколотку и...». Тут память мне что-то изменяет, ибо специфический военный лексикон воспринимается гражданским человеком с трудом. Помню лишь еще, что нам не рекомендовалось дергать стоп-краны.

Впрочем, вопреки всем запретам уже во время «выдвижения в район электропоезда Москва—Петушки» некоторые новобранцы утратили устойчивость. А уж в поезде явление это приняло характер эпидемии, чему в немалой степени способствовала нестерпимая жара. Хотя первопричина была, разумеется, не в ней, а в содержимом пластиковых бутылочек из-под различных охлаждающих напитков, подмененных «горькой». Кое-кто из студентов сумел даже упоить случайных попутчиков. Прикладывались и офицеры, правда, справедливости ради заметим, что контроль над собой они не теряли — чувствовалась отличная

военная выучка в этом деле.

Короче, до места дислокации, что в пригороде Коврова, мы добрались в весьма приподнятом состоянии. Была уже ночь. Но даже сквозь тьму мы узрели, давно уже не виданную в пределах отечества, ухоженность газончиков, тротуарчиков и прочих пространств. Создавалось впечатление, будто прибыли мы куда-то на задворки Букингемского дворца. Лишь несколько смутило, что в казарме на всех «товарищей курсантов» было предусмотрено не более пятнадцати кранов и менее десятка «очков» или «очк...» или... ну, вы понимаете, о чем я говорю.

Горе от стрельбы

С утра в казарму пожаловал местный начальник — полковник Грипась. В момент его вхождения (говоря языком военным, «в расположение») иные из «новобранцев» играли прямо в казарме в футбол, а между ними, уходя от столкновения, шныряли другие студенты с кипяточниками и тушенкой. Кто-то отдавался азартным играм, самые же умные, совершив утренний туалет, вновь погрузились в сон.

Несмотря на увиденное, Грипась сумел сохранить хладнокровие и учи-

нил построение. Затем, временами переходя на прелестный мат, полковник выразил надежду, что вновь прибывшие курсанты, в отличие от предшественников, не запятнают своего высокого звания. Особое место в речи военачальника заняло рассуждение на тему: неспособность вроде бы умных студентов следовать требованиям армейской жизни, в то время как восемнадцатилетние призывники, университетов не кончавшие, делают это чуть ли не с радостью. Из чего полковник заключил, что излишние знания имеют весьма разлагающее действие.

С ним согласился и майор Дубина — командир местной танковой роты. Этот командир, припомнив добрый казарменный анекдот, поинтересовался как-то у нас: «Если вы такие умные, что ж вы строем не ходите?» А ходить строем и пытаться стать отличниками боевой и политической подготовки никак не хотелось. И ждать от нас иного было бы, пожалуй, глупо. Давно известно, что является собой студент, засланный на военные сборы.

Кажется, полковник Грипась через несколько дней нашего пребывания в части понял это и, проходя как-то мимо развалившихся на травке у ка-

зармы курсантов, заметил своему спутнику: «А, банда...» (далее нецензурно).

...Впрочем, если первые дни воспринимались как отдых в пионерском лагере со всеми его атрибутами: купаниями, лазаниями по деревенским садам, футболом, волейболом и т.п., то позже пришлось все же пережить и не самые приятные ощущения, вызванные строевой подготовкой и разнообразными «выдвижениями» — в районы тактических полей, стрельбищ и т.д.

Особенно памятно одно из таких «выдвижений» — с оружием под проливным дождем. В тот раз наша рота усилиями старшего преподавателя промахнулась мимо цели на несколько километров. Мокрые, измученные, мы вернулись к жизни исключительно благодаря водке. Вообще, несмотря на купания, самоволки, во время которых мы нередко, кстати, наткнулись на офицеров с нашей кафедры (и спасибо им за безразличие к этим нарушениям), именно водка стала главным ежедневным развлечением. И именно она же — лучшим лекарством от разгулявшегося в наших рядах гриппа и ностальгии по родной столице.

Профилактика водкой

Естественно, что, несмотря на все запреты, большинство курсантов прихватили с собой хоть сколько-нибудь «огненной воды». Однако в первые же день-два запасы ее исто-

щились, и мы вынуждены были приступить к поиску местных водочных источников. В непосредственной близости от части находится селение Пакино, мгновенно переименованное в «Пукино-Факино». Оттуда-то и пришел первый караван с водкой. А привел его местный, вечно не просыхавший прапорщик Василий. Заработок его составил бутылку — одну с четырех купленных. Впоследствии по проторенным прапорщиком путям походы за «горькой» совершались курсантами самостоятельно.

И что характерно, водка в Пакино-Факино была регулярно, а вот простаивала на прилавке не более получаса после открытия магазина. Аборигены, как мы любовно называли пакинцев, вмиг раскупали весь горячительный товар по цене 2300 рублей за бутылку и тут же перепродавали по 2500. Торговля осуществлялась прямо в квартирах.

Но, вообще-то, водка использовалась нами в профилактических целях. Посредством ее мы пытались предотвратить возможные неприятные последствия трапезы в солдатской столовой, меню которой разнообразием не отличалось. Основной компонент — кашка: пшенка, ячневая, рисовая. Ну и хлеб, масло, что-то отдаленно напоминающее чай.

Честно говоря, сначала приятно поразило постоянное наличие на столах курочки, порции которой росли с каждым днем. Впрочем, че-

рез недельку некоторое количество курсантов, отправленных в наряд, раскрыло секрет. Оказалось, в канун нашего приезда вышел из строя морозильник, заваленный курами, и пока продукт окончательно не стух, его скармливали нам. Вполне естественно, что после нескольких дней посещения столовой чуть ли не все из нас перешли на консервы и по возможности пытались трапезничать в офицерской столовой. Кормили в ней небесплатно, но вполне прилично. И жутко было смотреть на солдат-срочников, которым приходится питаться буквально помоями. Кажется, никого не удивила случившаяся в канун нашего приезда смерть одного из солдат от гастрита.

Смерть без войны

Кстати, при нас в полку было еще несколько смертей. Начальство местное говорить об этом отказывалось, но солдаты из тех, что посмелей, рассказывали кое-что. Так, один солдат умер от сердечного приступа, когда по приказу «деда» отжимался в противогазе. Другой повесился, не

выдержав, по-видимому, издевательств.

И, естественно, никто не понес наказания. Наивно было ожидать чего-то еще — ведь за каждой смертью вина и сержантов, и офицеров, и не в последнюю очередь — полковых медработников. Тот солдат, что умер от гастрита, неоднократно обращался в санчасть, но каждый раз его, мягко говоря, не слушали, еще и обвиняя: ест, мол, что попало, а то и симулянт. Налицо явно 128-я статья Уголовного кодекса — «Неоказание медицинской помощи».

На совести медработников и дру-
гая смерть. Призывник не отслужил
и месяца — на «гражданке» у него
была серьезная черепно-мозговая
травма, и наверняка в военкомате об
этом знали. Но, тем не менее, он ока-
зался в армии. Как-то на зарядке уда-
рился головой, его преследовали
сильные головные боли. Солдат не-
однократно обращался в санчасть, и
каждый раз безуспешно. Однажды
утром он не проснулся... Мы видели
цинковый гроб с его телом, ей-богу,
до слез было жаль и его, и его род-
ных. И обидно было за беспредел,
творившийся у нас на глазах.

Мы видели, как в присутствии
офицеров сержанты заставляли
солдат чистить свои сапоги. А после,
если хоть пятнышко сержант нахо-
дил на сапоге, подошвой отмечался
на лице солдата. Если же на пилотке
«салаги» сержант обнаруживал
пятнышко, то мог запихнуть этот го-
ловной убор в рот его обладателю.
У солдат отнимались сигареты, день-
ги...

Создавалось впечатление, что
полковое командование санкциони-
рует этот беспредел. И не заметно,
чтобы проблема эта заботила Ми-
нистерство обороны РФ. В то время
как министр обороны утверждает,
будто в прошлом году в российской
армии погибло «всего» 1429 чело-
век, данные Комитета солдатских

матерей говорят минимум о 5400
смертях. Министерство обороны ин-
формацию эту тщательно скрывает,
прокуратура же занимается, в основ-
ном, беглецами, хотя логичнее бы-
ло бы обратить внимание на причи-
ны, вынуждающие солдат кидаться в
бега. По сути, обязанности Мини-
стерства обороны и следственных
органов взвалили на себя двадцать
государственных и двести общест-
венных организаций. А в армии, как
выразился один из офицеров с нашей
кафедры, по-прежнему «совок». Иногда кажется, если вдруг, не дай
Бог, начнется война, то униженные,
голодные солдаты, получив оружие,
перестреляют своих командиров и
разбегутся по лесам.

И скучно, и глупо

К счастью, к нам офицеры относи-
лись иначе. Да и вряд ли, пожалуй,
возможно было довести нас до
скотского состояния — все-таки нас
много и все мы заодно. Неудивитель-
но, что солдаты смотрели на нас с за-
вистью, офицеры принимали нас за
слишком образованных и потому
пустых людишек, а у медработников,
представленных в основном жен-
щинами, мы даже пользовались
уважением. Между прочим, в отли-
чие от солдат-срочников, мы без
проблем получали в санчасти ос-
вобождения от различных повин-

ностей, и в частности от ношения са-
пог. Чем вызвана такая благо-
склонность, сказать трудно. Не знаю,
стоит ли этому верить, но одна из
медсестер по секрету поведала как-
то, что перед нашим приездом среди
личного состава полка было прове-
дено нечто вроде инструктажа,
смысл которого был в том, что по-
наедут вскоре студенты МГУ, часть
из них уже отсидела, часть — в армии
отслужила, причем старшинами, а
остальные — алкоголики, бандиты и
гомосексуалисты.

При всем том присягу принять нам
все же позволили. И на следующий
день были мы уже в Белокаменной.
Подвели итоги. За время сборов со-
вершили несколько пустых «выд-
вижений», выпустили из автомата по
12 патронов и в общей сложности
часов эдак пять отдали строевой под-
готовке. Немало, что и говорить.

Прошло еще несколько дней, на
кафедре закончились экзамены —
такая же, как и сборы, формаль-
ность. Осталось дожидаться приказа
министра обороны о присвоении
нам звания лейтенантов. Со специ-
альностью «помощника начальника
разведотделения по психборьбе». Если
верить нашим офицерам, в ар-
мии только водку пить. Так что, ать-
два!..

Фото Глеба ОБУХОВСКОГО

Бразилия: футбол или жизнь?

Вадим ЧИСТОВ

Видели ли вы когда-нибудь городские улицы и площади с асфальтом желто-зеленого цвета? Выкрашенные теми же красками стволы деревьев вдоль дорог? А многомиллионные города, совершенно вымирающие на время футбольного матча? Видели ли океаны людей в желтых майках, до утра празднующих победу команды в очередной игре? Приходилось ли слышать се-

За три года жизни в стране я немного поездил по огромной и разношерстной Бразилии и могу поручиться: здесь нет населенных пунктов без футбольного поля или его подобия. Даже в забытых богом, выжженных немилосердным солнцем и голодом внутренних районах штата Байя или Гояс может не быть школы, колодца с водой, электричества, продовольственной лавки, но пустырь с воротами, сколоченными из «подручного материала», вы увидите обязательно.

Радость игроков бразильской «золотой сборной—94» не выразить словами — в четвертый раз престижнейший Кубок мира оказался у них в руках

рьзные споры политиков о том, как выступление сборной на чемпионате мира повлияет на ход программы стабилизации экономики и результаты президентских выборов? Попадались ли на глаза выгуливаемые вдоль пляжа Копакабаны породистые собаки в футболках с номером 11, гетрах и желто-зеленым бантом между ушами?

Да, речь о Бразилии. Стране, которую сами «аборигены» в шутку именуют «патрия дас шутейрас» (что-то типа «родины футбольных бутс»). Стране, которая, как никакая другая, ассоциируется именно с футболом. Стране, где все — от мала до велика — разбираются в этой игре («население состоит из 150 миллионов тренеров»).

Историческая память бразильца достаточно коротка, но это совершенно не относится к истории национального футбола. Мало кто назовет всех президентов страны со времен, скажем, Жетулиу Варгаса, но любой перечислит игроков «золотой» сборной 1970 года. Бразилец может испытать большие затруднения, чтобы вспомнить, кто возглавил страну после революции 1930 года, но без особого труда проинформирует, что из Кубка мира 1938 года Бразилия выбыла после пенальти, забитого из-за ошибки Домингуса Да Гиа. Даже детская память хранит незаживающую рану того дня 1950 года, когда на глазах 200 тыс. болельщиков на стадионе «Маракана» в Рио бразильцы проиграли финальный матч уруг-

вайцам, хотя кубок мира практически был уже в руках.

Послушайте речь бразильца — она насыщена футбольными терминами: «наступить на мяч» (сделать ошибку, попасть в неловкое положение), «мочить футболку потом» (очень стараться что-то сделать), «финальный свисток» (конец чему-то), «играть корпусом» (подхалимничать), «торсида» (болельщики или сторонники того или иного кандидата на выборах), «играть на трибуну», «в команде, которая выигрывает, замен не делают», «кто не может забить, в конце концов пропускает» и т.д.

Футбол в Бразилии — это богатейшая мифология со своими героями и злодеями, фантастическими сюжетами. Вам обязательно расскажут, что сборная 1958 года, впервые завоевавшая золото мира, состояла из «богов»: Пеле, Гарринчи, Джалмы Сантуса, Диди и других. И тренер команды Феола во время матчей дремал, сидя на скамейке запасных, просыпаясь лишь для того, чтобы спросить, какой счет.

В этой стране, где болельщики — все ее население, принадлежность к «торсиде» клуба «Фламенго» или «Коринтианс», «Палмейрас» или «Крузейру» столь же важна для характеристики человека, как его профессия или место рождения.

Знаменитые бразильские теленовеллы (вторая национальная страсть) в немалой степени тоже обязаны своим появлением футболу. Ведь колоссальный спрос на телетрансляции матчей был одной из движущих сил развития местной телендустрии.

Другими словами, в одних странах их жизнь, национальная культура лучше всего отражаются в литературе, в других — в кинематографе, в третьих — в достижениях технологии. В Бразилии такое зеркало — футбол. Наверное, на земле есть углы, где эту игру любят не меньше, но наверняка нигде больше, чем здесь, жизнь так не пропитана футболом.

Бразилия — единственная страна, не пропустившая с 1930 года ни одного чемпионата мира. Она стала первой, завоевавшей (1958, 1962, 1970) звание трехкратного чемпиона (потом уже ее догнали Германия и Италия). А в нынешнем году стала первым четырехкратным обладателем вожделенной золотой Ники. Бразилия — опять же единственная, кому Кубок ФИФА в 1970 году был отдан на вечное хранение (в 1983-м священный для страны трофей был украден из штаб-квартиры Бразильской футбольной конфедерации (БФК), переплавлен в золотые бруски, вывезен и продан в Уругвае).

Футбол появился в Бразилии ровно 100 лет назад благодаря англичанам, которые строили здесь железные дороги и мануфактуры. В 1894 году (нынешний год — юбилейный) инженер Чарльз Миллер вместе с двумя наполненными воздухом кожаными шарами привез

Неправда, что бразильская «торсида» безлика — у этой многотысячной толпы болельщиков такое доброе и радостное лицо

«ПАРИ-МАТЧ»

Примером здесь, наверное, вечно будет служить сын портового Сантуса, «король футбола» Пеле, этот «негр с белой душой», вхожий во все дворцы мира. Другой великий футболист, его партнер Гарринча, в свое время так и умер, оставаясь «в долгах как в шелках». Пеле же — бразильский царь Мидас, превращающий в золото все, к чему он прикасается.

Говорят, Бразилия была первой страной, в футбольной сборной которой уже в 30-е годы появились негры и мулаты. И это с самого начала предопределило отличную от других манеру игры. По мнению весьма серьезных специалистов, фактор цвета кожи (в данном случае «цвет меда», как поется в одной самбе) — один из определяющих. Там, где белый действует по прямой, мулат выбирает

диковинную игру, которая не вызвала поначалу у местного населения никакого интереса. Вскоре был создан и первый «Футбольный атлетический клуб Сан-Паулу». Какое-то время спорт оставался элитарным: его практиковали европейские специалисты за высокими заборами клубов. Но это продолжалось недолго. Уже через несколько лет «аборигены», раскусив прелести игры, вынесли ее на широкие просторы родины, и вскоре Бразилия была покорена этим заморским изобретением.

Распространение футбола по планете, и не только в Бразилии, имеет ряд общих причин: игра проста, правил немного, и они ясны всякому. Не требует какого-то специального технического оборудования (это не «Формула-1»), особых интеллектуальных или физических данных. В баскетболе и волейболе ты должен быть большим и сильным, в футболе можешь быть маленьким и хрупким, как Бебето, один из лучших в мире нападающих.

Возьмите для примера 28-летнего бразильского гражданина по имени Ромарио ди Соуза Фариа. Маленького роста (168 см — от неполноценного питания в детстве), с темным цветом кожи (не негр, а, скажем, весьма загорелый мулат), образование — рудиментарное, родился в фавеле Жакарезинью в Рио-де-Жанейро и вырос в почти столь же бедном районе Вила да Пенья. Казалось, в жизни изначально все было против него.

Ан нет. Ромарио, перекупленный два года назад испанской «Барселоной» и голландского «Эйндховена» за 5 миллионов долларов, сейчас — миллионер, владелец солидной недвижимости в Испании и Бразилии, коллекционер самых роскошных моделей машин. «Ромарио — сплошное преувеличение: у него 1500 компакт-дисков, более 100 пар ита-

Усложняется жизнь, усложняется футбол. Сегодня победа никому не дается легко, даже таким кудесникам мяча, как бразильцы

льянских ботинок, более 150 пар кроссовок, две сотни футболок, сшитых на заказ, — говорит его жена, 23-летняя Моника. — Когда ему что-то нравится, он покупает сразу гору. Для человека, который начинал с того, что разгружал за гроши на оптовой базе грузовики с фруктами, иметь все это сейчас — повод гордиться собой.

И в этом — первое объяснение футбольного феномена Бразилии. Этот вид спорта — одна из немногих возможностей выбиться в жизни у громадной части общества, которой «не повезло».

более извилистый, сложный путь. И он принес в футбол виртуозную технику, другую культуру обращения с мячом. В одном научном исследовании всерьез утверждалось, что склонность к дриблингу: всевозможные финты, обводки, ложные, обманные движения — в генах мулатов, предки которых на протяжении веков рабовладения пускались во все тяжкие, лишь бы увернуться от постылой, подневольной работы.

И еще один момент. Бразильцы, часто называющие себя неорганизованной и безалаберной нацией, когда дело каса-

тса футбола, демонстрируют высочайший профессионализм, умение «соединить искусство с наукой». Я имею в виду научную разработку методик физической и психологической подготовки игроков, достижения спортивной медицины, диетологии. Воплощение этого профессионализма — фигура главного тренера по физподготовке Мораси Сантаны с его неразлучным микрокомпьютером.

Никто не будет отрицать, что на последнем чемпионате мира бразильская сборная была лучше других физически подготовлена (и это, кстати, повторяется далеко не один год), она навязывала всем соперникам свою игру, демонстрируя и тактическое превосходство. Как показал финальный матч с итальянцами с серией пенальти, у бразильцев оказались крепче нервы.

И все оттого, что в Бразилии к футболу относятся очень серьезно: это та сфера, в которой вращаются колоссальные деньги. Достаточно сказать, что затраты десятка компаний («Кока-Кола», «Райдер», «Филипс», пивные концерны «Брама» и «Антарктика» и т.д.) на рекламу своей продукции с использованием темы чемпионата мира составили порядка 700 миллионов долларов.

Помните эпизод, когда нападающий Бебето, забив гол в ворота голландцев, счастливый, бежал к кромке поля, делая руками движения, как будто укачивая младенца? Он посвятил гол своему третьему сыну Матиасу, родившемуся накануне матча. Через секунду около Бебето на краю поля стояли Ромарио и Мазиньо, которые, повторяя движения радостного папаша, помогали ему «укачивать наследника».

Так вот, еще не закончился чемпионат, а на телевидении каждый день показывались эти кадры в рекламных роликах страховых фирм и компаний — производителей молочных продуктов и детского питания.

Три национальные телекомпании: «Глобу», СБТ и «Бандейрантис» — вложили в освещение Кубка мира около 100 миллионов долларов, имея в распоряжении зафрахтованные боинги и ДС-10. «Телебригады» «Глобу» (в общей сложности — около 150 человек) до поздней ночи вели репортажи из 9 американских городов и столиц тех стран, с которыми играла Бразилия.

Для бразильца на поле играет не сборная — играет его страна и победа или проигрыш команды — это триумф или поражение нации. А в том, что касается патриотизма, Бразилия — страна особенная. И когда после окончания финального матча пожилой уже отец Таффарела, вратаря сборной, держась за сердце, произнес: «Ну, теперь можно и умереть спокойно», он действительно говорил то, что чувствовал. Украшения улиц, домов и квартал желто-зелеными

флагами, раскрашивание асфальта, деревья и даже машин в цвета национального флага — явления того же порядка. И именно поэтому Бразилия погружается в напряженное молчание перед телевизором во время трансляции игры сборной, чтобы потом, в случае победы, взорваться карнавалом.

Футбол здесь, наверное, — самое сильное средство сплочения, объединения огромной, разноликой страны с кричащими социальными контрастами. Это и мощное средство, как сказали бы мы в не столь далеком прошлом, «патриотического воспитания молодежи». И правительство прекрасно осознает это.

Футбольная сборная для бразильца — идеальный образ страны. Черные, белые и мулаты, вышедшие из низов общества (Ромарио и Бебето, Алдаир и Марсиу Сантус) или из среднего класса (Дунга и Таффарел, Леонардо и Жоржиньо) действуют вместе, сообща, ради одной цели. И что важно — добиваются успеха — того, чего Бразилия не может добиться в других областях.

Разумеется, все это создает невероятное психологическое давление на игроков и тренеров, но это же — великий стимул к тому, чтобы полностью «выкладываться» на поле. По убеждению тренера-координатора команды Мариу Загалу, «любовь к футболке», сплоченность и взаимовыручка были главными причинами победы команды на чемпионате мира в США.

Среди сильных сторон национального футбола отметим и его организацию. Клубные команды, в которых работа поставлена уже вполне серьезно, формируются для ребят начиная с 4 лет. Есть несколько возрастных «лиг»: так называемые «сосунки» (4,5–5 лет), «подгузники» (5,5–7), «молочные зубы» (7–10), «зубы» (11–13), «зубищи» или детская (13–15), юношеская (15–17), юниорская (17–20). Во всех них проводятся районные и городские турниры. Для тех, кто постарше, — и чемпионаты в рамках штатов.

Турнир высшей лиги, в котором участвуют в этом году 24 команды, имеет очень сложную формулу, но направлен на то, чтобы максимально обострить конкурентную борьбу. Матчи проходят как минимум дважды в неделю у каждого клуба. Плюс к этому команды участвуют в розыгрыше Кубка Бразилии, суперкубка, Кубка Америки в нескольких именных турнирах, 5 различных турнирах, организуемых Южноамериканской футбольной конфедерацией.

«Боление» в Бразилии — это искусство, в том числе и гастрономическое. В день, когда сборная играла с Камеруном, главным блюдом во всех ресторанах были креветки (название африканской страны на португальском языке в дословном переводе — «креветки»). В одной из газет были напечатаны рецепты «специаль-

ного» приготовления этого продукта моря. Первый был такой: «Возьмите 11 креветок, оторвите им головы и на сильном огне жарьте в течение 45 минут. Затем дайте им отдохнуть 15 минут и жарьте еще 45». В дни игр с Россией и Италией здесь резко возросло потребление соответственно водки и итальянских вин — болельщики «пили кровь» противников сборной.

Бразильцы, мистики по своей натуре, верят в черных кошек, пустые ведра, магические свойства кристаллов и прочее. Естественно, для них очень важно, какие «флюиды» они посылают команде. Актер Эри Джонсон рассказывал, что наблюдал матчи чемпионата по телевидению и, сидя в кресле, скрестив ноги, «помогал сборной в атаке». Каким образом? Оказывается, когда команда атаковала по правому краю, он перекладывал правую ногу на левую, если же по левому краю — наоборот. Но в игре команды со Швецией Эри забьлся и пересел на пол. «Представь себе — сборная перестала атаковать», — говорил он.

Дама средних лет по имени Лейлока делится своим опытом: «Когда противник нападает и наши уходят в оборону, я скрещиваю ноги и руки, блокируя подходы к штрафной». «И как, помогает?» Улыбается: «Конечно. У нас была самая надежная оборона — всего три пропущенных мяча за весь чемпионат».

В Рио-де-Жанейро есть фавела Трикампеон («трехкратных чемпионов», в которой все улицы названы именами футболистов и тренеров сборной 1970 года. Теперь жильцы направили в муниципалитет просьбу о переименовании фавелы в Тетракампеон («четырёхкратных чемпионов»). Неизвестно, правда, будут ли переименованы и улицы в соответствии с составом команды 1994 года.

В общем, на тему «Бразилия и футбол» можно говорить бесконечно. Как бесконечно можно говорить о жизни нации, так отличающейся от нашей. Напоследок остается вопрос: если футбол стал неотъемлемой частью национальной культуры, если он имеет здесь столь развитую инфраструктуру, мощную социальную, этническую, экономическую «подпитку», если футбол — это национальная страсть и, в лучших своих проявлениях, высокое искусство, то почему Бразилия не выигрывает абсолютно все чемпионаты мира?

А потому, что в футболе, как известно, нет логики и огромную роль играет фактор удачи. А она не всегда улыбается одним и тем же. Единственное, что можно твердо гарантировать, — Бразилия всегда, на всех турнирах будет претендовать на высшую ступеньку пьедестала почета. Второе место равнозначно последнему. Страна, вся жизнь которой так густо замешана на футболе, просто обречена быть фаворитом.

«Ла-Вихия» снова открыла двери

В этом доме все сохранено так, как это было при жизни Эрнеста Хемингуэя: огромное количество книг, охотничьи трофеи, картины и посуда, накрытая в столовой будто в ожидании хозяина, оставившего этот дом в далеком 1960 году.

Он открылся недавно в Сан-Франциско-де-Паула, под Гаваной, после двухлетней реставрации и в честь 95-летия со дня рождения всемирно известного писателя. Ранчо «Ла-Вихия» служило «старика Хэму» уютным «карибским убежищем» в течение двух десятилетий.

После того как в 1939 году писатель поселился на этом ранчо, здесь стали появляться новые постройки, к проектам которых приложил руку сам Хемингуэй. Так, на холме выросла известная на весь мир Белая башня: на верхнем этаже, уединившись в просторной комнате, выходящей окнами на все концы света, он любил писать, а весь первый этаж был отдан кошкам — их там было около 70. Этих кошек и эту комнату, открытую морским ветрам, можно без труда узнать в романе, посвященном Кубе, — «Острова в океане».

В дом посетителям вход воспрещен, но через открытые окна можно увидеть все предметы, некогда окружавшие Хемингуэя. На стенах — головы африканских антилоп, американского буйвола. Столовую украшают огромные рога канадского оленя, а с одного из стеллажей оскалились черепа львов — все это трофеи заядлого охотника, которым был писатель.

Каждая вещь в доме, каждый штрих обстановки несут отпечаток их хозяина, рассказывают о нем, как когда-то он сам рассказывал людям — лаконичным, лишь ему присущим языком. Хемингуэй был одним из последних послевоенных «великих романиков», и в его книгах парадоксально сочетались огромная жажда жизни и непонятная, порой мистическая тяга к смерти. Это же встречается и на ранчо, где буйной зелени и цветам диссонировали четыре каменных обелиска, установленных над могилами любимых собак писателя.

Последний раз он побывал

на Кубе в 1960 году. В то далекое время на турнире по ловле рыбы-меч он познакомился с молодым лидером кубинской революции Фиделем Кастро. Здесь же, в «Ла-Вихии», он принимал первого официального посланника СССР Анастаса Микояна.

Отсюда Хемингуэй последний раз поехал в Испанию, где почувствовал сильное недомогание (острое психическое расстройство), и отправился в клинику в Америке, штат Миннесота. По мнению кубинских исследователей, в США писателя подвергли «неправильному» лечению с применением электрошока. Хосе Луис

Эррера, живущий на Кубе бывший личный врач Хемингуэя, считает, что этим американские терапевты подорвали сопротивление писателя болезни, что и привело к роковому выстрелу 2 июля 1961 года. После смерти писателя его жена передала ранчо правительству Кубы, которое вскоре объявило его национальным музеем.

Куба переживает сегодня труднейший период. И все же страна смогла отыскать ресурсы для реставрации дома-музея Хемингуэя, видимо, правильно полагая, что историческая память порой намного дороже самых больших денег.

Под этими каменными плитами нашли последний приют четыре любимые собаки Хемингуэя — Блэк, Негрита, Линда и Нерон

Сколько нас по земле этой топает...

К середине нынешнего года число жителей нашей планеты достигло 5,65 миллиарда человек. А к концу века шестимиллиардный рубеж будет обязательно пройден. Такие любопытные данные приведены в опубликованном недавно в Женеве докладе Фонда ООН для деятельности в области народонаселения.

Вышедший сейчас на рекордный в истории уровень в 94 миллиона человек в год прирост населения на Земле, утверждают эксперты, в

ближайшие 2—3 года сократится. По мнению основных специалистов, это открывает новые, более благоприятные возможности перед многими странами Азии, Африки и Латинской Америки, на которые приходится львиная доля увеличения населения из-за высокой рождаемости.

В докладе не говорится о России отдельно, но, учитывая падение прироста населения в нашей стране и общемировые тенденции, можно с уверенностью предположить, что перед нами также открываются «новые, более благоприятные возможности». Использовать бы их только с умом!

Ослы заменяют трактора?

Необычный турнир по скоростной пахоте на... ослах (в рамках сельскохозяйственного шоу, организованного в окрестностях кенийского города Ол-Джоро-Орок) уже на старте лишился двух главных участников. Основные, по мнению зрителей, претенденты на победу, к огорчению собравшихся, наотрез отказались тянуть плуг. Сдвинуть их с места не смог ни один из использованных погонщиками аргументов, в том числе и «самых веских». Устроители турнира были вынуждены снять с соревнований неожиданно заупрямившихся животных.

Этот небольшой инцидент мог бы остаться незамеченным. Но, увы, он оказался как раз той самой «ложкой дегтя в бочке меда». Турнир был задуман для того, чтобы убедить владельцев небольших фермерских хозяйств в Кении в экономической целесообразности и эффективности применения «ослиной силы» при обработке плантаций. Зачастую эти плантации расположены на крутых склонах или настолько малы, что не оправдывают использование тракторов. К тому же в результате проводимых в Кении реформ с целью либерализации экономики цены на «железных коней» так скакнули вверх, что они стали недоступны для подавляющего большинства мелких фермеров.

Турниры по пахоте на ослах проводятся сейчас в различных районах страны. В одном из них, который состоялся в окрестностях Найроби, принял участие министр внутренних дел и национального наследия Фрэнсис Лотодо. Первые страницы центральных газет обошла фотография, запечатлевшая его за плугом с впряженным ослем. Пример убедительный. Но случай в Ол-Джоро-Орок, несомненно, заставит задуматься многих потенциальных последователей: стоит ли ставить судьбу урожая и благополучие семьи в зависимость от настроения животного, упоминания о норове и упрямстве которого есть в фольклоре почти всех народов мира.

АНДРЕЙ ГОЛУБОВ

Пожиратель дюшесов

Эссе об Эллисе

Алексей МИТРОФАНОВ

Чародей

Чародеем его называли Цветаевы. Марина и Ася.

Иван Владимирович чародеем не считал. Хотя ценил. За ум и безусловную неординарность.

Но, во-первых, он был «декадентом», и всяческие декадентские штучки были консервативному ученому, поклоннику античности, не слишком-то по нраву. Считал, что портит Эллис дочерей. И, во-вторых, по воспоминаниям А.Белого, некая дама, которой тайно увлекался основатель знаменитого музея, была влюблена в «совратителя» Эллиса. При столь незавидном местечке в классическом треугольнике Цветаев был далек от слова «чародей».

И все-таки Лев Львович Кобылинский (Эллис — псевдоним) был чародеем. Он прибегал в «Трехпрудный дом» под вечер (и в основном когда глава семьи бывал в разъездах), а девочки (одной — четырнадцать, другой — шестнадцать лет) летели на звонок. Обе были влюблены в волшебного ненастоящей, неземной любовью.

Эллис усаживался под портретом покойной супруги Ивана Владимировича (запечатленной в гробу), и начиналась — сказка. Втроем они путешествовали на быстром и совсем ручном единороге, посещали великанов, пигмеев, толковали сны — ни в чем себя не сдерживали.

Под утро провожали Эллиса домой. Отец, чтоб помешать таким прогулкам, запирали девчоночьи пальто, — но отправлялись налегке.

*Он был наш ангел, был наш демон
Наш гувернер — наш чародей,
Наш принц и рыцарь...—*

писала Марина. И обещала — не выйти замуж никогда.

А Эллис — непонятный человек — вдруг предложил Марине стать супругой. Именно его супругой. И был, конечно же, отвергнут как жених. Еще бы: единорог, пигмеи, сны, и вдруг такая проза — замуж.

Все оставалось, как прежде. И им втроем так было хорошо!

Медиум

Нет, все-таки он не был чародеем. По словам той же самой Марины Цветаевой, он был — «святой танцор». Даже нет, не святой. Был он — сын ада, оккультист и медиум. Общался с неясными, темными силами. В транс впадал.

И других — вводил в транс. Околдовывал и помещал своих зрителей (а тех всегда — хоть отбавляй) в различные неподходящие места. К примеру, в коридоры Вечности.

— Смотрите, — кричал он неистово, — смотрите в глубь коридора, вы видите — там что-то, кто-то мелькает?

И многие — видели.

А как-то в ресторане «Мавритания» (был такой в Петровском парке) наш медиум, недовольный ресторанными танцорами, вскочил на сцену — и сам пустился в дикий пляс, да так пустился, что все оставили вино, закуски, обо всем забыли, подбежали к сцене, стали аплодировать...

Другой же раз в шантане негра вытолкнул со сцены — вместо него стал танцевать, — и снова публика забылась, в раж вошла.

Да что там ресторанные завсегда-тай — однажды после серьезнейшего научного заседания съезда естествоиспытателей кое-кто из заседавших оказался в одном доме с Эллисом. Тот был в настроении, пустился в свое неистовое медиумическое верчение — и «не прошло получаса — завертелись профессора, подкидывая ноги, тряся сединами».

Но особенного класса чудес он достигал в пародиях. Как-то в гостях у журналиста, любителя латыни Алексеева, Эллис, ощутив свое таинственное вдохновение, вдруг подмигнул присутствующим и в одну секунду сделался как бы астральным двойником хозяина. «Щеки отвисли, глаза стали близорукими, губы шлепающими, плечи подняты, живот выпятился, руки стали короче, и тем же голосом, с теми же интонациями, как Алексеев, не подавая виду, что его копирует, Эллис начал закатывать длиннейшие латинские поговорки», — вспоминал очевидец.

Пьяненький хозяин некоторое время ничего не замечал, затем уселся

Лев Львович Кобылинский (Эллис)

перед Эллисом, уставился в него и произнес:

— Сукин сын, а ведь это я, тогда давай выпьем «на ты».

Но Эллис баловался этими ужасными пародиями довольно редко — говаривал, что после подобных сеансов у него сильно болит голова, что его «изнутри распирает» — словно в него «вошел другой человек».

Мим

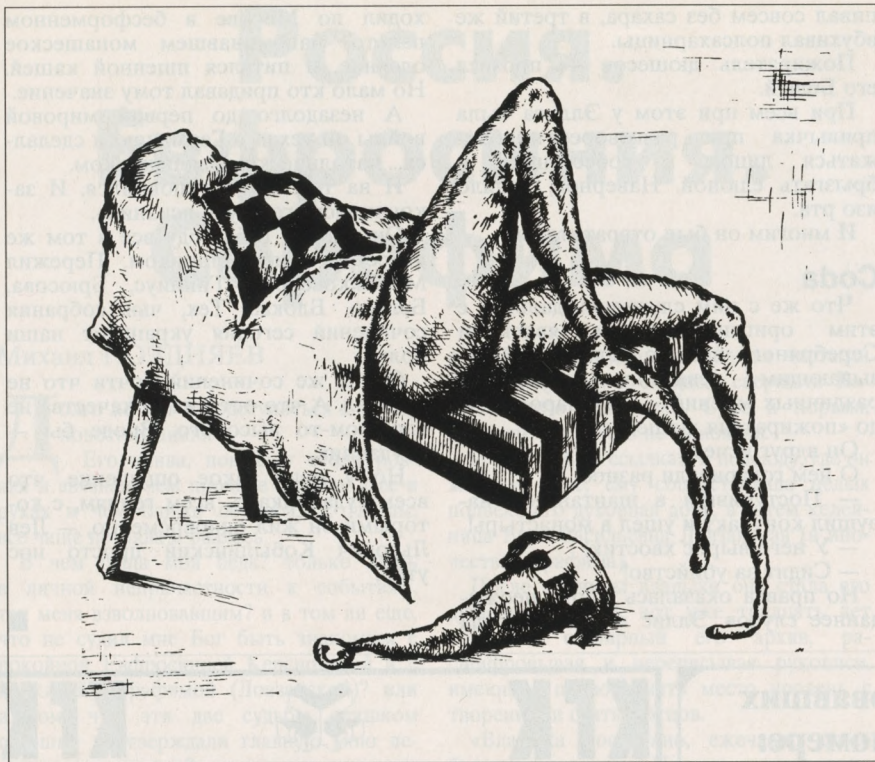
А вероятно, не было тут никаких потусторонних сил, а лишь обман актера превосходного. То, что Эллис был таков, — бесспорно.

Современник его, публицист Валентинов, писал о нем так: «Эллис забываем и... неповторим. Этот странный человек с остро-зелеными глазами, белым мраморным лицом, неестественно черной, как будто лакированной бородкой, ярко-красными, «вампирными» губами, превращавший ночь в день, а день в ночь, живший в комнате всегда темной, с опущенными шторами и свечами перед портретом Бодлера, а потом бюстом Данте, обладал темпераментом бешеного агитатора, создавал необычайные мифы, вымыслы, был творцом всяких пародий и изумительным мимом».

Может, в этом все и дело? И никакого там медиумизма?

Один из эллисовских приближенных, Андрей Белый, писал, что Эллис «умел из платка сделать парус, а из карачек — подпрыгивающую в волнах шхуну; надевши рогожу, он мог бы заставить нас верить, что это есть плащ».

Брюсова любил копировать, а как-то придумал остроумную пародию на некоего профессора Хвостова, на его несуществующую лекцию «о свободе воли». По роковому совпадению ни-

нако остроумием блистал: придумал название кружку чудаков-символистов — «Аргонавты». А Мейерхольда прозвал Нос на цыпочках.

В общем, не был в полном смысле слова ни ученым, ни поэтом. Из наших современников сравним, пожалуй, с Я.Могутиным — тот и писатель, и «американский культуролог», однако более известен «персональным перформансом жизни» — своей свадьбой с геим-иностранцем и пр.

Растяпа

По жизни Эллис был растяпой. И как-то раз «попался» в читальне Румянцевского музея за порчей книг — страницы вырезал. Как после выяснилось, виной тому была рассеянность — он экзemplяры перепутал, думал, что кромсает свой. Однако служители выследили его.

В то время был директором музея профессор И.Цветаев, и, дабы опорочить Эллиса, он делу дал серьезный ход.

И писала Марина о своем споре с отцом:

— *Погрешности прощать
прекрасно, да, но эту —
Нельзя: культура, честь,
порядочность... О, нет.
— Пусть скажут все. Я не судья
поэту,
И можно все простить за плачущий
сонет.*

Впоследствии, конечно, Эллис был оправдан, но у Цветаевых он перестал бывать. И очень долго страдал — олеветанный.

В этом маленькая разница между Эллисом и Я.Могутиным. Ибо последний свое воровство сознательно втискивал в «персональный перформанс».

Хотя, пожалуй, разница не в них — во временах.

Пожиратель дюшесов

Весь этот Эллис, духовный и интеллектуальный, был нанесен на весьма отвратительную физическую оболочку. Человек глубоко непрактичный, он ходил в старом, потертом и выгоревшем сюртуке, в таких же ветранах — в пальто и в котелке.

Его номер в мебелишках «Дон» к уюту не располагал. Дверь постоянно нараспашку, кто-то является, кто-то уходит. Сам Эллис приползал под утро, заваливался спать — пока кто-нибудь не припрется, не плюхнется на кровать и не станет будить этого странного человека, в тот момент напоминающего, скорее, труп — с бледным лицом, в морщинах и с опухшими глазами.

Впрочем, Эллис ни в каком уюте не нуждался — он не умывался даже, лишь кончик носа губкою потрет. Говорил, что боится воды.

чего о том не знающий профессор лет через семь и вправду выступил именно с этой лекцией, почти дословно повторив Эллисову пародию.

Вот было смеху-то.

Хулиган

Вообще говоря, Эллис был хулиган. Во всяком случае, он многим таковым казался. Ибо эпатаж был его нормой.

Однажды, дабы показать Андрею Белому, как он воспринимает фразу из беловской симфонии — «все конечно для севшего на пол», — сел прямо на улице под тумбу и начал корчить рожи, к удовольствию детишек и недоумению людей постарше.

В другой раз оскорбил на улице (у воза с капустой — достойное место) знакомую даму, громко заявив, что она вышла замуж за идиота. Дама Эллису — затрещину, он ей (все у того же воза) — снявши котелок, другую щеку. Дама тотчас же — в обморок, а Эллис — не лучше, в истерику.

Кажется, даже трогательный случай, описанный сентиментальным С.Дурылиным (как Эллис, оставив товарищей, бросился помогать неизвестному мужику вытаскивать воз из грязи), имеет своею причиной не Эллисову доброту, а ту же склонность к эпатажу — среди «товарищей» ведь не было так принято.

Эллис эпатировал самозабвенно, без малейшего привкуса самосохраниения. Как-то раз в каком-то чужом городе его побили — заступился за незнакомца. В другой раз оскорбил офицера — тот вызвал хулигана на дуэль, при этом офицерское

общество постановило, что в случае смерти или же ранения товарища каждый следующий снова вызывает Эллиса на дуэль, и так до самой смерти Эллиса.

Еле удалось уладить.

Даже в Бутырки однажды попал — но и там всех шокировал: устроил в камере пародии, верчения, рабочих заставил играть на гребенках — сам надзиратель попросился, чтобы его впустили поплясать в компании арестованных.

Ученый

Тем не менее считал себя ученым. Весьма хотел им быть. И еще в шестом классе привязывал себя к креслу, дабы не уснуть за чтением экономической литературы.

Возможно, сказывалась кровь — ведь он (простите за пикантную подробность) был незаконным сыном известного филолога и педагога, директора гимназии Льва Поливанова.

Однако с ученой карьерой не складывалось. В университете получил образование экономиста, затем переметнулся вдруг в поэзию, с ума по Бодлеру ходил, переводил его, и сам стихи писал.

Переводчиком считался, мягко говоря, посредственным. А об Эллисе-поэте жестоко писал Гумилев: «Может быть, о своем мистическом пути, подлинно пережитом и ценном, г.Эллис мог бы написать прекрасную книгу размышлений и описаний, но при чем здесь стихи, я не знаю».

Были среди увлечений Эллиса марксизм, символизм, антропософия — все не всерьез, все ненадолго. Од-

Питание Элвиса — тема отдельная. Обедать он, конечно, забывал — да денег просто не было. Зато где-нибудь в гостях увидит вазу с грушами — и моментально станет пожирать. Сначала неприятно поразит хозяев исчезновение тех фруктов, а после и сам Элвис. Ведь у него, голодного, с тех груш, посреди разговора о чем-нибудь слишком возвышенном делалось самое прозаическое расстройство желудка. И гости надолго лишались, во-первых, пикантнейшего собеседника, а во-вторых — уборной.

Лишь изредка кому-нибудь удавалось отнять у Элвиса гонорар и купить ему на эти деньги абонемент в столовую. Тогда лицо его из зеленого на время становилось белым.

В остальное же время Элвис довольствовался грушами, огромным количеством тошнотворного лимонада (спиртное — не жаловал) и крепчайшим, горячайшим кофе. При этом первые два стакана Элвис вы-

пивал совсем без сахара, в третий же вбухивал полсахарницы.

Пожиратель дюшесов — прозвал его Белый.

При всем при этом у Элвиса была привычка при разговоре приближаться лицом к собеседнику и брызгать слюной. Наверное, воняло изо рта.

И многим он был отвратителен.

Coda

Что же с ним случилось дальше, с этим оригинальнейшим явлением Серебряного века, с человеком, вызывающим невиданный диапазон различных мнений — от «чародея» и до «пожирателя дюшесов»?

Он вдруг исчез.

О нем говаривали разное.

— Поступивши в шантан, он нарушил контракт и ушел в монастырь!

— У него вырос хвостик!

— Сидит за убийство!

Но правда оказалась много неожиданнее слухов. Элвис в течение года

ходил по Москве в бесформенном пальто, напоминавшем монашеское одеяние, и питался пшенной кашей. Но мало кто придавал тому значение.

А незадолго до первой мировой войны он уехал в Германию и сделался... католическим священником.

И на том вдруг успокоился. И закончились его «пути исканий».

Он умер в 1953 году все в том же качестве. Умер стариком. Пережил Мережковского, Гиппиус, Брюсова, Белого, Блока... Тех, чьи собрания сочинений сегодня украшают наши полки.

Своих же сочинений почти что не оставил. А что оставил — качества не слишком-то высокого. Вроде бы — неудачник.

Но у меня такое ощущение, что всем «удачникам», всем гениям, с которыми он жил одновременно, — Лев Львович Кобылинский просто нос утёр.

Список фирм, опубликовавших свою рекламу в этом номере:

SUPRIMEX
STB CARD
SUBARU
KГK

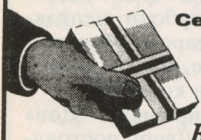
СОДБИЗНЕСБАНК
ОНИКС
МОНИТ
ГАЛАКТИК

ПЕРВАЯ ФИНАНСОВО-СТРОИТЕЛЬНАЯ
КОМПАНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОМПАНИЯ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОМПАНИЯ

Сегодня мы выплачиваем по ранее сделанным вкладам:

за 3 месяца - от 240 до 560% годовых
за 6 месяцев - от 440 до 880% годовых

Сегодня мы принимаем вклады на 5, 9 и 12 месяцев.

Минимальный вклад
200 000 рублей

Вместе с нашим векселем Вы получаете на руки именной страховой полис.

Прием целевых вкладов сроком на 9 месяцев с целью обеспечения клиентов новыми квартирами, построенными компанией.

Прием целевых вкладов на приобретение автомобилей.

Адрес: ст. м. "Парк культуры" (радиальная),
Коробейников пер., 1/2.

Часы работы: 10.00 - 19.00, суббота 10.00 - 17.00,
выходной - воскресенье.

ТЕЛЕФОН КОМПАНИИ: (095) 202-7182.

КГК

КГК

ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

Большой выбор, доставка, сборка, скидки

РАБОЧИЕ МЕСТА, КАБИНЕТЫ
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ, для
КРЕСЛА.КАНЦЕЛЯРИЯ. РУКОВОДИТЕЛЕЙ

ул.Делегатская, дом 7

ул.Делегатская, дом 3

☎ 973-90-57

☎ 925-12-62

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ!

Проводит молодой преподаватель, имеющий стаж работы и владеющий методикой обучения детей дошкольного и младшего возраста.

Тел. 291-91-08

Россия. Евфросиния. Серафима

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Долго не мог я подступиться к этому повествованию.

Его канва, поначалу столь ровная и связная, чем прочнее сжимал я ее в руках и чем ближе подносил к глазам, все чаще петляла и рвалась.

В чем была моя беда? только лишь в личной непричастности к событиям, так меня взволновавшим? и в том ли еще, что не судил мне Бог быть знакомым с покойной Евфросинией Керсновской и с инокиней Серафимой (Ловзанской)? или в том, что эти две судьбы слишком страшно подтверждали главную мою печаль последних лет?..

Пять действующих лиц в повествовании. С двумя, как уже сказано, повстречаться не судьба. Еще двоих — Павла Проценко и Игоря Чапковского — узнал я довольно близко через общих друзей. Остается пятый герой — и нужды встречаться с ним я не вижу. Не потому, что и без того что-то очень важное (по крайней мере для этой истории) знаю и понимаю, но потому, что не суть важно, как его зовут — иеромонах Дамаскин, или Владимир Орловский, или Патриарх Московский, или Михаил Поздняев, или он носит ваши имя и фамилию, любезный читатель. Нося свое собственное, единственное имя, он уже сыграл в этой истории роль, которую ежедневно, ежечасно играет на свой лад любой из нас. И мы все вместе. Будучи убежден в этом и мысленно прося прощения у вас, мой пятый персонаж, я наконец дерзаю начать.

Призвание

Нет, не обойтись еще без шестого героя.

Владыка Варнава (Беляев) был епископом Васильсурским, викарием Нижегородской епархии всего два года — но едва ли не стоящие двух веков: в самый разгар большевистского гонения на Церковь. С 1920-го по 1922-й. Дальше перед ним простиралось три пути: тюрьма и сума, союз с «обновленцами» и, позднее, с «сергианами» — то есть измена Православии, его духу и букве, и наконец — эмиграция. Он пошел четвертым путем: оставив архиерейскую кафедру, принял на себя подвиг юродства (представ отпавшему от Бога народу не то спятившим «лишенцем», не то городским сумасшедшим,

а втайне, подспудно, продолжая чистыми руками, душою и сердцем свершать Божественную Литургию). Сума и тюрьма, впрочем, также его не миновали.

И в лагерях и ссылках, и повсюду, где он жил на воле, ему сопутствовала целых полвека его духовная дочь, а затем келейница Вера Васильевна Ловзанская (в иночестве Серафима).

После кончины владыки она стала его душеприказчицей, вот уже тридцать лет сохраняя обширный его архив, расшифровывая и переписывая рукописи, имеющие право занять место вровень с творениями святых отцов.

«Владыка постоянно, ежечасно скорбел о положении в Церкви, — свидетельствует матушка Серафима, — об утрате ее иерархией и духовенством духа покаяния, не служил в современных храмах, (...) считал, что «сейчас время великой скорби для Церкви», и даже не разрешал дома зажигать лампаду перед иконой, полагая это духовным утешением, которого не должно быть во дни такой великой скорби. Про современное духовенство говорил, что это люди, которые «попристраивались» около Церкви. Про себя лично владыка говорил, что для него это были времена скорби и веры, имея которую можно было выжить. «Верую надо было жить, верую писать, верую прятать и хранить написанное, верую готовиться к изданию трудов...»

Бог утешил матушку Серафиму — она дожила до тех дней, когда великая скорбь, разделенная ею вместе с владыкой Варнавой, смягчилась возможностью публикации его рукописного наследия, сведений о его мученическом подвиге. В начале восьмидесятых в ее дом в Киеве пришел Павел Проценко — правозащитник и собиратель материалов и рассказов о новомучениках и исповедниках Церкви Христовой в России в XX столетии. Три года, как на работу, приезжал он к матушке и, подчас до рассвета, просиживал над материалами из архива епископа Варнавы.

В феврале 86-го Проценко был арестован сотрудниками КГБ в Москве и осужден как антисоветчик. Одним из пунктов обвинения в суде стала незавершенная им биография владыки Варнавы (Беляева)...

Жили-были в отечестве нашем в самое

затхлое, «застойное» время три молодых человека, почти мальчика. Игорь, Павел и Владимир. Я не знал о них в ту пору — только и сам, такой же мальчик, догадывался, верил, что нас много, просто мы рассеяны и запуганы, и что наш долг — искать друг дружку, объединяясь хоть по двое-трое для общего дела. И эти трое, и я с моими ближайшими друзьями тех лет слишком всерьез воспринимали слова Господа нашего: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф., 18; 20).

«В момент знакомства мы все сразу приободрились, — вспоминает сегодня Игорь Чапковский. — Нас всех вдохновляло острое видение правды. Мы верили, что сможем вместе сделать что-то важное для России, как это ни громко звучит. Володя учился в Литинституте, он уже написал одну книгу, писал вторую, а всего намечал написать три романа, которые, по его предположениям, должны были повлиять на жизнь в России. Для нас он был без пяти минут вторым Солженицыным. Павел глубоко интересовался историей, собрал книгу материалов о новомученике священнике Анатолии Жураковском, она вышла в ИМКА-Пресс при Черненке. Годом раньше, при Андропове, за участие в правозащитной деятельности имел предупреждение, был на грани ареста.

В общем, каждый из нас не прозябал в те годы, был лбом в стену. Но главное, что нас объединило, — общее желание как-то содействовать восстановлению духовной преемственности в России. Я участвовал в работе Фонда Солженицына, и после его разгрома оставшаяся у меня часть денег направлялась на наши экспедиции по сбору церковного предания — билеты на поезд, магнитофоны, кассеты и тому подобное. И мы смогли сделать очень многое. Начиная с бесед со старушками и кончая обнаружением могил святых подвижников советского времени — об этом сегодня еще не стоит говорить...

Сказать, что мы были самыми близкими людьми, значит ничего не сказать. Вот почему, когда Павла арестовали, мы считали самым первым и важным делом, кроме, понятно, борьбы и молитвы за его освобождение, добиться возвращения архива владыки Варнавы. Жена Павла сумела чудом этого добиться и передала архив на дальнейшее хранение, до освобождения Павла, Володе Орловскому...»

Редкая дружба выдерживает испытание временем. Горбачевское время — не исключение, но, быть может, особенно красноречивое подтверждение этой старой истины. Холодно в ту пору было по-прежнему лишь в тюрьме, а на воле — потеплело. Не став, увы, великим писателем, идейным вождем, Орловский задумался о поприще пастыря — Горбачев

все чаще улыбался и кивал в сторону церковных иерархов. В год тысячелетия Крещения Руси Володя Орловский, еще недавно именовавший путь Патриархии ересью, постригается в монахи и затем становится священником. Он не хотел постригаться, но имел каноническое препятствие для рукоположения: был женат на разведенной. Значит — монах. Монашество принимает и его жена, однако жить они продолжают вместе, воспитывая двоих маленьких детей.

При его постриге и рукоположении никто из друзей не присутствовал, о своем решении он никого из них не оповестил, придя к ним уже в сущем сане, предложив им себя в качестве духовного отца.

Параллельно он пишет многотомное жизнеописание «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия», используя оказавшийся в его руках архив владыки Варнавы и множество других материалов, собранных Проценко, Чапковским и еще несколькими соучастниками их «общего дела».

«В конце 89-го или в начале 90-го, — рассказывает Павел Проценко, — иеромонах Дамаскин (Орловский) передал нам первый том жизнеописаний, сделанный им по материалам нашего сбора. Он не хотел, чтобы мы читали эту книгу, настаивая на скорейшей передаче рукописи за границу — именно там он мыслил ее опубликовать. Мы настояли на своем праве прочтения текста и были страшно огорчены. Фактология искажена, важные эпизоды умолчаны, второстепенные — выпячены, весь материал нивелирован и подлакирован. Ни слова — о главнейшей для нашей Церкви в XX веке теме фарисейства, о декларации митрополита Сергия 1927 года и о ее последствиях в судьбах верующего народа и всего общества. Орловский приписал себе несколько чужих материалов, не снабдил рукопись сколько-нибудь научным аппаратом. Встретившись с ним, мы говорили ему об этой книге очень критично. Он нам ответил: «Ваше дело было собирать, мое дело — издать». Мы предложили ему тогда откопировать все тексты и разойтись полюбовно, разделив и материальные средства. Он отказался. Все последующие обращения к его руководству в Патриархии оказались бесплодными. Интересно, что, вопреки утверждениям Орловского, что он клирик Московской епархии (по другой версии — Ивановской), епархиальные архиереи сообщили нам, что Орловский у них в штате никогда не числился и не числится...»

От себя прибавлю: в ответ на письмо, подписанное в числе прочих также и мною, направленное ректору Православного Богословского Института в Москве протоиерею Владимиру Воробьеву, — иеромонах Дамаскин утверждает, что он преподаватель этого Института, —

о.Владимир сообщил: Орловский «не был и теперь не является официальным сотрудником, хотя и сотрудничает с нами». Поди уразумей, что под этим надо понимать!

Короче — как выразился в одной из наших бесед Проценко — «история неприличная, и книжка ненаучная». Книжка, кстати, уже два года назад изданная, и не в Америке, а в Твери, с благословения Патриарха...

Поприще

«Много званых, но мало избранных», — сказано в Евангелии.

Остановимся в нашей истории на минутку, чтобы задуматься: не тот ли самый и здесь случай?

Люди позваны были на тихий и скромный подвиг веры — но избранным, призванным довершить его годы спустя оказался лишь один; что же тут сетовать! Ведь не распылил он собранное по ветру — делает общим достоянием. И не проходимец какой-нибудь Орловский — священномонах, по воле Церкви, уж какая она у нас есть, поставленный пастырем. И не скрывается ли за обидой друзей его юности обычная зависть к тому, кто и одареннее, и энергичнее, и просто оказался в нужное время на нужном месте?

И, может быть, лишь с беглого взгляда в этой истории одна правда, и она — на стороне Проценко и Чапковского, а в действительности есть еще и другая, не всем очевидная, и эта другая правда — за Орловским?

Но тогда это уже не правда, а полуправда. И открывается она не только в вопросе о правах на публикацию, но и в том, например, что иеромонах Дамаскин свои «жизнеописания» опубликовал уже не только в Патриаршем издательстве, но и в журналах Зарубежной Церкви (враждебной к Патриархии) — не под своим истинным именем, мирским либо монашеским, но под псевдонимом или вовсе без подписи. И в том полуправда (не применю иного, более крутого определения), что, войдя в доверие к матушке Серафиме, Орловский не ограничился присвоением сбереженных ею рукописей епископа Варнавы, но и еще кое-что получил из ее рук — и прежде всего антиминс, великую святыню, плат, в который вшиты частицы мощей угодников Божиих. Этот антиминс владыка завещал передать поистине достойному священнику новой России; Орловский умолил старушку дать ему антиминс, без которого невозможно служить Литургию, только на один день, по причине крайней необходимости, да и то не от своего имени, а якобы по просьбе тяжело больного Павла, — и, что называется, «забыл вернуть». А потом присылал в Киев гонцов с рассказами о неправедном гонении, устроенном на него Проценко.

«Как все это тяжело! — восклицает матушка в письме к Павлу. — Иногда найдет

такое уныние и печаль, что целыми часами думаешь об этом... Видя все, что происходит, о чем я могу молиться?.. Как правильно поступать, чтобы все было по воле Божьей? Вот вы ездили в Иваново к о.Амвросию и еп.Амвросию (к духовнику Орловского и правящему архиерею Ивановской епархии. — М.П.). О каком Церковном суде с ними можно говорить? Кто для них владыка? Тихоновский архиерей, не признававший до последних дней своей жизни сергианскую Церковь и порвавший с ней... Вот слова о.Дамаскина: «Моя совесть перед владыкой не позволяет мне отдать рукописи. Мне много приходится терпеть, что не отдаю, но с моей стороны это будет малодушие, если я уступлю. Там уже все сделано, там нечего вам делать, остается только издавать, и я в ближайшее время постараюсь это издать». Как все это понять?!»

Шесть лет не возвращал Орловский инокине Серафиме архив. Когда же наконец вернул, по словам матушки, «очень странным и некорректным образом», обнаружилось, что возвращено не все.

Старая женщина, чего только не видевшая, чего только не вкусившая на своем веку, уже и к концу подходящему, — и человек, годящийся ей во внуки и пытающийся доказать ей, что его совесть перед памятью владыки Варнавы более чиста и более ответственна. На чьей стороне правда? Или и тут — будем упорствовать — не одна, а две правды?

Давайте отринем земные, мирские мерила. Инок — значит «иной», монах (от греческого «монос») — «одинокий». Сколько раз в житиях святых предлагаются нам для поучения и назидания рассказы о встрече двух монахов в безлюдной пустыне. Сколько радости, благоговения и любви в этих встречах! С какой детской доверчивостью, с каким смирением просят пустынники благословения друг у друга, как умильно кланяются они до земли друг другу! И расстаются — ликуя и славя Бога за это чудо встречи.

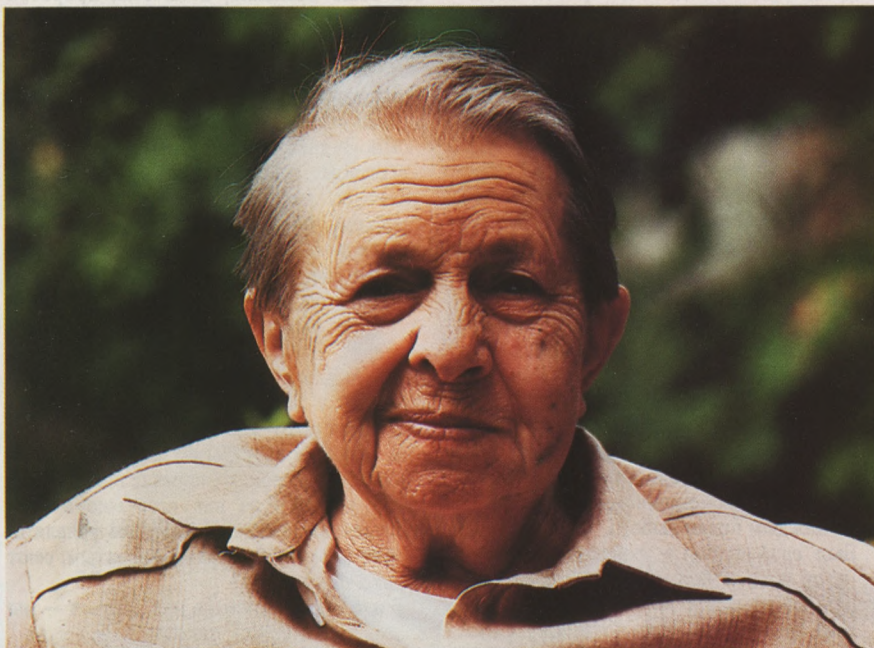
И какой страшной оказалась встреча инокини Серафимы и иеромонаха Дамаскина...

Подвиг иночества, монашества зиждется на послушании и исключает своеволие. Этот подвиг у нас в России в XX веке имеет особое значение: своеволие и самонадеянность изъели нас почти дотла.

Сверстница инокини Серафимы Евфросиния Антоновна Керсновская, скончавшаяся минувшей зимой в Ессентуках, называла жизненное поприще свое «Великим Постригом». «Когда в 1940 году Бессарабия, где она жила с матерью, была оккупирована советскими войсками, ей было

Инокhinя Серафима (Ловзанская)

Е.А. Керсновская

немногим более 30 лет, — рассказывает в статье на помин души Керсновской в «Московских новостях» журналист Владимир Вигилянский. — Евфросинии Антоновне трижды предлагали избежать высылки, и каждый раз она отказывалась идти против судьбы. «Великий Постриг» для автора — метафора. Но жизнь сама превратила этот образ в реальность. Она прожила все свои 86 лет как настоящая монахиня — в безбрачии, нестяжании и послушании воле Божьей, неся в миру эти три монашеских обета. В одном из интервью Керсновская высказала весьма простую и, может быть, даже ба-

нальную мысль. Речь зашла о душе. Ее спросили: а какая должна быть душа? Евфросиния Антоновна ответила: честная и бесстрашная. Система нравственных законов, по которым она жила, заставляла ее совершать безрассудные с точки зрения здравого смысла поступки. (...) Казалось бы, спасая себя или другого человека от смерти, в некоторых случаях можно и солгать, но для Керсновской «лжи во спасение» не существует...»

Именно честностью и бесстрашием, а не каким-то исключительным дарованием писателя и художника была рождена «Наскальная живопись» Е.А. Керсновской, венец ее трудного земного поп-

рища, книга, ставшая в конце 80-х в общественном сознании в один ряд с книгами Солженицына и Шаламова: полторы тысячи страниц текста, 700 цветных рисунков.

Усилиями Вигилянского и Чапковского об этой книге узнали вначале читатели «Огонька» и «Знамени», потом вышел в России и Германии роскошный альбом, до сих пор имеющий успех на букинистических развалах. Керсновская не дождалась до самого обширного издания ее летописи — французского. Но в полном объеме труд ее последних лет недоступен читателям не только из-за «полного разлада нашего издательского дела», как отмечает Вигилянский в своей статье-некрологе.

Наследником Керсновской и защитником ее авторских прав официально является Игорь Моисеевич Чапковский. У него хранятся два варианта «Наскальной живописи» и разрозненные материалы к ним. Но существует еще и третий вариант книги — уместнее говорить даже не о вариантах, а о самостоятельных рукописях.

Эту третью рукопись Евфросиния Антоновна передала когда-то Владимиру Орловскому. С тех пор ни она, ни кто другой ее не видел. Орловский теперь уверяет, что уже давно отдал рукопись кому-то. А кому — и сам не помнит...

Еще до своей женитьбы он жил по соседству и вел близкое знакомство с Милицей Ивановной Толмачевой, троцкисткой, много лет проведенной в лагерях. Однажды она попросила Володю прочесть ее мемуары, довольно слабые. Строгая оценка Орловского не обидела и не удивила Милицу Ивановну, она и сама была о своих записках того же мнения... «Зато вот у Фроси!» — «У какой Фроси?» — «У Керсновской, Евфросинии Антоновны, моей знакомой по лагерю... Вот у нее есть такая книга, что вы даже не представляете!»

Так в середине 70-х судьба послала Фросе (ее младшие друзья до сих пор только так и называют, и в этом нет тени панибратства) Орловских — людей, готовых помочь ей сохранить и, может, издать когда-нибудь ее книгу. Десять лет меж ними сохранялись отношения доверительные и сердечные. А потом — трещина.

Что тому виной — возраст и тяжелые болезни Евфросинии Антоновны или активное воцерковление Орловских, которого Фрося не понимала и почитала за лицемерие? Думаю, ни у кого нет права отвечать на эти вопросы: Керсновской нет в живых, а Орловские до этого момента много ей помогали. Но есть два свидетельства, относящиеся именно к юбилейному 1988-му, когда Володя и Наташа стали иеромонахом Дамаскиным и инокиней Ниной, а Керсновскую свалил инсульт. В одном из писем Евфросинии Антоновны говорится о настоячивых требованиях Наташи срочно прислать им 1500 рублей, поскольку Володя берется за издание «Наскальной живописи».

Одновременно Орловский через жену просил Фросю «подарить» ему несколько глав для его романа. И в первой, и во второй просьбе Фрося Орловским отказала.

«С Наташей я, как говорится, «побила горшки». Она когда-то была хорошей девчонкой, — писала Керсновская в то лето, — но затем совсем помешалась, все бросила и погрузилась в молитвы. Даже со своим сыном на этой почве разругалась... У меня есть 2 сберкнижки. Обе завещаны... Ну а 1000 или 1500 — это «мой резерв», и я не тороплюсь пересылать его Наташе. Тем более, что я не так уже уверена в ней! Все было хорошо... пока она не прислала очень «рычащее» письмо! И как-то так получилось, что я ей не совсем поверила...»

О вере и доверии в этом письме — что кажется мне очень важным для понимания творившегося тогда в душе Евфросинии Антоновны! — говорится еще дважды: «Не слишком я доверяю «перестройке» нашего «генсека». Мне, например, вовсе не ясно, куда он клонит... «Реформа» висит, как... козюлка на носу, и для нас это — не так уж трудно, провести еще одну «реформу». А кто на ней выиграет, а кто потеряет? Могу лишь сказать — почти наверняка, — что мы, старики, не выиграем!» И еще, чуть ниже: «Вообще кому теперь можно верить? Я же помню, как в начале войны из Сибири везли тех поляков, которые ехали через Персию в Англию, чтобы воевать с Гитлером. Я их видела! А кто их потом видел? Вообще поляки умели исчезать... И не в одном Катынском лесу!..»

Вот в такие дни, в таком состоянии — «пусть это еще не смерть, но это — уже не жизнь... если бы я жила в глухом лесу, то было бы проще и понятней» — Орловские расстались с Фросей. После инсульта Нина (Наталья) ухаживала за Керсновской, потом попросила Чапковских, уже близко знакомых с Евфросинией Антоновной, прислать в подмогу их старшую дочку, пятнадцатилетнюю Дашу, а вскоре уехала из Ессентуков, не сказав куда и насколько, оставив девочку с больной старухой. Бросив школу, отринув все радости детства, Даша вытягивала Керсновскую с того света. Они обе страдали, обе очень часто доходили до раздражения и обиды друг на друга; но Даша не бросила Фросю до конца — когда сама Евфросиния Антоновна уже считала себя членом семьи Чапковских, когда Игорю переданы были все ее авторские права и когда память об Орловских угасла — вскоре после того, как в Ессентуки приехала общая с ними знакомая и передала отеческий наказ «батьюшки»: «Не доверяйте Игорю. Он ведь еврей...», — со старухой случился припадок, ее рвало. Это посещение она расценила как провокацию — для старой лагерницы слишком ответственная оценка.

Наверное, и Орловские тяжело переживали размолвку, но в тот момент дове-

рие Керсновской и дружба с ней стали для них «пройденным этапом» — как и дружба с Игорем и Павлом, как и знакомство, в свое время, с Милицей Ивановной Толмачевой, чьим единственным заботливым другом в последние годы жизни был Игорь Чапковский.

Она умерла у него на руках...

Выбор

Что я хотел бы всем этим сказать? Почему я воспринял историю, свидетелем которой не был, как личную скорбь?

Моей маме недавно минуло семьдесят три. В отличие от многих сверстниц своих она, атеистка, не побежала с резвостью пятиклассницы в Храм Божий, открытый в бывшем Красном уголке новой властью, — и до сих пор, мне кажется, с недоверием относится к тому, что мы с братом молимся перед обедом, а старший ее внук — вообще стал священником. Наверное, это ее недоверие — оттого, что мы, дети и внуки, встречаемся все вместе в родительском доме обычно лишь два раза в год: на дни рождения мамы и отца.

Вот и на этот раз мы были вместе. И говорили о своей любви к родителям и о том, что все лучшее в нас — от них. А в конце застолья мама сказала: «Дети, будьте всегда такими, как сегодня. Держитесь друг друга. Помните, о чем сегодня говорили. Будьте достойны этих слов. Это ведь так просто — вам всем жить в любви. И ничего вам не будет страшно, и все сможете одолеть...»

Мама не сказала, что это слова Христа. Она говорила от себя, своим сердцем. Но слова эти прозвучали как напоминание о грехе против Бога, совершаемом нами всечасно.

Бог открывает перед нами пути — и мы сами избираем тот, которым идти дальше. Бог не сбивает нас с него и не дергает за нитки, как марионеток. Он оставляет за каждым право выбора.

Был свой выбор у епископа Варнавы — и он лжи и благополучию предпочел поругание и посмеяние от «мира сего».

Был свой выбор у инокини Серафимы — и она пошла за владыкой, и все годы, что его нет, идет тем же путем.

Был свой выбор у Евфросинии Керсновской — и она предпочла ссылку и каторгу бегству в Румынию (куда уехала ее мать) или во Францию (где оказался ее брат).

Был свой выбор у Игоря, Павла и Владимира. Игорь и Павел до сих пор говорят о пути, на который наставил их Господь двадцать лет назад, как об общем для всех них поприще.

«У меня нет к Орловскому неприязни, — признается Игорь. — Семнадцать лет мы были вместе. Но все, что случилось, для меня такой удар, такое же испытание на прочность, каким было когда-то падение моего первого духовника Дмитрия Дудко. Хочется закрыть глаза, не веря

всему этому. Открываю — и какая-то тьма клубится...»

Помните, я говорил вам, как мы радовались, встретив друг друга, увидев впереди общую цель. И вот оказалось, что мы были недостойны этой общей цели, общего дела... Я боюсь, что до конца жизни каждый день буду терзаться вопросом: почему так случилось?»

Павел слушает внимательно-внимательно, а потом добавляет:

«Мы ведь в самые трудные годы устояли, а сломались — когда наконец свет забрезжил. Ведь это не случайно, что с приходом гласности первым словом и громче всех других прозвучало покаяние. Сразу открылось в прошлом столько зла, что нам надо было приложить вдвое больше сил и пролить вдвое больше слез, чтобы у нас что-то получилось. Но в то время легче и скорее, да и приятнее, было стать прорабом, а не чернорабочим... Сразу появилось столько прорабов, даже не задумывавшихся, что с них первый спрос. И Володю, мне кажется, это тоже повлекло, и он стал прорабом по строительству гробницы, о которой в Евангелии сказано — помните? — горе вам, говорит Христос, строители богато украшенных гробниц пророков, убитых руками ваших отцов...»

Много дней и недель подступая к этому печальному рассказу, я старался не оглядываться на политическое ристалище: слишком обыденная, житейская история, вечная как мир... при чем тут политика? Но едва ловил краем уха, что вот и еще раз сошлись двое или трое (или несколько тысяч) во имя Отца Небесного, Матери Родины и Высшей Правды, прищурился на экран телевизора — и понимал: у этих тоже ничего не получится. Верить-то они собственным клятвам, может, и верят — но друг другу и нам с вами не доверяют, справедливо считая, что у каждого из них есть еще и своя собственная правда. К чему же удивляться, что все они, божась всем святым, сеют только зло и смуту?

Бог с ними. Зачем на них злиться — мы и сами друг с другом таковы.

Детей жалко. И перед стариками стыдно. Промотав отцовское наследство — что имеем потомству передать?..

Писал — и, чтобы не порвать канву, бормотал про себя отчего-то не Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!», а старые стихи Александра Межирова про смерть няни, маленькой и убогой, но крепкой духом:

Ну так бей крылом, беда,

По моей веселой жизни

И на ней ясной отгисни

Образ няни навсегда.

Родина моя. Россия.

Няня Дуня. Евдокья.

Удивительно: до чего же имена наших старух созвучны имени нашей отчизны. ■

RENAULT

Сегодня можно уже с полной уверенностью сказать, что грузовые автомобили известной во всем мире французской фирмы РЕНО ВИ подтвердили необходимость своего присутствия на рынке СНГ и стран Прибалтики.

Многие транспортные компании убедились в процессе эксплуатации и испытаний различных автомобилей РЕНО, что они вполне пригодны для работы на наших дорогах и в наших климатических условиях, а по некоторым показателям превосходят своих ближайших конкурентов.

Приобретая автомобили РЕНО, вы становитесь нашими друзьями-партнерами.

ГАММА АВТОМОБИЛЕЙ, ОТВЕЧАЮЩАЯ ВСЕМ ТРЕБОВАНИЯМ

MIDLINER

Полный вес
автомобиля
в тоннах

7,5

15,7

Полный вес
автопоезда
в тоннах

12

33,8

Мощность
двигателя
в л. с.

120

150

175

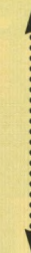
205

226

MANAGER

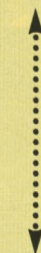

16

26

26

44

205

226

265

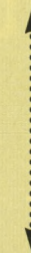
302

338

MAJOR

18

35,5

40

180

338

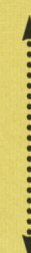
385

415

MAGNUM

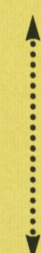

18

26

40

80

385

415

530

СТОЛИЦА

СТОЛИЦА

«...Искандер
говитель!»
с.56

“СТОЛИЦА” всегда в центре самых интересных событий, фактов, судеб.

Каждую неделю
мы приходим к вам.
Так было 200 раз.
И так будет!

Существует расхожее мнение, что японские автомобили не вполне пригодны для эксплуатации в условиях российского бездорожья. Но ведь часто о достижениях японской автомобильной промышленности судят по тому металлу, который завозится через наши дальневосточные порты. Сейчас в России только формируется цивилизованный рынок японских автомобилей, и автомобильная компания SUBARU, входящая в крупнейший концерн FUJI HEAVY INDUSTRIES (FHI), стала одной из тех, кто начал его успешное освоение. Этот концерн — один из ведущих в мире в области производства и разработки транспортных средств и оборудования. Помимо автомобилей FHI производит самолеты и вертолеты, автобусы и поезда, оборудование для транспорта и промышленного машиностроения.

В 1978 году был выпущен первый полноприводный легковой автомобиль «Subaru». Мировая тенденция перехода от заднеприводных к передне-, а затем и к полноприводным автомобилям обуславливается не только требованиями повышенной проходимости, но и повышенной безопаснос-

IMPREZA

С «полным приводом» по российским дорогам!

ти автомобилей. Полный привод делает машину хорошо управляемой даже в условиях плохих дорог и бездорожья, на горных и заснеженных трассах. Достоинством «Subaru» является и то, что она с самого начала проектировалась как полноприводный автомобиль и для него специально был разработан «оппозитный» двигатель. Выгодно отличается «Subaru» и двустороннее легирование кузова, повышающее сопротивляемость машины к окружающей среде, а также более жесткая

подвеска, имеющая больший рабочий ход. Это позволяет полноприводным «Subaru» прекрасно чувствовать себя как на российских дорогах, так и на бездорожье.

Благодаря применению оригинальных идей японцам удалось сделать полноприводный автомобиль массовым и не слишком дорогим. Так, стандартная комплектация «Subaru», при той же цене, соответствует комплектации «люкс» для многих автомобилей популярных в России европейских марок.

По мнению японцев, полноприводные автомобили «Subaru» прошли все необходимые испытания в суровых климатических и дорожных условиях России и могут с успехом конкурировать на российском рынке с такими известными автомобилями, как «Mercedes», «BMW» и «Volvo».

Глава московского бюро японской национальной вещательной компании NHK Казуо Кобаяши считает, что «в таком месте, как Москва, надежная «Subaru» — лучший друг. Благодаря моей «Subaru 4WD» я могу преодолевать снежные барьеры на автостоянках и утром следующего дня выбираться через снежные горы».

На завершившемся в конце августа московском «Мотор-шоу—94» представители SUBARU высказали большие надежды, которые они связывают с работой на российском рынке. Сюда поставляются специально оборудованные для наших условий машины. Японские специалисты выразили уверенность в том, что «солнце, приходящее для россиян из Японии, будет ярко освещать путь автомобилям «Subaru» на российских дорогах!».

Вадим КАНТОР

Публикуется на правах рекламы

Коммерческий банк содействия бизнесу «СОДБИЗНЕСБАНК»

УЧАСТНИК ПРЯМЫХ РАСЧЕТОВ — МФО 997599 код Т 5

Осуществляет бесплатно:

- безналичные расчеты;
- открытие счетов;
- выдачу наличности на заработную плату и хозяйственные нужды

Банк предлагает новые виды услуг в рублях и валюте:

- перевод платежных поручений, получение выписок, не выходя из офисов, через модемную связь.

«КЛИЕНТ БАНК»:

- банковские векселя под выгодный процент;
- кредитные карточки со всем спектром услуг клиентам банка «STB card»;
- инкассация наличности клиентов.

Банк имеет ряд удобно расположенных отделений:

м.«Октябрьская», тел. 238-88-14,
м.«Таганская», тел. 272-39-29,
м.«Рязанский проспект», тел. 174-86-79,

м.«Новослободская», тел. 289-21-50,
м.«Красные Ворота», тел. 971-57-86,
м.«Улица 1905 года», тел. 255-63-65

ДИЗАЙН ЕВГЕНИЯ ГАБРИЕЛОВА

Победит ли Америку Ваня-Молоток?

— Все знают, что Александр Курляндский — один из создателей «Ну, погоди!». А чем еще вы славны, народ не знает.

— Что ж, придется про себя рассказать, раз народ не знает... своих героев. Начинать я с Аркадием Хайтом. Тогда возникла целая обойма молодых юмористов — Арканов, Горин, Розовский, Славкин, Камов, Успенский и мы с Хайтом. Заполняли 16-ю страницу «Литгазеты», потом открыли «Веселые пятницы» в «Неделе», выпускали юмористические книжки и писали для эстрады. Эстрада давала какой-то хлеб, а нам ведь надо было на жизнь зарабатывать — мы из инженеров вышли, из врачей... По-моему, самым последним, кто порвал с инженерией, был Эдик Успенский. Он успешно писал для эстрады, но продолжал работать на заводе над какими-то секретными приборами... А Феликс Камов, который тоже работал на секретном заводе, когда оказался в Израиле во время войны, совершенно не боялся ракет — эти арабские ракеты были нашего производства, он их делал и знал, что они либо не долетят, либо перелетят, либо не взорвутся. Но это было значительно позже. А тогда Феликс Камов ушел с завода и пошел работать в «Фитиль» редактором. И для нас всех началась эпоха «Фитиля». Потом Успенский стал писать «Чебурашку» и делать мультфильмы. Он и притащил нас на студию «Союзмультфильм», с чего,

собственно, все и началось... в смысле моей популярности среди широких слоев населения. Хотя кроме «Ну, погоди!» у меня есть еще штук двадцать мультфильмов, среди которых наиболее популярный — «Возвращение блудного попугая». А сейчас мы с Валей Караевым придумали новую серию, где наш попугай будет возвращаться из Нью-Йорка, куда он летал получать наследство... Кроме этого, у меня вон лежат пьесы, написанные мной и в соавторстве. Одна из моих комедий очень хо-

Александр Курляндский

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

рошо пошла — называется «Четверо с одним чемоданом». Еще у меня есть несколько художественных фильмов, повести, рассказы... Сейчас с Успенским пишем повесть...

— Да, знаю. Отрывок из этой повести публиковался в нашем журнале. А какое участие в этом принимает Каспаров?

— Его интересуют взаимоотношения человеческого интеллекта с интеллектом компьютерным, с механическим разумом. Он так же, как и мы, считает, что тотальная компьютеризация ведет к оглушению людей (мы в детстве знали таблицу умножения, а сегодня многие школьники ее не знают, потому что достаточно нажать на кнопки, и она выскакивает). Опасность компьютеризации — это общая идея, а частная — победит ли компьютер человека в шахматах.

— А почему вас так взволновала эта идея? Вы ведь живете не в Америке, а в стране, где компьютеризация в зачаточном состоянии?

— Отвечаю. Мы, конечно, пока отстаем от Америки, но как-то довольно быстро к ней приближаемся. Не по экономике, к сожалению, а по недостаткам. Я думаю, если мы и дальше будем так развиваться, то лет через пять—десять будем вполне американизированной страной.

— А что вам не нравится? Мы же все так хотим в счастливое капиталистическое завтра...

— Ну, во-первых, мы не все так хотим...

— Но если бы всё, что вы сделали в жизни, вы сделали не здесь, а в Америке, вы были бы, я думаю, много богаче. Какова форма авторских гонимых в Америке?

— Дело в том, что там мультфильм является не конечной продукцией, а как бы промежуточной. Это только способ заинтересовать солидные фирмы, потому что если персонаж начинает пользоваться успехом, это уже не миллионы даже, а миллиарды: основные деньги дают майки, куклы, игрушки с изображением популярного персонажа. И фирмы платят за его использование гигантские деньги. Так что мультфильм часто рассматривается как рекламная продукция. Поэтому там не существует понятия одного фильма. Там с тобой будут разговаривать, только если у тебя серия. Минимум шесть серий — это для начала разговора... Потом тринадцать и до бесконечности. Тогда серьезные фирмы обращают на тебя внимание. И если такая суперфирма почувствует суперуспех, а значит, суперприбыль, она может откупить все на корню — получай свои миллионы и уходи. Не мешай. Такая схема.

В Америке переизбыток всего, в

том числе и мультипликации — она гремит с каждого экрана. И почти вся довольно среднего качества. Я говорю не про авторское анимационное кино, которое там тоже есть, а про коммерческую мультипликацию, поставленную на поток.

— Расскажите о вашей последней поездке в Америку.

— Да, думаю это будет интересно, потому что этого никто, кроме нас, не видел.

Мы повезли свой последний фильм «Новые русские» на лицензинг-шоу, которое проходит каждый год в «Хилтоне» — самом большом отеле Нью-Йорка. Вообще-то «хилтонов» там много. Но этот — самый «хилтоновский» из всех. Самый центр. Первый этаж, второй, третий и половина четвертого заняты лицензинг-шоу, которое длится три-четыре дня. Это зрелище совершенно потрясающее. Участвуют разные фирмы, которые торгуют кинопродукцией, персонажами, методами раскрашивания... Это ярмарка киноидей и вещей, свя-

занных с этими идеями...

Каждая фирма снимает небольшой боксик и рекламирует свою продукцию. Чисто по-американски — тут и леденцы, и пивом бесплатно угощают, и громадные куклы ходят, и музыка гремит, и телевизоры в Человеческий рост... В боксиках — хорошенькие девушки — чтобы привлечь, остановить, они смотрят так завлекательно, улыбаются, короче, готовы на все — ловят потенциальных покупателей своих идей, как рыбу... Как только клюнуло — они тут же что-то дарят, чем-то угощают, и начинается разговор... И вот во всем этом шуме, громе, грохоте музыки, конфетах, пиве, возгласах, встречах, подписаниях контрактов — мы. Единственная там российская студия. Скромные. Купили боксик 2x3 метра за пять тысяч долларов, поставили «видюшник» и стали на нем non-stop крутить свои фильмы. Конечно, мы не могли сравниться с «Парамаунтом», с их искусственным водопадом, под которым стоял зюлик и руководитель делегации заклю-

Тамми-Гамми

Ваня-Молоток

Питер Дак

чал контракты... В самом центре были фирмы «Элвис Пресли» и «Дисней», «Барби» — с гигантскими куклами, паровозиками, настоящими машинами... Нам все это было недоступно, так что наш боксик оказался на окраине выставки. У нас была как бы «однокомнатная в Чертанове на первом этаже»... Но мы уже были в положении рыбака — сидим и ждем, когда кто-то клюнет...

— Если «клюнет» и Америка купит ваш фильм, мы здесь его никогда не увидим?

— Ну почему? Думаю, они просто нам его подарят — их сильно интересует наш рынок. То есть, как ни странно, они даже заинтересованы в показах своих фильмов здесь, а некоторые даже готовы за это платить. Им нужно, чтобы люди узнали и полюбили их персонажи.

— Похоже, в Америке мультипликационные персонажи живут, как артисты эстрады...

— Да, примерно так. Как артисты, как политические деятели, как президент — люди, на которых приходит мода. Потом к ним привыкают, они надоедают и сходят со сцены...

— А как вообще возникают мультфильмы? Как вы придумываете персонажи?

— Я расскажу об этом на примере нашего последнего фильма «Новые русские». Некая фабрика игрушек решила работать по западной схеме — создать мультфильм, сделать популярными персонажи, а потом выбросить на рынок соответствующие игрушки. Они обратились к нам. Я подумал, что раз персонаж новый, почему бы ему не возникнуть на глазах зрителя — то ли в мастерской художника, то ли на игрушечной фабрике... Но он должен создаваться для чего-то... Для чего?.. Например, в городе происходит какой-то потрясающе интересный праздник игрушек. И все игрушки — от Матрешек до Барби — прибывают на этот праздник. А наш герой стоит в мастерской художника, с одним глазом, еще не раскрашенный. Он очень хочет пойти на праздник и начинает сам себя доделывать... В итоге у него глаза оказываются разноцветными и по характеру он какой-то... недоделанный... Он из резины, точнее, из пластилина, мягкий, прыгучий... Назвали мы его Тамми-Гамми. Тамми — это по-английски Томми. А Гамми — «резиновый». Имена всех персонажей придумывались сначала по-английски — мы торопились закончить фильм к лицензинг-шоу. ...И, значит, Тамми выглядывает из окна — страшно, но он прыгает. Очень хочется на праздник. И попадает в совковый двор. Мусорный бак... Быт,

знакомый каждому... И — кто там может оказаться?

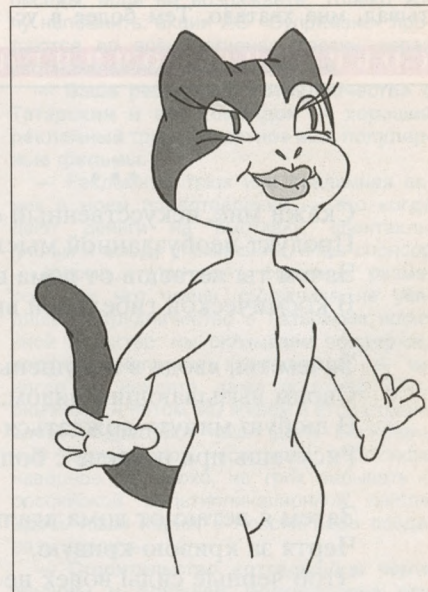
— Кошка?

— Правильно. Видите, как все просто. Но это не просто кошка... Я стал думать — какая она по характеру? Если он такой никудышный неумеха... Такой Чаплин немножко... Значит, чтобы была интересная пара, кошка должна быть совсем другой... И получился такой секс-символ двора. Роскошная кошечка. Самая красивая в этом дворе, может быть, даже в городе... Такая кошечка-женщина, очень кокетливая. Такая Кити-Катя. А как с ней познакомиться? Когда Томми выпрыгнул из окна, он шлепнулся на пакет с молоком. Молоко брызнуло, и капля попала на кошечку. И тогда она обратила внимание на нашего героя. Но не как на героя, а как на источник этого молока. Он-то подумал, что Катя к нему идет, а она шла к молочному пакету. Она долизала молоко и пошла обратно. И наш герой понял, что она его не любит... Пора возникать следующему герою... Для этого должен быть какой-то конфликт. Надо его завязать... Кошечка подпрыгнула, взвизгнув от боли, — кто-то выстрелил в нее из рогатки. Так появился наш главный отрицательный персонаж — Майкл Мэтл. Мы долго искали ему имя, а потом решили назвать его так, как он сам себя называет. Ему нравится американизированная культура. Он рокер, у него мотоцикл, всякие гремящие примочки... В общем, Тамми-Гамми нейтрализовал Майкла, и они с Катей пошли на праздник через весь этот совковый пейзаж. Вдруг открывается люк, и оттуда высовывается еще один герой — в каске, это — Ваня-Молоток. Он шахтер. Больше всего любит свою шахту, свой отбойный молоток, свой, пусть небольшой, но заработок. Он присоединяется к Тамми и Кате, и втроем они пробираются на праздник. Вдруг налетают летучие мыши, а вместе с ними вот такой птеродактиль. Он грустный, потому что все его родные и близкие давно умерли, и он живет среди летучих мышей, которые напоминают ему детство, но в решающую минуту, когда начинается битва, он вспоминает, что, если бы не его давно вымершие предки, не было бы сегодняшних птиц, самолетов — всяких «Буранов» и «Шаттлов». И он расправляет крылья и вступает в бой в небе, защищая наших героев... Вот так, примерно, придумываются мультфильмы. А нарисовал наших героев замечательный художник — С.Тюнин.

— Но вы теперь не только писатель, но и один из руководителей «Студии 13». Как это вам удалось за-

Майкл Мэтл

Кити-Катя

вести свою студию?

— Возникла идея. А почему бы не попробовать? Создаются же разные фирмы, акционерные общества... так вот и появилась студия. Я являюсь художественным руководителем. Наш главный режиссер — Владимир Тарасов. Если будете писать, напишите, пожалуйста, что он большой режиссер в прямом и переносном смысле — он весит сто двадцать килограммов, и у него масса фестивальных фильмов, наград, и он заслуженный деятель искусств России. Третий человек — генеральный директор Александр Лебедев. Он моложе нас, ему 36 лет, очень талантливый во многих областях, особенно в области коммерции. Четвертый

партнер — Игорь Десятников — очень мощный предприниматель. Был у нас компаньон — Петр Бабаханян. Но, к моему глубокому сожалению, наши пути разошлись. Мы поделили права и обязанности соответственно склонностям каждого.

— **Права-то вы поделили, а деньги где взяли?**

— Коммерческая тайна.

— **Может, приоткроете ее?**

— Последний наш фильм спонсировал Аэрофлот.

— **В Аэрофлоте все настолько в порядке, что они могут себе позволить спонсировать фильмы?..**

— Ну, это не такие большие деньги по сравнению с тем, сколько стоит один самолет.

— **После перестройки вам работать стало лучше или хуже?**

— Тогда, наверное, жил спокойнее. Я никогда не занимался политикой. Писал рассказы, пьесы, придумывал мультфильмы... Того, что зарабатывал, мне хватало. Тем более в ус-

ловиях той жизни, довольно ограниченной по потенциальным возможностям. Сейчас меньше сижу за машинкой, а больше приходится заниматься добыванием денег, бегать, искать связи, суетиться... Не могу сказать, что я это люблю. Я бы с большим удовольствием сидел, придумывал, печатал.

Спросите, каковы мои творческие планы.

— **Каковы ваши творческие планы?**

— Сейчас пишу одну вещь, которая мне очень нравится, но пишу ее, в силу нашей суетной жизни, урывками. Это история о том, как в одной деревушке, расположенной от Чернобыля очень далеко, в силу странного стечения обстоятельств (во-первых, жители накануне пили краснодарский портвейн, во-вторых, чернобыльский взрыв повлиял на состояние атмосферы) все мутировали. Но мутация произошла веселая — в них проснулись свойства, таланты, о

которых они и не подозревали. Особенно сильно мутировали спившиеся люди, алкоголики. Один начал выдавать какие-то гениальные научные идеи, другой стал живописцем... Это такой шагаловский мир, в нем происходят потрясающие события, о которых вы все и узнаете со временем. Может быть.

— **Скажите, ожидаются ли новые серии «Ну, погоди!»?**

— Мы недавно закончили 17-ю и 18-ю серии. Знаете, для меня удивителен успех этого фильма. Я сам всегда с иронией относился к нему, считая, что это не самое высокое, что я создал в своей жизни, не самое интересное и отнюдь не исчерпывает моих возможностей. Но время идет, и каждое новое поколение находит в этом фильме свой интерес. Так что я с годами переменял мнение — раз всем нравится, значит, что-то в нем есть такое... А вы как считаете?

Наталья ЛОГИНОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Скажи мне, искусственный спутник Земли,
Продукт необузданной мысли,
Зачем ты летаешь от дома вдали,
В космической гибельной выси?

Зачем ты, вводя в искушение Творца
Своим вызывающим видом,
В любую минуту дождаться конца
Рискуешь при встрече с болидом?

Затем я летаю от дома вдали,
Чертя за кривою кривую,
Чтоб черные силы вовек не смогли
Войну развязать мировую.

Чтоб мать в колыбели качала дитя,
Не ведая грусти-печали,
Чтоб девы, венки из ромашек сплетя,
Их юношам пылким вручали.

Спасибо тебе, мой искусственный друг,
Иного не ждал я ответа.
Летай же и дальше планеты вокруг
Со скоростью звука и света.

А если когда-нибудь вниз упадешь,
Лишившись физической силы,
Навеки Советской страны молодежь
Запомнит свой облик красивый.

Я женщину одну любил
Тому назад лет двадцать,
Но у нее был муж дебил,
И нам пришлось расстаться.

А может быть, не прав я был,
Ведь если разобраться,
Ну эка невидаль, дебил,
Так что ж теперя, стреляться?

Нет, все же прав тогда я был,
Хоть и обидно было,
А то б он точно нас прибил,
Чего возьмешь с дебила?

Просыпаюсь с бодуна,
Денег нету ни хрена,
Отвалилась печень,
Пересохло в горле,
Похмельиться нечем,
Документы сперли,
Глаз заплыл, пиджак в пыли,
Под кроватью брюки,
До чего ж нас довели
Коммунисты-суки!

*И неимущим, и богатым мы в равной степени нужны,—
сказал патологоанатом и вытер скальпель о штаны.*

«Супримэкс» — компания, которая не скрывает доходов

За последний месяц на фондовый рынок выпущены в обращение ценные бумаги нескольких фирм. Одна из них — «Супримэкс». Недавно в «Президент-отеле» прошла презентация группы компаний «Супримэкс». Но после любой пресс-конференции остается что-то недосказанное, да и ответы на ней звучат несколько обобщенно. Именно поэтому я обратилась к генеральному директору АО «Супримэкс» Чингизу АНДЕРЖАНОВУ с просьбой об интервью. Договориться о встрече оказалось достаточно сложно: дела, переговоры — день расписан по часам. Но все же генеральный директор нашел «окно» для нашей встречи.

— «Супримэкс» сегодня — группа компаний. А с чего все начиналось?

— С конца 80-х годов на российском рынке появилось совместное предприятие «Супримэкс», деятельность которого была достаточно узкой: лесозаготовка и деревообработка.

— Ну да, помню — дрель и кисточка...

— Эти ролики запомнились многим. Но сегодня сводить интересы группы компаний только к дрели невозможно, я бы сказал, даже ошибочно. СП существует, с нами работают и давние партнеры из Швеции, Германии, Австрии, Турции, Египта и других стран. Появились новые контакты — например, успешное сотрудничество с крупнейшим Торговым домом Японии «Марубэни».

— Значит, экспорт леса...

— В вашей интонации слышатся нотки иронии. Совсем напрасно. Экспорт леса, как и газа, нефти, вовсе не означает, что страну растаскивают и продают. Сложилось ошибочное представление: с образованием фирм и СП народные богатства, мол, «уплывают» за рубеж. Просто сегодня открыто говорят об этом, а что творилось раньше — о том помалкивали. Все считали — значит, так надо. Могу рассказать вам анекдот-быль. Закупали, и с большой охотой, японцы нашу минеральную воду. На месте разгрузку эту воду сливали, а деревянные ящики — тару — разбирали и отвозили на заводы для переработки.

— Одним из соучредителей АО является ДОК «Вологодский». В случае несостоятельности и невыполненных обязательств перед акционерами АО «Супримэкс» будет отвечать имуществом, в том числе и ДОКа. Насколько я знаю, идет спад производства, нет заказов, старое

оборудование, даже забастовки...

— Конечно, у ДОКа, как и у многих предприятий, существуют проблемы: устаревшее оборудование, не можем в полном объеме приступить к выпуску новой продукции. Что же это скрывать. Но совместно с финской фирмой «Карьяла Трейд», которая специализируется на выпуске оборудования для лесопереработки, ведется реконструкция ДОКа.

Кроме того, к будущему дачному сезону планируется поставить на рынок сборные домики — продукцию нового поколения. Многие имеют в личном пользовании приусадебные участки, но построить хорошие дома, которые не стоили бы слишком дорого, достаточно трудно — такой продукции явно не хватает. Как просчитали наши специалисты, потребуется 6—8 месяцев для налаживания выпуска сборных домиков. Так что производственные вопросы решаются, ДОК работает, забастовок никаких нет и в случае форсмажорных обстоятельств нам есть чем отвечать. А кроме того, в группу компаний входит солидное учреждение — коммерческий банк «Супримэксбанк».

— Банков, а тем более коммерческих, так много, словно прошел «банковский дождь». Некоторые из них — однодневки, другие — подвергаются публичному разоблачению...

— К сожалению, есть и такие финансовые структуры. Но, обжегшись на молоке, не следует дуть на воду. Помимо рядовых проверок работы банка сейчас ведется аудиторская проверка финансово-экономического состояния «Супримэксбанка». Проводят ее специалисты мирового класса. Это — известная аудиторская фирма «Вестен Янг».

Могу сказать, что аналогичные проверки будут проходить все фирмы, входящие в группу компаний «Супримэкс».

Хочу опередить возможный вопрос о налогах. Разумеется, налоги — бремя тяжелое. Но платим мы их исправно и публикуем финансовые отчеты в прессе для широкого ознакомления. Утаивать нам нечего, мы открыты для любого ревизора. За годы работы на мировом рынке «Супримэкс» получил известность, у фирмы есть авторитет, солидность. Это куда дороже, чем сокрытие «левых» доходов.

— АО «Супримэкс» выпустил в обращение ценные бумаги — акции, а этому предшествовал выпуск варранта. Время

выплат первых дивидендов — 17 декабря, проценты небольшие — 20 годовых плюс инфляционная компенсация в размере не менее рефинансированной ставки Центробанка на момент закрытия реестра. Одни «заманивают» предельно высокими выплатами, а ваша фирма декларирует так мало. Почему?

— Да потому, что мы реалисты! Все проекты, которые мы реализовываем, действительно существуют. Никаких «мыльных пузырей»! И начали наши проекты осуществляться за счет средств АО. Посмотрите вокруг — и без проблем найдете, с чем сравнить. Если вернуться к вопросу о непредсказуемых обстоятельствах, могу сказать, что стоимость имущества АО на момент выпуска акций составляла 4,5 млрд рублей. А уставный капитал составляет 49,5 млрд рублей. Нашим акционерам не придется просить поддержки у правительства, если что. Но почему вы все время ставите под сомнение состоятельность АО «Супримэкс»?

— Слышком много бывает обещаний, а на поверку компании «дутые».

— Такое положение на рынке в целом, что говорить об этом вскользь не хотелось бы. Хорошая тема для следующей беседы, если не возражаете. Только хочу напомнить: акции АО «Супримэкс» продаются во всех регионах России через уполномоченных представителей.

— Ваше решение о сотрудничестве с Татарским и его командой — хороший рекламный трюк: известное имя, популярные фильмы.

— Рекламный трюк или рекламная акция в моем представлении — это когда дают деньги на выставку, спектакль, фильм и всюду упоминание: «Наш спонсор — фирма...». Или щиты огромных размеров, так что имени художника не увидишь. Сотрудничество с Татарским носит иной характер: мы оказываем поддержку профессиональным анималистам, и вы нигде не найдете даже логотипа «Супримэкса». А потом, мы живем в этой стране, здесь подрастают наши дети. Бесконечные сериалы про черепашек, роботэков, наверное, не плохо, но грех забывать о российской мультипликационной школе. Здесь наши корни, в России надо создавать, строить...

— Строительство коттеджей в черте Москвы и ближнем Подмосковье при участии американской фирмы «Дессен Хоумз» — это для состоятельных людей?

— Да, в России появилась группа населения с высокими доходами, растет и спрос на жилые помещения такого класса. Без сомнения, коттеджи очень дорогие — вся внутренняя отделка, оборудование американского производства. Но, согласитесь, когда рождается спрос, было бы непростительно этот спрос не удовлетворить. Бизнес, одним словом.

— И последнее на сегодня. «Российская недвижимость» — это ваша газета?

— Она будет называться иначе: «Клуб домовладельцев». Все больше людей понимают — дом если и не крепость, то очень хорошее приобретение. А как это приобретение сделать, обустроить, как обменять в случае необходимости — тут газета поможет сделать правильный выбор, разобраться в рынке недвижимости...

Разговор о группе компаний «Супримэкс» не закончен. В ближайших номерах мы расскажем о «Супримэксбанке», об инвестиционной компании АО «Супримэкс».

Наталья КОПТЕЛОВА

Сцена из спектакля «Четыре строчки для дебютантки» («Коломба») (Александр Иванишин)

Гимн маленьким радостям жизни

**«Четыре строчки для дебютантки» («Коломба»)
Театр «Современник»,
реж. А. Севостьянов**

На первый взгляд режиссер совершенно не понял пьесу Жана Ануя, она называется «Коломба», и героиней является актриса и потаскушка, многоликая ветреница, непостижимая для своего мужа Жюльена — угрюмого мизантропа. В спектакле, отодвигая довольно беспомощную Коломбу Е. Семеновой, на первый план выходит примадонна мадам Александра (образ, напоминающий и чеховскую Аркадину, и Джулию Ламберт Сомерсета Моэма): «фактурная» и мастеровитая Е. Козелькова не просто стягивает одеяло на себя, но властно принимает и несет главную «идейную», если угодно, нагрузку. Пьеса — во многом парафраз ануевской же более ранней «Эвридики» — исследует в духе и приемах интеллектуальной драмы проблему несовместимости «высокой» любви с пошлой повседневностью. Орфей и Эвридика должны умереть, чтобы соединиться, а Жюльен и Коломба, сбросившие мифологические маски, должны в финале разыграть пролог, быть отброшенными

в свою первую счастливую встречу, чтобы оттуда, по закону дурного повторения, вновь устремиться навстречу своей незадавшейся судьбе. Так или иначе, стержневой мотив обеих пьес — невозможность разрушить стену обыденной маленькой лжи, недоговоренностей и умолчаний, тяготеющих над героями, как морок: «Главное — знать правду!» («Эвридика»), «Прежде всего — знать» («Коломба»). В спектакле же искусные диалоги варварски сокращены: не только сломаны прозрачные хрящи и порваны тонкие сухожилия, на которых держится весь «сократический» пафос отыскания истины, но местами перерублен сам позвоночник, ответственный за элементарную связность сюжета. Упомянутая последняя сцена — «Эпилог-пролог» — выброшена вовсе. Спектакль кончается монологом мадам Александры — размашистым гимном «маленьким радостям» жизни и почти неперменной в спектаклях такого сорта бессмысленной и довольно халтурной пляской «масок», одетых в какое-то пестрое дезабилье. Становится ясно, что режиссер все-таки **понял** пьесу и, в отличие от автора, бестрепетно решил за зрителя, какой расклад сил будет ему, зрителю, внятен. Сознательно искалечив неподъемный для сегодняшнего расхожего театра текст, режиссер с чувством исполненного долга «умер» в персонажах — всех

этих симпатичных пошляков. Именно они и являются истинными постановщиками спектакля.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Цвет шоколада

**«Зефир в шоколаде»
К/ст. «АУА»,
реж. А. Павловский**

Возможно, это время лечит и располагает к благодушию. Прежние опыты Александра Павловского, по крайней мере «Трест, который лопнул», можно было смотреть без очевидного отвращения. «Зефир в шоколаде» вызывает, увы, именно это чувство. Сказать, что он плох и убог, значит — ничего не сказать. Хотя кино, как и деньги, не пахнет — он все же пованивает, как все, что пережевано, переварено и т.д. Судите сами: очередная история про очередную провинциалку, которая в очередной раз приехала покорять очередную столицу и в итоге стала очередной королевой страны Факлендии. В роли столицы на этот раз выступает не мать городов русских, а Одесса-мама. В роли провинциалки — загадочная некто, с ничего не говорящим и потому сразу забывшимся именем, исполнительское искусство которой находится на недостижимом для любой критики уровне. С девушки, ради ее же блага, попросту следует взять расписку о том, что она больше ни при каких обстоятельствах не появится на экране. Наконец, роль кинодраматургии и режиссуры успешно исполняет жуткое месиво из пошлости, банальщины и юморочка с примочками в худших одесских традициях. При появлении хорошей актрисы Ирины Муравьевой хочется отвести глаза — то же придется делать ей в разговоре с теми, кто этот фильм увидит. Видимо, она призвана слать «Зефиру в шоколаде» приветы от полузабытого «Карнавала», где ее героиня тоже совершала набег на столицу. При появлении Александра Панкратова-Черного глаза отводить не стоит — какая ж комедия без его неперменного участия. В отличие от мастеров ненашего экрана, нашим

ихняя страсть к большой жратве кажется моветоном. Они у нас просто лакомки: один дегустирует только «Кофе с лимоном», другой — «Зефир в шоколаде». Одна беда — к настоящему десерту эти блюда отношения не имеют. Скорее, к продукту, который роднит с шоколадом только цвет. Впрочем, на вкус и цвет, как известно, товарищей нет.

Флера ВАСИЛЕВСКАЯ

О предрассудках чести

**Яков Гордин
«Русская дуэль»
Изд. «Дилорок»,
Санкт-Петербург**

Воспользовавшись крылатой фразочкой, смело назову эту книгу очень своевременной. Жаль только, что она припоздала с выходом — иначе бы успела глубоко перепахать г-на Жириновского. Выйди «Русская дуэль» чуть раньше, русский по маме Владимир Юристович мог бы познакомиться, например, с любопытным свидетельством о том, как генерал Сухозанет во время ссоры с полковником Фигнером предпочел убежать, получая пинки под зад, и увильнул таким образом от пощечины, поскольку пощечина, в отличие от всего предыдущего, — безусловное посягательство на честь. В свете этого история с плюхой, полученной самым либеральным из всех демократов от горячего депутата Горячева, могла бы иметь другую развязку. А может — и завязку. Но это частное соображение. Забыв же о сегодняшних страстях, стоит посвятить пару часов сотне страниц, запечатлевших образ русской дуэли — бессмысленной и беспощадной (декабрист Константин Чернов предлагал обидчику своей сестры стреляться с трех шагов — все равно что на расстоянии вытянутой руки, — сошлись на восьми). За историей дуэли и многочисленными дуэльными историями встает история «психологического быта» прошедшей эпохи в ускользающих от современного взгляда

нюансах и мнимо несущественных подробностях. Времена ныне не дуэльные: секунденты остались разве что у претендентов на шахматную корону, барьеры — у спортсменов с крепкими ногами. Однако ж были и в наших палестинах иные времена — с предрассудками чести, понятием о бесчестии и правом на поединок.

Андрей МОСКВИН

Со скотного двора — на царский

«Николай и Александра. Двор последних русских императоров»

Выставка в Эрмитаже (СПб)

Выкарабкавшись, наконец, из известно чего на оруэлловском скотном дворе, наша вмиг обуржуазившаяся публика встряхнулась и хлынула в «Эрмитаж», в четырех залах

представивший ей другой двор — императорский. Странно только, что русских, а не российских императоров, поскольку у них, как известно, с кровью (в процентном отношении) было не все в порядке. В отношении цвета — не все в порядке у экспозиции двора «голубых кровей»: она имеет явно зеленоватый, валютный оттенок, и его каждый день добавляют старушки-путешественницы, с готовностью выкладываящие шестнадцать тысяч за погляд на прелести царского быта. Впрочем, цена для них вполне красная — что и говорить, жили люди. Последний русский батюшка-император любил приодеться, а последняя русская матушка-императрица любила попозировать художникам. Еще она любила поколлекционировать посуду последнего русского императорского фарфорового завода — особенно с изображением полков, шефом которых она непосредственно являлась. Очень хорош также

Николай II и Александра Федоровна в русских костюмах на балу в Зимнем дворце, 1913 год

АРХИВ ИТАР-ТАСС

расписной рояль, подаренный батюшкой матушке, и веер с изображением семейства Александра III. Судя по всему, в процентном отношении у последних императоров со вкусом дело обстояло так же, как и с русской кровью. Но вообще-то на выставке во всем торжествует русский дух. Уверенно шагнув со скотного двора на царский, воспитанные на пикулиане и говорухиаде сограждане поедают глазами останки России, которую они потеряли, обмениваясь бессмертными репликами: «Это царевич, что большой был, — какой симпатичный мальчик» или: «Смотри, сколько лиц на картине нарисовано, — это тебе не Глазунов по клеточкам!». Так сказать, не прервалась связь времен.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Кого постигла удача?

Дж. Верди «Фальстаф» ТВ «Санкт-Петербург»

К сожалению, финальные титры этой передачи никак не обозначили автора режиссерского телепрочтения последней оперы Верди. А жаль, потому что работа довольно нестандартная и интересная. В активе у режиссера была запись концертного исполнения «Фальстафа», актер Виталий Дьячков,

комедия Шекспира «Виндзорские проказницы» и монтажный пульт. Во всех составляющих чего-то не хватало для создания динамичного зрелища: в концертном исполнении — таверны, сада, бельевой корзины и волшебного дуба, в чтении Шекспира с листа — многоголосия оригинала, у монтажного пульта — возможностей компьютера, чтобы придать каменным лицам певцов живость и непринужденность, свойственные сюжету. Всего хватало только в музыке Верди, но именно с ней произошел досадный, однако закономерный казус — голос чтеца заглушал иногда половину дуэтов и квартетов. Однако, несмотря на это, шекспировско-вердиевские театральные страсти с их риторической любовью, ревностью, интригами и невыразимой фальшью, гротеском и условностью, нашли достойное отображение. По крайней мере, в смысле определенности жанра — что написал Верди: комическую оперу или музыкальную драму? — и выборе художественных средств для его воплощения телевизионную группу постигла удача.

И.Л.

Семья Николая II

АРХИВ ИТАР-ТАСС

Дневник И.

Гир — Стоун = Давидович?

«На перепутье», США,
реж. Марк Райдел

Мелодрама. Классическая. В виде равнобедренного «лав» треугольника. С одной стороны благородно-седовласый Ричард Гир в роли сорокалетнего архитектора, с другой — элегантная, но со стержом Шарон Стоун в роли его свердловской жены, а с третьей — Лолита Давидович в роли темпераментной любовницы. Герой долго не может разобраться, с кем же ему остаться, мечется, а когда наконец решается, то попадает в автокатастрофу с летальным исходом. Но в результате случайно не отправленного им письма и жена, и любовница уверены, что Гир мчался именно к ней, дорогой и единственной. А я думаю, что мчался он в свою мастерскую (помните анекдот: «Жене скажу, что иду к любовнице. Любовнице скажу, что не отпустила жена, а сам рвану в библиотеку, где хоть поработать спокойно»). Впрочем, это чисто мужская точка зрения, женщины пусть думают иначе.

Смешные покойники

«Мертвые заживо», США,
реж. Питер Джексон

Это пародия на фильм «Живые мертвецы» и другие ужастики. Из далекой страны в зоопарк привезли мартышку, а точнее, зловредную тварь, после укуса которой человек превращается в зомби. Первой она кусает мать главного героя. А потом зомби становится все больше и больше. И герой начинает сражаться с ними с помощью подружки, бензопилы и даже газонокосилки. Фильм интересный и в то же время смешной тем, что в нем очень много убийств и крови. Он не страшный, а забавный. Но, дорогие зрители, хочу предупредить слабонервных — пристегнитесь ремнями к креслу, когда на экране начнут летать обрубленные головы, руки и ноги. Очень не хотелось бы, чтобы и ваши руки, ноги и головы отвалились во время фильма.

Лёня СМЕРНОВ

Рубрику ведёт Петр Смирнов

Опять комедия попугала

«Кабачок «Райстон», США,
реж. Боб Кларк

Упорство, с которым Рэмбо по прозвищу Сталлоне регулярно атакует абсолютно противопоказанный ему жанр комедии, вызывает уже даже не раздражение, а, напротив, — восхищение. Комедии с его участием благополучно

это могло бы быть смешно, но... Но не смешно ни капельки. Ибо как ни притворяется Сильвестр эдаким лопухом и увальнем, а так и прет из каждого жеста, движения, фразы мощный и непобедимый Рэмбо. И, судя по всему, это навсегда: побеждая все и всех, никогда Рэмбо не одолеть только одного противника — комедию. Хотя он очень и старается.

ИТАР-ТАСС

Сильвестр Сталлоне

Море крови, горы трупов «Круто сваренные», Гонконг

реж. Джон Ву

С чего начинался гонконгский режиссер Джон Ву, ныне обретший голливудскую популярность после «Трудной мишени» с Ван Даммом, можно наглядно увидеть на этом фильме. Сюжет помню смутно, что-то из жизни двух детективов,

охотящихся за бандой гангстеров. Крови море, трупов горы, герои палят с двух рук, из любых положений: стоя, сидя, лежа, в падении, с переворотом и т.д. Противники падают даже не десятками, а сотнями (я сбился со счета на третьей сотне, а до конца еще оставалось как минимум тысячи полторы трупов). Но иногда среди этой суматохи возникают забавные бытовые зарисовки. Чувствуется, что старина Ву комплексует по настоящей, большой режиссуре. Но план есть план, даже если он и выражается в количестве «убиенных» статистов. И режиссер его успешно выполняет и перевыполняет.

Негроковбой

«Черный Лис», США,
реж. Стивен Стерн

Вестерн. И тоже в каком-то смысле классический. О таких очень любили писать наши кинопублицисты, обвиняя в годы «холодной войны» империализм и его верного певца — Голливуд в пропаганде насилия и жестокости. Кроважадные индейцы, беззащитные белые переселенцы, кольты и винчестеры, короче — полная, мол, брехня в национальном и историческом плане в жанре вестерна. То ли дело наши югославо-гэдэровские «Сыновья Большой Медведицы», где все истинная правда в виде благородных и угнетенных нацменов и коварных бледнолицых. Оказалось же, судя по фильму, все не так просто и однозначно. И индейцы — не ангелы, и белые — не звери. А лучшим доказательством исторической дружбы народов США служит тот факт, что главный герой фильма — негр и ковбой, который смекалкой, кулаком и кольтом выманивает у команчей, ставших на тропу войны, табун белых женщин и детей, захваченных ими в плен, на табун лошадей. И все довольны: женщины смеются, дети скачут, лошади ржут, зрители сопереживают. Потому что вестерн, а не пропагандистские тезисы по национальному вопросу в США.

Поэт и чернь: консенсус?

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Procul este, profani* (тезис)

Фразу, вынесенную в подзаголовок, Пушкин поставил эпиграфом к знаменитому стихотворению — «Поэт и толпа». Как все помнят, в этих стихах чернь, пользуясь тусклыми глагольными рифмами («поэт — ведет», «учит — мучит», «употребляй — исправляй»), бранит стихи поэта за бесцельность, а затем, не без кокетства перечислив свои пороки, требует от него наставлений. Прерванный на полуслове гений не стесняется в выражениях. Хотя пушкинская «чернь» не так уж и черна. Во-первых, она знает себе цену: «Мы малодушны, мы коварны, //Бесстыдны, злы, неблагодарны» и т.д. — хотя, конечно, множественное «мы» превращает самобичевание в массаж, не лишенный приятности. Во-вторых, именуя поэта «божественным посланником», толпа ждет от него серьезных поучений, а не развлечения. В-третьих, ей не вовсе чуждо чувство прекрасного.

Толпа взволнована. Она клянет поэта и прерывает его именно потому, что он поражает слух и мучит сердца, «как свенравный чародей» — непонятным способом и без явственной цели. Она требует объяснений, к чему ей эта жгучая сила слова. Толпе невдомек, что испытываемый ею душевный трепет и есть единственный витамин искусства, который она в состоянии усвоить.

Бесплодные усилия любви (антирезис)

Народолюбивые пушкиноведа и нашего века, и минувшего много раз старались переадресовать выпады пушкинского персонажа исключительно «светской черни», отводя удар от обыкновенной. Конечно, после этакой рокировки трудно объяснить, почему поэт, прикрикнув на разговорившийся народ, обзывает его «поденщиком» и «рабом нужды», но для шестидесятников — раскрепощенных разночинцев обоих столетий — ссылки на текст доказательной силы никогда не имели. Да и поэт их не особенно интересовал: рассуждения толпы были родней и по пафосу, и по звучанию. Требование неперменной нравственной пользы, самообличение, смешанное с самолюбованием, быстро входит в гражданскую

лирику интеллигентов и дробным эхом катится от Некрасова до Галича.

Разумеется, народолюбие русских интеллигентов всегда было искренним. Более того, оно было воспаленным, почти мальчишеским — со всеми промашками, прыщами и поллюциями, присущими возрасту. Интеллигенты, в особенности художники, очень редко чувствовали себя «сынами земли Русской», «плотью от плоти». Им хотелось любить родину по-мужски, не по-сыновьи. «О, Русь моя! Жена моя! До боли...» — гениальный и слабавольный прорыв любовного признания в эпическом, точнее, гимническом стихе Блока — одно из лучших тому свидетельств.

Удовлетворить сонную дебелую Россию интеллигентам не удавалось никогда: ни трудолюбивым просветителям, ни робким мечтателям, ни задушевным собеседникам. Она жила с другими, с отчаянными, загульными, забубенными — как Есенин, как Высоцкий. Странный знак: и тот и другой свою зазубу — не «красну девицу», а именно красивую, постарше себя бабу — брали на стороне, за границей. Почему-то их дар, в высшей степени русский, потребовал «чужбинки». Для интеллигентов любимой, возделанной чужбиной оставалась Россия.

Пытаясь ей понравиться, интеллигенты, как умели, ухаживали за народом — родным, законным дитем. Старались попутно разузнать о мамке: что она любит, какие песни поет, ходит ли в церковь, читает ли книжки. Дитя было великовозрастное и смотрело угрюмо, не доверяя. Они его учили и переучивали, развлекали, закармливали (на свой вкус выбирая игрушки). О, эта поменьше покровительства и подобострастия, снисходительного «мне лучше знать» и восторженного «весь в маму!» Анекдотические попытки переменить привычки, встать на короткую ногу... Сколько их было — от русского костюма Ивана Киреевского (на улицах принимали за «персиянина») до стихов Пастернака, переложенных на три гитарных аккорда: «Мело-мело — пам-пам — по всей земле — йе-йе!» Представим себе, как звучало бы «Я помню чудное мгновенье» под баян, на мотив «Вот кто-то с горочки спустился» — никакое желание донести, поделиться не извиняет подобной глупоты и бестактности. Можно сослаться лишь на непроходящий инфантилизм, экзальтацию неумелой страсти — родовую примету всех интеллигентских попыток

сблизиться с родиной, независимо от времени и идеологической окраски.

По остроумному наблюдению Льва Шестова — философа-иррационалиста, — чувства, испытываемые русской интеллигенцией, мало зависят от делаемого дела: бедные нечесаные студенты, бредившие Чернышевским и Дарвином, не признававшие ничего «идеального», резали своих лягушек и организовывали коллективный быт с тем же фанатизмом, с каким сектанты ожидают пришествия Мессии. Это неистребимое свойство: как резали лягушек, так же ходили в народ, так же и приняли революцию — те, кто принял, отдав себя на невиданное по масштабам и срокам групповое изнасилование. Телячий восторг, испытанный после хрущевского XX съезда, — еще одно проявление той же вечно незрелой и неутоленной страсти, причем не самое бессмысленное.

Совершенно невозможно объяснить, почему любовь к родине заставляет резать лягушек, но это она заставляет. Не менее парадоксальные формы принимает народолюбие. Сегодня интеллигенция, художественная в особенности, «обуржуазивается» так же безрассудно, торопливо и неразборчиво, как опрочилась и революционизировалась в прошлые эпохи. Не столько сторонница, сколько поклонница большинства, она осталась верна своему извечному желанию жить «с гурьбой и гуртом». Она еще раз может повторить: «...Была с моим народом//, Там, где мой народ к несчастью был», — и ей опять от этого не слаще.

Судя по социологическим опросам, в 90-е годы сознание подавляющего большинства — от пенсионеров до школьников — совершенно поглощено мечтами о зажиточной, вкусной и здоровой жизни с умеренным потреблением алкоголя и художественных произведений. Где же и быть интеллигенции, если не в этих филистерских мечтах, глухо сжимающих душу? Чем же заниматься художнику, если не коммерческим, удобопонятным, сентиментальным искусством, в котором добро побеждает зло привычным образом, не утруждая ни зрительского ума, ни чувств, ни вкусовых пупырешек?

С той же истовостью, с какой разночинцы прошлого века убеждали себя в величии «мужика», сегодняшние гуманитарии стараются влюбиться в обывателя. Пожалуй, это труднее, неприятнее, безнадежнее, а если говорить об искусстве — просто убийственно.

Человек отыгранный (синтез)

Вся разница между глупой попой и большей частью так называемого серьезного искусства сегодня заключается в одном: первая преуспевает, заботясь о том, как понравиться свиношке-обывателю; второе топчется на месте, поскольку целуя без любви дать не умеет.

* Прочь, непосвященные (лат.).

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

Антибуржуазность стала дурным тоном, наличие зачатков вкуса — непостижимым высокомерием. Умные и образованные люди вменяют себе в культурную обязанность посещать ночные пастбища присанившейся урлы и даже испытывают удовольствие. Еще бы — раз удовлетворяются две самые жгучие интеллигентские потребности: ходить в народ и принадлежать к элите.

Художники и музыканты, в прошлых десятилетиях бывшие несгибаемыми нонконформистами, с чувством рассуждают о том, что люди устали от жизненных тягот и нервнующих проблем, а значит, искусство должно быть светлым, успокоительным, приятным. Работают соответственно (изредка — с долей иронии, как Сергей Курехин) или, осатанев от ненависти к «среднему классу», прыгают в объятия Баркашова и Жириновского — как «панк № 1» Егор Летов, бывший лидер объединения «ЭТИ» Григорий Гусаров и прочие участники «Русского прорыва» (прорыва чего? Канализации, должно быть).

Отношения поэта и толпы изменились до неузнаваемости. Какое там «сердца собратьев исправляй!» Из всех искусств наименьший энтузиазм сегодня вызывает именно нравоучительное, и это надолго, если не навсегда. Никто не умоляет художника «давать нам смелые уроки», а он и рад, грешный. Ему эта нравственная польза еще при социализме оскомину набилась. Кстати, именно после того, как ис-

кусство стало гнушаться воспитанием чувств, на свет родилась «новая журналистика», запрещающая оценивать факты.

Поэзия выше нравственности или ниже нравственности — не с руки думать: соотносить их разучились и поэт, и толпа. А разучившись, толпа выдвинула новое, вполне закономерное требование: перестань вообще меня волновать и мучить — тоже, понимаешь, чародей нашелся!

Если к морализирующему искусству обыватель равнодушен, то против мучительного возражает категорически. Ему претит не острота проблем, не «чернуха», даже не фактологическая достоверность кошмара (все это в цене, полистайте газеты) — ощущение дискомфорта создается самой вдохновенностью и осмысленностью творческого жеста, нарушающего покой. Шаблон стал дороже открытия, серое — ярче яркого.

А художникам, поэтам, артистам это, в общем, облегчает жизнь, причем отнюдь не только посредственным или потерявшим форму (в лидерах русского коммерческого искусства и должны гоголем ходить посредственности, как ходили они в лидерах официозного: заказчик-то, в основном, прежний). К сожалению, запрет на открытое проявление творческой силы принят людьми талантливыми.

Должно быть, энергетические запасы искусства истощены: оно не может позволить себе быть сильным. Серьезное, умное творчество ограничивает себя, спасается тонкостью, камерностью, со-

зерцательностью или иронией, игрой, салонностью. Впрочем, при наступающем консенсусе поэта и толпы ему не спастись: для обывателя оно слишком умное — ненужная и смущающая роскошь.

Сила, на девять десятых симулируемая, и пафос учительства присвоен художниками, настроенными патриотически. Они, от Ильи Глазунова до безымянного автора граффити «Ельцин — иуда», не просто поучают, а прямо науськивают, кого бить. Дают все более смелые уроки все громче кричащей (оттого кажется — растущей) толпе.

Если бы предстояло выбирать между коммерческим и патриотическим искусством как между образами будущего — конечно, пришлось бы благословить и «Санта-Барбару», и «Два кусочка колбаски», и все прочее. Но выбор между двух зол, как обычно, ложен. Какой там выбор! Бабы, оружие по праздникам на демонстрациях, не просто любят эту самую Барбару — жить без нее не могут. И Глазунов, потерявший элементарные навыки рисунка, превосходно соединяет патриотические убеждения с коммерческими интересами. И эволюция Станислава Говорухина от «Десяти негритят» до «Великой криминальной революции» — не скачок через идейную пропасть, а всего лишь перемена опорной ноги.

Нас морочат. Патриотическая поппа, так же как и обыкновенная, рассчитана на толпу. Кого? Да обывателей же! Только не благодушных, а разъяренных отсутствием статусного достатка. Видимость силы сохраняется во всех этих поучениях, призывах и угрозах лишь при ответном реве толпы; точно так же видимость веселья испаряется в пустой дискотеке. Отдельному человеку, личности не место в этих играх.

Кроме общеизвестной ремарки «Народ безмолствует» у Пушкина в «Борисе Годунове» есть еще одна, не менее гениальная и трудная для режиссера: «Народ несет толпой». Если толпачимся кажется, что они бегут в разные стороны, они ошибаются. Если художнику думается, что он тоже должен бежать — за народом, перед народом, — то он, по сегодняшним временам, вряд ли художник.

Может быть, самое время отказаться от великой интеллигентской любви: назад, к Пушкину! Дело ведь не в том, знает ли Тень (чернь) свое место — пусть себе не знает и знать не хочет. Считаться с ее амбициями и духовными запросами обязан не каждый: незачем доводить подавляющее большинство до абсолютного, оставим хоть несколько незаштампованных людей на разживу. Кто в силах, тот сегодня вправе уклониться от последней стадии народолюбия: веселое равнодушие к обывателю (оправданным было бы и презрение) должно высвободить какие-то скрытые творческие ресурсы.

Как мы идем к юбилею Пушкина

Шестого июня нынешнего года отмечена сто девяносто пятая годовщина со дня рождения Пушкина, и осталось совсем мало до его двухсотлетия. И сдается нам, что, если не будет принято срочных государственных мер, мы этот всенародный юбилей позорно провалим.

Евгений ШАЛЬМАН

Тут поневоле приходит сравнение с 1937 годом. Это был поистине всенародный юбилей, хотя год этот отмечен в истории миллионами загубленных Сталиным. Но тиран не был глуп, поняв, что политически только выиграет на любви народной к поэту — и в этом преуспел.

С чем придут нынешние правители России к 1999 году? Перспектива что-то не очень радужная. Обвинять людей, народ в равнодушии к Пушкину будет совсем нечестно: по заявлению президента на пресс-конференции 10 июня, половина населения России — это нищие и полунитице. Власти предрержащие тоже заняты:

*Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья,
Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.*

Упомянул Пушкина как-то и Солженицын. Сеговал на то, что жизнь Пушкина и декабристов расписана по дням и часам, а вот новую историю России мы совсем не знаем. Оставим на совести пророка объединение Пушкина с декабристами. Но не сомневаемся в том, что, при всей важности изучения истории Государственной думы и деятельности Милюкова и Маклакова, интерес к самой культурной эпохе России, пушкинской, будет неизмеримо выше. Однако получается так, что невольно припечатал Пушкина и Солженицын. И нет Пушкина для народа на книжном рынке. Слышим возражения: «Сейчас свобода слова! Мы издаем то, что требует рынок, а рынок просит того, что позабористей да поинтимней». И вместе с другой похабщиной, совсем уже низкопробной, появятся и «Тень Баркова», и «Царь Никита», и все это с глубокомысленными предисловиями и послесловиями докторов и кандидатов филологических наук! Что ж, это тоже научная работа. Сбываются слова поэта, сказанные еще в 1822 году:

*Сегодня разреши свободу нам тисненья,
Что завтра выйдет в свет? Баркова сочиненья.*

Но новые издатели (вкуче с докторами и кандидатами от филологии) вопяют: «К Баркову Пушкина! К Дьякову!» (Лечился в прошлом веке в

больнице от пьянства и венерической болезни и описал все это в своей убогой поэме!) «Поместим Пушкина рядом с подвигами Орлова и Екатерины II в постели — там ему место!»

А ведь в России сейчас более 5000 (пяти тысяч) издательств. Правда, и групп организованной преступности также больше 5000...

...Что делает знаменитый Пушкинский дом в Петербурге, первой обязанностью которого является издание сочинений поэта? А делает он вот что. Несколько лет тому назад было торжественно объявлено, что к 1999 году будет выпущено новое академическое издание Пушкина в 35 томах. Осталось до юбилейной даты пять лет, и пока не вышло ни одного! Впрочем, один все же появился, но об этом скажем особо. Сначала немного истории.

К работе над изданием полного академического Пушкина приступили в 1933 году, издание это было рассчитано на 18 томов, да еще том указателей. В 1935 году первым появился седьмой том (драматические сочинения Пушкина), снабженный замечательным комментарием. Увы, этот комментированный том остался единственным: когда Сталину принесли его, вождь показал большим и указательным пальцами: «Пушкин — во!», затем значительно расширил расстояние между пальцами: «Комментарий — во!» Комментарий отменили, издание вышло без него.

Не вышли вообще два тома издания: том так называемых «нетворческих» рукописей поэта и том его рисунков. И знаменитое издание, являющееся одним из высших достижений мировой филологической науки, осталось незавершенным. Вся эта неселая история рассказана в статье гениального текстолога Сергея Михайловича Бонди «Об академическом издании сочинений Пушкина» («Вопросы литературы», 1963, № 2). Чтобы строптивые пушкинисты не вздумали возражать, им на всякий случай напомнили, кто заказывает музыку: в партийном издании появилась клеветническая (и доносительская) статья И.Лежнева «Каста пушкинистов» («Большевистская печать», 1936, № 10). Все присмирели.

Так издание и вышло. И вот сейчас в Пушкинском доме, имея после Татьяны Григорьевны Цявловской гранки готового комментария М.А.Цявловского к первому тому академического издания, который вышел без ононого в 1937 году, науч-

ные сотрудники решили издать его так, как он был задуман.

Но здесь обращает на себя внимание следующая деталь: книга называется не «Пушкин. Том первый», а «Пушкин. Лицейские стихотворения». Отсюда подозрение: вместо нового академического издания в 35 томах выпустили с комментариями всего один том. Но, быть может, наши подозрения неосновательны и не сбудется на сей раз афоризм Юлиана Григорьевича Оксмана: «Россия — родина первых томов!»?

Как говорится, подведем итоги.

Сильные не мира, но Отечества нашего обнаруживают не только полное равнодушие, а и пренебрежение к родной культуре, вершиной которой является Пушкин. Примеров тьма. Вот один, относящийся к нашей теме, — в издательстве «Книга» (сейчас называется акционерным обществом) были подготовлены книги выдающихся пушкинистов М.А. и Т.Г.Цявловских (они-то и были редакторами первого тома академического Пушкина в 1937 году). Одна из них — собрание статей Т.Г.Цявловской, автора вышедшей четвертью изданиями книги «Рисунки Пушкина», — подготовленная полностью, должна была идти в типографию. Но при новом президенте фирмы, Адамове, и эта книга, и вообще вся серия «Пушкинская библиотека» — снимается с издания. Этот деятель культуры предпочитает им романы. Так повсюду. Возмущаться бесполезно. Новые издатели к лирическим излияниям не склонны.

Но «предприимчивые и смышленные литературные откушники» — это еще не самое большое зло нашей литературной жизни. Гораздо тревожнее ясно видная у некоторых литераторов и специалистов тенденция сознательно уравнивать Пушкина с новыми и старыми похабниками и циниками, включить поэта в их, так сказать, «русло». Это делается уже не только ради денег. Здесь какая-то душевная порча, характерная для нашей эпохи «полупросвещения», которое так ненавидел Пушкин.

Послушаем голос поэта в письме другу, сожалевшему о потере интимных записок Байрона: «Толпа жадно читает исповеди, записки етс, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. Он мал, как мы, он мерзок, как мы!» Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

Пушкин всегда будет напоминать нам о том, что забвение истинных духовных ценностей ведет к нравственному одичанию.

Не пора ли одуматься, прислушаться к его вещим словам?

* Эти слова подчеркнуты Пушкиным.

Согласно вышеупомянутому Указу президента РФ появилась возможность наряду с государственной получать дополнительную пенсию в негосударственных пенсионных фондах. И хотя условия во всех фондах различны, общее для системы НПФ одно — ОНА ПОЗВОЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКУ НАИБОЛЕЕ ВЫГОДНО ОБЕСПЕЧИТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ.

Фонд «Альянс» предлагает своим участникам различные схемы внесения пенсионных взносов и разные варианты пенсионных выплат. Участник Фонда может делать взнос раз в месяц, раз в квартал, раз в год или одновременно за весь период накопления. Минимальный размер ежемесячного взноса — 5 тыс. рублей, ежегодного — 10 тыс. рублей и единовременного — 25 тыс. рублей. Величина взноса установлена в рублях или минимальных заработных платах. Срок накопления — от одного месяца до 60 лет. Вступительный взнос — 10 тыс. рублей.

В Фонде разработано несколько схем выплаты пенсий, каждый участник может выбрать из них любую, по своему усмотрению, возможна разработка индивидуальной схемы пенсионного обеспечения.

Установлены гарантированные размеры ежемесячной пожизненной пенсии в зависимости от величины и периодичности взносов, а также от периода накопления.

Для защиты вкладов и пенсий от обесценивания Фонд установил пенсии в минимальных заработных платах, индексируемых с учетом уровня инфляции. Другим вариантом является исчисление размера пенсий в долларах США с выплатой в рублях.

Вклады, а также инвестиционный доход по ним на уровне процентной ставки по срочным вкладам Сбербанка РФ застрахованы страховой компанией АСКО, которая сотрудничает с крупнейшими перестраховочными компаниями мира.

УЧРЕДИТЕЛЯМИ ФОНДА являются три региональные страховые компании корпорации АСКО, Коммерческий банк делового сотрудничества, АО «Контракт», фирма «Медицина и гуманизм»,

Удачный выбор — половина успеха

Негосударственный межрегиональный пенсионный фонд «Альянс» — некоммерческая организация, основная цель которой — улучшение пенсионного обеспечения граждан

Дуванов
Геннадий Васильевич,
председатель
Совета Фонда

Соломенников
Анатолий Изосимович,
исполнительный директор
Фонда

Негосударственный межрегиональный пенсионный фонд «Альянс» создан в соответствии с Указом президента Российской Федерации от 10 сентября 1992 года № 1077 «О негосударственных пенсионных фондах» и зарегистрирован 16 июня 1994 года (Свидетельство о регистрации № 1602-1, положительное заключение Минсоцзащиты по Учредительным документам Фонда от 16 мая 1994 года № 1-1560-21).

Уставный капитал Фонда 200 млн рублей.

Карачаровский механический завод и другие предприятия, уверенно использующие условия рыночной экономики в интересах развития производства и улучшения социального обеспечения своих сотрудников.

Фонд возглавляют люди, прошедшие современную школу бизнеса, доказавшие свою честность и умение работать в условиях рыночной экономики, в частности: Дуванов Г.В. — основатель страховой компании АСКО, одной из ведущих страховых компаний России, президент Всероссийского Союза страховщиков; Соломенников А.И. — один из учредителей страховой компании АСКО, сочетающий в себе преданность делу и служение интересам своих клиентов; Конарев В.И. — до недавнего време-

ни Генеральный директор страховой компании «АСКО-Александров», сегодня — первый заместитель Исполнительного директора Фонда, умело использующий страховую политику защиты вкладов участников и обеспечения безопасности инвестиций Фонда; Угаров В.А. — заместитель Исполнительного директора Фонда, прошедший хорошую школу службы в армии и ФСК, доказавший свои ор-

ганизаторские способности и высокое чувство ответственности за порученное дело.

Коллектив Фонда — профессионалы, прошедшие специальную подготовку, выше всего ставящие заботу об улучшении благосостояния участников Фонда.

НАШИ УСЛОВИЯ ДОСТУПНЫ КАЖДОМУ:

— широкий диапазон услуг;

— обязательная индексация пенсий с учетом инфляции;

— размер вклада не ограничен;

— возможность передачи права получения пенсии по наследству или в ином установленном законом порядке;

— выплата пенсионных накоплений в случае смерти участника Фонда наследникам в полном размере, а в случае получения пожизненной пенсии — выплата пенсии за год вперед.

НАШИ ПРИНЦИПЫ:

— долгосрочные партнерские взаимоотношения;

— готовность и реальная способность в любой момент принять на себя и выполнить обязательства перед участниками и клиентами Фонда;

— высокое качество услуг и их постоянное совершенствование;

— надежная защита вложений участников Фонда путем их страхования в страховой компании АСКО за счет средств Фонда;

— предоставление участнику Фонда информации о состоянии его пенсионного счета по первому требованию;

— гарантия неразглашения информации о состоянии именных счетов участников и производимых им выплатах.

Мы готовы ответить на Ваши вопросы по негосударственному пенсионному обеспечению и надемся на долгосрочное сотрудничество.

ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ НИКОГДА НЕ РАНО!

Наш адрес: Москва, улица Кржижановского, дом 17, корпус 3.

**Телефоны: 124-45-95, 124-71-35, 124-33-05.
Факс: 125-22-33.**

Аш хлор

Юрий БУЙДА

По словам Лестрейда, сразу после первой встречи с мистером Джонатаном Осборном он установил слежку за домом подозрительного врача, которую круглосуточно осуществляли одновременно несколько человек. Долгое время слежка не приносила никаких результатов. Каждое утро, в одно и то же время, доктор уезжал в клинику, вечером возвращался, чтобы поужинать в обществе дочери и некоего молодого человека, сменившего, надо полагать, мистера Осборна. Судя по всему, этот юноша частенько оставался и ночевать, хотя были и исключения: раза два или три за ним приезжала карета, увозившая его в неизвестном направлении. Все попытки выяснить, кто он такой и где живет, заканчивались неудачей: словно чувствуя слежку, кучер неторопливо колесил всякий раз по новому району, чаще всего на востоке, затем внезапно стегал лошадей и отрывался от преследователей. Посетителей у доктора не было, если не считать его помощника, доктора Антолини. И в этот вечер Антолини находился в доме Сток-Стоунза. Переодетые полицейские, как всегда, контролировали все входы и выходы. Около семи часов из дома донесся шум, крики, от которых у полицейских мороз пробежал по коже — так необычны они были. Потом вскрикнула девушка. Шум усиливался. Действуя по инструкции, один из полицейских разбил стекло, и по приказу старшего — инспектора Грэхэма — слуги закона стали ломиться в дверь. Открыла им перепуганная служанка. Полицейские ворвались в гостиную, глазам их предстала если и не ужасная, то странная картина. Мистер Сток-Стоунз стоял спиной к камину, прижимая к лицу окровавленную салфетку. Его дочь, явно в предобморочном состоянии, сидела на полу у противоположной стены, лицо ее было залито кровью. Служанка бросилась ей на помощь, но в этот миг из смежной комнаты выбежал доктор Антолини.

— Позвольте! — прервал Лестрейда Холмс. — Вы сказали, из смежной комнаты? Остальные действующие лица находились в гостиной, я правильно вас понял? Любопытно. Но продолжайте!

Доктор Антолини довольно грубо оттолкнул служанку и призвал на помощь полицейских. «Вы же видите, что с ней!» — воскликнул он. Ему помогли перенести девушку наверх, в то время как Грэхэм попытался допросить ее отца. Казалось, он был не в себе, но, когда призыв Лестрейда, задавший ему парочку вопросов, что называется, с перцем (тут сыщик горделиво выпрямился), доктор покачал головой и сдался. «Увезите меня отсюда, я больше не могу», — сказал он. И так, судя по всему, он пытался убить свою дочь, но что-то или кто-то помешал ему. Его увезли, в доме остались инспектор Грэхэм и полицейский Камински. Ну и, разумеется, мисс Кэролайн, Антолини и служанка...

— А этот молодой человек? — подскочил в кресле Холмс. — Этот новый сопровождающий мисс Кэролайн?

— Молодой человек... — Лестрейд хлопнул себя по лбу. — Черт возьми, вы правы, он должен быть там!

— Последний вопрос, Лестрейд... — Холмс уже натягивал сюртук. — Девушку осматривал врач? Характер при-

чиненных ей ранений установлен?

— Ее осматривал, надо полагать, доктор Антолини, — сердито ответил Лестрейд.

— Понятно. Немедленно туда! — приказал Холмс. — Может, еще не поздно...

Мы набились в два кэба, которые тотчас сорвались с места и загрохотали по темным улицам Лондона.

Сидевший справа от меня мистер Осборн всю дорогу что-то бормотал себе под нос, и только когда кэб остановился у освещенного подъезда дома Сток-Стоунза, выдал из себя:

— У меня такое странное чувство, будто все только начинается...

— В известном смысле вы правы, — сказал Холмс, выпрыгивая на посыпанную гравием дорожку. — Чье это окно освещено там, наверху?

— Мисс Кэролайн...

В гостиной навстречу нам поднялся инспектор Грэхэм, добросовестный и недалекий служака с огромными сильными усами и узким морщинистым лбом, покрытым бирючьими пота.

— Пришлось потрудиться, инспектор? — бросил ему Холмс. — Где Антолини?

— Где доктор? — крикнул Лестрейд.

— Минут десять как уехал, — ответил инспектор. — Пришлось потрудиться, вы правы, джентльмены, — девушка оказалась тяжеленькой...

— Значит, — прервал его Холмс, — доктор Антолини сказал вам, что девушке стало хуже и ее нужно немедленно отправить в больницу. И вы помогли перенести ее в карету. Тело было завернуто с ног до головы, не так ли? Лица вы, разумеется, не видели?

Инспектор открыл рот и только переводил взгляд с Холмса на Лестрейда.

— Я думаю, нам придется предпринять небольшое путешествие, — сквозь зубы процедил Холмс, внимательно разглядывая пятна крови на полу. — Но прежде я хотел бы осмотреться и познакомиться с лабораторией. А вас... — Он повернулся ко мне. — Вас, дружище, я попрошу подняться наверх, к мисс Кэролайн, и поинтересоваться, не нуждается ли она в помощи.

Холмс извлек из кармана лупу и опустил на четвереньки.

В сопровождении Осборна и верзилы полицейского я поднялся наверх и — «Сюда, сэр» — постучал в дверь. В комнате было тихо. Тогда я решительно толкнул дверь — и замер на пороге. Спальня была ярко освещена. На полу — это сразу бросилось в глаза — темные пятна, да и постельное белье было испятнано кровью. Из-под одеяла торчала рука со сведенными в кулак пальцами. Вдруг она обмякла и бессильно повисла. Осборн позвал:

— Кэролайн... мисс Кэролайн!

Девушка не откликнулась.

— Нам придется откинуть край одеяла, — прошептал я. — Мистер Камински...

Полицейский на цыпочках приблизился к кровати и, склонившись под балдахином, шепотью приподнял одеяло. Мисс Кэролайн, одетая, лежала с закрытыми глазами. Осборн снова позвал ее.

— Да, Джонатан, — будничным голосом отвечала она. — Я вижу вас...

Спокойный ее голос и закрытые глаза почему-то производили жуткое впечатление.

Камински приподнял одеяло еще выше.

— Сэр!

На простыне рядом с Кэролайн и на соседней подушке расплылось большое пятно крови.

Окончание. Начало в № 37

— Здесь кто-то лежал, — сказал Камински.

— Где доктор Антолини? — спросил я как можно мягче. — Мисс Кэролайн, вы слышите меня? Вы ранены?

Ресницы ее вдруг затрепетали. Мы все трое одновременно заметили это движение, и все трое испытали страх. Глаза мисс Кэролайн медленно открылись, но было непохоже, что она замечает нас. На ее лице кое-где сохранились потеки крови, но раны нигде не было.

— Я пока останусь здесь, — прошептал Осборн. — Вы же видите...

Я спустился вниз.

Холмса я нашел в лаборатории, где он быстро перебирал фотографии. Лестрейд топтался рядом и, судя по всему, нервничал, поскольку просто не понимал, что здесь происходит. Внезапно Холмс удовлетворенно вскрикнул.

— Грэхэм! — позвал он сивоусого инспектора. — Взгляните-ка...

— Да, сэр, это он, — пробормотал инспектор, вытирая пот со лба. — Это тот молодой человек, который всегда сопровождал мисс Кэролайн и который...

— Едем! — приказал Холмс. — Не думаю, чтоб мы опоздали. — И добавил загадочную фразу: — Это все-таки не минутное дело...

Оставив Осборна с мисс Кэролайн, мы с полицейскими заняли два кэба и во весь опор помчались по ночному городу на юг. Я ехал впереди и подсказывал кучеру дорогу.

— Холмс, — не выдержал Лестрейд, — что же вы обнаружили в доме Сток-Стоунза?

Мой друг усмехнулся.

— Этот дом — открытая книга. Даже слишком открытая, что меня настораживает. Молодой человек, о котором мы говорим, скорее всего, мертв. На ковре я обнаружил осколки стекла, еще сохранившие запах сильнодействующего снотворного, действующего буквально парализующе... в углу валялась погнутая иголка от шприца Люэра... Судя по всему, человек, которому вводили снотворное, бешено сопротивлялся. Что еще? Финансовые обстоятельства мистера Сток-Стоунза в последнее время пошатнулись. Видимо, он был вынужден на крупные траты. Вы обратили внимание на стулья в гостиной?

— И что в них? — Лестрейд пожал плечами. — Стулья как стулья.

— Ну, не совсем, — возразил Холмс. — Это франкенбергские стулья из мастерской Михаэля Тонета, изготовленные по индивидуальному рисунку. Когда-то мистер Сток-Стоунз мог позволить себе подобную роскошь. Теперь же стулья нуждаются в починке, однако хозяин, скорее всего, не располагает средствами, чтобы отдать сразу дюжину стульев в ремонт или заказать новые. Деньги нужны ему на другое...

Холмс замолчал.

— На что? — спросил я.

— Кажется, мы на месте, — сказал Холмс.

Мы въехали в застроенную складами улицу. Ворота парка, окружавшего клинику, были распахнуты настежь. В слабом свете фонарей мы разглядели коляску, брошенную с невыпряженной лошадей у входа в больницу.

— Он торопился, — заметил Холмс. — Поторопимся и мы.

Полицейские зажгли свои фонари, и мы поспешили за Холмсом, который с револьвером в руке уверенно шагнул в темноте. Скрипнула дверь. В лицо пахнуло омерзительным запахом — смесью подвальной прели и кислотных паров. Держась рукой за сырую кирпичную стену, Холмс буквально скатился вниз по лестнице и закричал во всю силу легких:

— Доктор Антолини! Оставайтесь на месте и не двигайтесь! Иначе мне придется стрелять!

Натыкаясь на пустые бочки и чаны, мы пробирались в ту часть подвала, где с воздетыми к сводчатому потолку руками нас ждал доктор Антолини. На нем был брезентовый фартук и перчатки. Фонарь, поставленный на обломок кирпича, тускло освещал распростертое на полу мужское тело. Холмс присел на корточки и при помощи дюжих полицейских перевернул труп на спину.

— Так я и думал, — глухо проговорил он. — Слава Богу, мы успели до того, как кислота съела бы эти родинки... Вот вам, Лестрейд, тот молодой человек, которого мистер Антолини выдал за мисс Кэролайн и при любезном содействии инспектора Грэхэма вынес из дома Сток-Стоунза. Пока полиция ломилась в дверь, его спрятали в спальне Кэролайн... — Он поднялся с колен. — Через несколько часов под воздействием крепчайшей кислоты тело превратилось бы в желеобразную массу, которую можно сливать в канализацию, и все, никаких следов. Не так ли, доктор?

Антолини горестно вздохнул.

— Можно мне опустить руки?

— Сделайте одолжение, — усмехнулся Холмс. — А теперь проводите-ка нас в палату Дэниэла Бэрра.

Разбуженный пациент ошалело таращил глаза на вторгшихся к нему джентльменов. По требованию Холмса один из полицейских задрал на больном рубаху.

— Спасибо, Ривз, — кивнул Холмс. — Как я и думал, этот чист. Настоящий Дэниэл Бэрр, с тремя крохотными родинками в низу живота, мертв и лежит там, в подвале, возле бочки с кислотой... А пациентов по-прежнему сорок шесть, Уотсон.

— Вы арестованы, доктор, — сказал Лестрейд, делая знак полицейскому, который тотчас защелкнул наручники на руках Антолини. — Но, признаться, Холмс, я еще не все понял...

— Холмс?! — воскликнул Антолини. — Так вы и есть тот самый Холмс? Слава Богу, значит, Кэролайн в надежных руках!

— Кэролайн? — переспросил Холмс. — Позвольте...

Антолини с изумлением воззрился на сыщика.

— Как?! — воскликнул он. — Значит, вы... Где она? Кто с нею?!

— Она под надежной охраной в доме своего отца, — ответил Лестрейд. — Ей ничего не угрожает...

— Боже! — завизжал Антолини, воздев к потолку скованные руки. — Боже милостивый!

— Уотсон! — крикнул Холмс на бегу. — Мы еще можем успеть!

Едва успел я впрыгнуть в кэб, как кучер что было силы хлестнул лошадь.

— Ну и остолопы же мы! — выругался Холмс. — Как и полагается добросовестным ослам, мы учли все, кроме главного...

— Главного?

— Кэролайн! Я же догадывался! Я знал! Но... бедняга Осборн!

Я, разумеется, ничего не понял, но почел за лучшее промолчать, видя, сколь сильно расстроен мой друг. А он тем временем извлек из кармана револьвер и при свете мелькавших за окном фонарей пытался определить, заряжен ли он.

— Если что-нибудь с ним случится, — сказал Холмс, — его кровь будет на моей совести.

Кэб остановился.

Мы взбежали по лестнице.

— Где Осборн? — страшно закричал Холмс, схватив полусонного Грэхэма за ворот. — Там?!

И, не дожидаясь ответа, бросился наверх, перепрыги-

МИХАИЛ ЯШИН

вая через три ступеньки. Я едва поспевал за ним, сжимая в руке свой старый армейский револьвер.

— Сюда! — крикнул я.

Мы навалились на дверь. Она была заперта изнутри. Дерево затрещало, но выдержало натиск. Из спальни донесся звук, вызвавший у нас ужас. Холмс выстрелил в замок, и мы снова поднажали на дверь. Она с грохотом распахнулась. Дальнейшее напоминало какой-то кошмар. Что-то выкрикнув, Холмс выстрелил в Кэролайн — выстрелом ее отбросило от лежавшего навзничь Осборна. Окутанная пороховым дымом девушка приподнялась на четвереньки и исподлобья посмотрела на нас прищуренными глазами. Лицо ее было в крови, кровь капала с подбородка. Она причмокнула и высунула язык. Но не успел я броситься ей на помощь, как Холмс, уловив ее попытку встать, несколько раз выстрелил в Кэролайн. Краем глаза я заметил инспектора Грэхэма, выросшего на пороге с револьвером, прижатым к груди. Внезапно что-то стеклянно щелкнуло — и все стихло. Я обнаружил себя сидящим на полу. Холмс стоял в углу с выражением бесконечной муки на лице. Кэролайн барахталась на полу в луже крови. Откуда-то из глубины ее существа рвался стон. Повинуясь безотчетному чувству, я бросился к ней, подхватил под мышки.

«Уотсон!» — крикнул Холмс, — и вдруг жгучая боль едва не парализовала мою руку: это Кэролайн, собрав последние силы, впелилась зубами в мое левое предплечье. По телу ее пробежала судорога, она откинулась набок, мертвая, со сжатыми зубами.

— Господи, Холмс! — простонал я. — Сделайте же что-нибудь!

Мой друг сунул ствол револьвера между ее зубами и с заметным усилием разжал челюсти.

— Если это и смешно, — прошептал я, — то тут смеется дьявол...

— Дружище, — сказал Холмс, — мистер Осборн нуждается в помощи. От этого зависит его жизнь. А я... — Он оглянулся на инспектора Грэхэма. — А я бы сейчас чего-нибудь выпил. И покрепче.

Несколько дней приходя в себя после пережитого, мы оба в то же время испытывали серьезное беспокойство в связи с состоянием здоровья бедолаги Осборна. Но слава Богу, он попал в руки отличных хирургов, рекомендованных Говардом: после двух сложных операций им удалось почти невозможное, и глубокая рваная рана на шее перестала внушать опасения. Вскоре нам разрешили навестить Джонатана, находившегося в госпитале св. Елизаветы.

Он был еще очень слаб, но явно обрадовался нашему визиту. Около получаса мы провели у его постели, стараясь не волновать выздоравливающего напоминаниями о жутком деле, так неожиданно сблизившем нас. Однако он сам обратился к этой теме.

— А ведь едва ли не до последней минуты я был уверен, что главный злодей в этом деле — несчастный мистер Сток-Стоунз, — сказал он. — Даже внешность его... лоб мыслителя и челюсть сластолюбца, как написал в одном из своих рассказов глубокоуважаемый доктор Уотсон... — Он сдержанно улыбнулся. Я ответил кислой миной: чего не простишь больному.

— Ну, не преуменьшайте роль Сток-Стоунза, — Холмс поднялся. — Да, такой поцелуй не забудется никогда...

— Вы правы, — кивнул Джонатан. Но знаете, Холмс, хоть я и не уверен, что вы меня поймете, скажу вам: я бы многое отдал, чтобы пережить все это снова... если это не любовь, то что же тогда любовь?

Мы вышли на улицу. Начался дождь. В желтом тумане один за другим загорались фонари.

— Как только опасность миновала, к нему вновь верну-

лась дерзость и склонность к экзальтированному умствованию, — проворчал я. — Что вы на это скажете, Холмс?

— Мне жаль его, — задумчиво проговорил Холмс. — Быть может, этот случай останется самым ярким воспоминанием в его жизни, но — лишь воспоминанием. А мы... нас ждет Лестрейд. Теперь, когда жизнь Джонатана вне опасности, мы можем нанести визит мистеру Сток-Стоунзу.

Доктор Сток-Стоунз уже мало напоминал того несколько угрюмого, но уверенного в себе джентльмена, с которым я имел удовольствие беседовать при посещении его клиники. Перед нами сидел усталый старый человек, с куском затертого пластыря на шее, в помятом костюме, что, кажется, его вовсе не беспокоило.

Молоденький полицейский принес чай и по знаку Лестрейда удалился, хотя ему явно хотелось послушать моего друга, давно ставшего легендой Скотланд-Ярда.

— Итак, Холмс! — воскликнул Лестрейд, откидываясь на скрипучую спинку довольно неудобного деревянного кресла. — Мы готовы! А я так просто сгораю от нетерпения услышать ваш рассказ!

Холмс закурил свою трубку и обвел нас внимательным взглядом. За эти последние дни он осунулся и, казалось, даже постарел.

— Если не возражаете, мистер Сток-Стоунз, — начал он, — я изложу свою версию событий, а вы, если сочтете нужным, поправите меня. Итак... Два года назад мистер Сток-Стоунз прибыл в Лондон и наконец-то соединился с единственной и горячо любимой дочерью. Доктор приобрел клинику, погрузился в связанные с новым делом хлопоты, но одна забота была неотвязной и самой важной для него. Дочь. Мисс Кэролайн. Смерть матери, обстоятельства этой смерти не просто потрясли девочку, но привели к некоторым необратимым изменениям в ее психике. Авторитетные специалисты — доктор Ч. и профессор Р., к которым я обратился за консультацией, сошлись во мнении: девушка стала вампиром. — Мой друг перевел дух. — Я понимаю, сколь чудовищно звучит этот вывод, но он не имеет ничего общего со средневековыми представлениями о вампиризме. Девочка не могла не желать крови. Поначалу было достаточно крови мелких животных, но с возрастом... Первой ее жертвой стала обожаемая кормилица, готовая ради нее на все. Она позволяла Кэролайн пить из себя кровь. А доктор Сток-Стоунз принял меры, чтобы это не было опасно для жизни индианки. Сам же доктор тем временем при поддержке Антонио интенсивно вел исследование, которые, увы, не дали ожидаемых результатов. Он пришел к выводу, что дочь неизлечима...

— Да, мистер Холмс, — кивнул Сток-Стоунз. — Все было примерно так, как вы говорите. Но боюсь, вы не можете себе вообразить, сколько проблем приходилось решать...

— Вы их, однако, решали, — продолжал Холмс. — И весьма своеобразным способом. Поместив дочь в собственную клинику, вы, извините, пустили лису в курятник. Кэролайн получила возможность входить ночью к пациенту, одурманенному наркотиками, и...

— Поймите! — вскинулся Лестрейд. — Не значит ли это, что две первые жертвы были пациентами клиники? Двое неизвестных, о судьбе которых никто не беспокоился...

— По бумагам они были живы, — сказал Холмс. — Любая комиссия нашла бы в тех палатах, которые занимали жертвы, людей, неспособных связно произнести свое имя. Но такой фокус можно проделать не со всяким, а с таким, например, как некий Джошуа Бэрр, которого кругленькая сумма могла заставить забыть о собственном сыне. Доктор Сток-Стоунз просто покупал таких лю-

дей, на что требовались немалые средства. — Холмс помолчал. — У многих людей есть особые приметы. У Дэниэла Бэрра это были три маленькие родинки в низу живота, о которых его пьяный папаша проболтался одному щедрому собутыльнику с заячьей губой...

— Ага, это были вы, Холмс, — с улыбкой заметил я, — теперь я понимаю...

— Да, дорогой Уотсон, это был я. Но вернемся к началу нашей истории. Шум, поднятый газетами вокруг двух трупов, напугал доктора Сток-Стоунза, и он понял, что концы надо прятать более надежно. Если не в воду, то в кислоту. Остается только гадать, сколько несчастных было превращено в желе в больничном подвале и слито в канализацию. По пометкам в вашей лаборатории я насчитал шестерых. Рядом с их именами нацарапана формула соляной кислоты — аш хлор. Думаю, Ричард Осборн лишь случайно избежал этой участи: кэб, в котором его перевозили, вызвал подозрение у служаки констебля, пришлось выбросить труп на ходу, чтобы избавиться от улики...

— Холмс, — осмелился я прервать моего друга, — но зачем же было идти на такой риск и связываться с, так сказать, нормальными людьми вроде Ричарда или Джонатана Осборна, если под рукой всегда были бессловесные пациенты?

Холмс кивнул в сторону молчавшего Сток-Стоунза.

— Их бессловесность устраивала отца, но, как я понимаю, не вполне устраивала дочь. Не стоит забывать, джентльмены, что во всем остальном она была обыкновенная девушка с присущими возрасту запросами... Вот так и появился в обществе Кэролайн неглупый и обходительный художник Ричард Осборн, а потом — его брат Джонатан. Номер Джонатан. Думаю, поначалу вы и не подозревали об их родстве?

Сток-Стоунз покачал головой.

— Мы называли только его имя и сумму, которую он мог бы запросить за услуги. Я не думал, что Кэролайн... впрочем, она увлекающаяся девушка...

В комнате воцарилась тягостная пауза, в продолжение которой мы могли в полной мере оценить эпитет «увлекающаяся» применительно к мисс Кэролайн.

— И лишь позднее, когда мистер Джонатан проявил интерес к вашему собранию фотографий и вы сопоставили некоторые факты...

— Я прогнал его. Кэролайн была очень расстроена...

— И вы вернулись к испытанной клиентуре, — продолжал Холмс. — То есть к пациентам вашей клиники, среди которых почти не было состоятельных людей. Большей частью это были бедняки, ради денег готовые на все. Это меня сразу насторожило, как только я взялся изучать ваших пациентов. Впрочем, дело продолжалось бы...

— Если б не ваше вмешательство, мистер Холмс, — мрачно усмехнулся Сток-Стоунз.

Холмс поклонился.

— Благодарю за комплимент, мистер Сток-Стоунз. Право же, усилия сыщика заслуживают общественного признания. Но в данном случае я не заслужил похвалы. Или... или должен разделить эти лавры с вами. Да-да, мистер Сток-Стоунз, с вами!

Доктор выжидательно молчал.

— С самого начала в этом деле меня поразило, как мало делает преступник, чтобы скрыть свои следы. Все на виду! Письма мистера В. и Сток-Стоунза написаны одной рукой. Картотека в лаборатории — на виду. И так далее. В чем дело? Почему преступник сам наводит нас на след? Этот вопрос не давал мне покоя. Нехитрая проверка убедила меня, что это была не двойная игра с целью пустить нас по ложному пути. В чем же дело? Вот вопрос вопросов! Попробую на него ответить. Итак, вы разочаровались в способностях науки изменить природу Кэролайн.

Вы разочаровались и в собственных способностях воздействовать на дочь, для которой, однако, вам было не жаль своей крови... — Палец Холмса едва не уперся в кусок пластыря на шее доктора. — Наблюдать за ее кровавыми пиршествами? Лишить их ее и тем самым обречь на гибель? Все это было выше ваших сил. И вы решили предоставить дело случаю. Видимо, она давно не получала свежей крови и набросилась на беднягу Дэниэла, даже не дожидаясь, когда ему сделают укол снотворного... Дэниэл отбивался. Укол ему сделали, но при этом сломали иглу и разбили шприц. Но Кэролайн получила свою добычу...

Доктор застонал.

— Хорошо. — Холмс сделал небольшую паузу. — Тот случай стал последней каплей, переполнившей чашу. Вы решили отдался в руки правосудия, ничего никому не объясняя, дав возможность Антолини скрыть следы преступления, а Кэролайн... ей вы дали возможность погибнуть!

Мы молчали, потрясенные темным ужасом, вевшим от этих слов.

Доктор вдруг выпрямился, глаза его блеснули.

— Вы угадали почти все, мистер Холмс, да. Но поймите, я не мог сделать это своей рукой! Она моя дочь... я много раз думал об этом, но... я любил ее, Господи, как я любил ее! Из любви к ней я шел на преступления, из любви к ней я убил ее... Вы правы, господин сыщик, я убил ее. Вы правы, в любви добро и зло неразличимы. Но любовь — это мир превыше всякого ума, как говорят в Индии. Это-то вы понимаете? — Он встал, опираясь руками о

стол. — Надеюсь, ваш интерес исчерпан, джентльмены?

— Один немец сказал, что нет в хорах ангельских ни одной ноты, которой не было бы в воплях дьявольских, — сказал Холмс, когда мы вернулись на Бейкер-стрит и наконец-то расположились в гостиной у камина. — Конечно, его мучило чувство вины, это бесспорно. Он считал себя виноватым в смерти жены, в том, что произошло с дочерью...

— И это чувство вины он принял за любовь, — подхватил я в тон Холмсу. — А чудовища были тут как тут. Они всегда тут как тут, но им достаются лишь объедки со стола, за которым пирует главное, самое страшное чудовище — Совесть...

— Но если это не любовь, то что же тогда любовь? — процитировал Холмс. — Мы, кажется, впадаем в мелодекламацию, дружище. А знаете, Уотсон, меня с самого начала не оставляло чувство, что это не наше дело. Понимаете? Не наше. Мистер Конан Дойл никогда не поручил бы нам дело, в котором нет ни правых, ни виноватых. Такая история ничему не учит, но лишь указывает на опасности, тающиеся в нас самих...

— Кстати, Холмс! — вспомнил я. — Пуля! Как я понимаю, вы убили ее заговоренной пулей?

Холмс с грустной улыбкой достал из кармана маленькую коробочку из слоновой кости и откинул крышку. Патрон был на месте.

— Что вы, Уотсон, в наше-то время — и такой романтизм? Ей достало тех пуль, которые сразили бы любого нормального человека. Ведь она была живая, Уотсон, даже слишком живая... Вы понимаете, о чем я говорю? ■

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

НАРОДНЫЙ ЮМОР

ЛЮДМИЛА ПЕТРУЩЕВСКАЯ

Козлова бабушка Маланья ела газеты с разбором: не всякую еще и в пасть возьмет.

Коза Машка просто измучилась со старушкой-разберушкой, все жаловалась по телефону и лягушке Женечке, и волку Петровне: приготовишь, нашинкуешь, заквасишь даже в ушате, все поели, а козлова бабушка Маланья морду воротит и заявляет, что наша невестка все трескат, а я не в силах.

Народный юмор.

И еще бабка добавляет в таком же духе: к нашему, видите ли, берегу не привалит хорошего дерева.

Идея в уме, конечно, что коза Марья плоха для нее.

Тоже народный юмор.

Коза Машка даже насобачилась отрубать название газеты, стала мешать шрифты и готовить вообще бумажную тюрю, но козлова бабка Маланья различала газеты по запаху, выплонет все в седую бороду и скажет: «Сколько лет, а сраму нет», народный юмор опять-таки про козу Марью, разумеется.

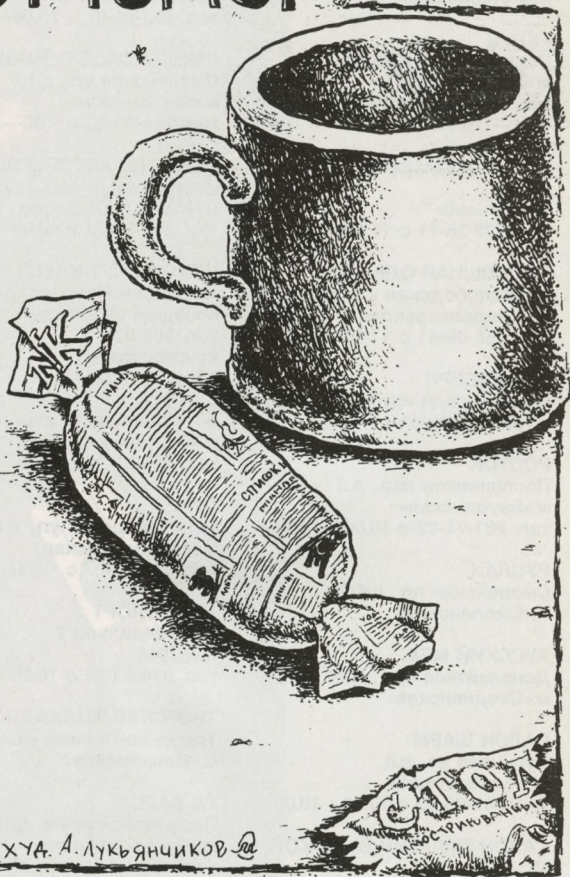
Ну что, что ты хочешь-то, скажи, я специально, нарочно буду готовить, будто бы восклицала коза Машка, а на самом деле она так только жаловалась мужу козлу Толику.

Козел Толик же уважал бабины вкусы и не поддерживал возмущения супруги, гасил в зародыше, отмалчивался.

Ну и что вы думаете, коза Машка стала баловать бабушку Маланью, покупала ей что ни то импортное, «Вечерний Киев», например, или же вообще восточную кухню, «Северная Корея сегодня».

Тогда бабка Маланья начала жаловаться соседям, что непонятно какой вкус, отдает жеваной бумагой, сладко откусил, горько слизнул.

Короче, бабка вернулась к отечественной продукции, и как после импорта пошло наше родное квашеное, вяленое, пахучее, даже остро-солененькое, как раздел «в номер срочно» в «Московском комсомольце», кто кого чем убил: народный юмор.

ХУД. А. Лукьянчиков

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас с приобретением нашей пластиковой карточки.

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал Вам карточку. И с помощью STB Card вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков и через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

— Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;

— Вы можете хранить деньги на счете в любой валюте;

— Вы можете открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобнее;

— расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;

— потеря карточки не является потерей денег.

ОТОН

Авангардная ул., д.5
м.«Водный стадион»

ПАОЛО САНТИНИ

Б.Якиманка ул., д.22
м.«Октябрьская»
тел. 230-07-30 с 9.00—20.00

ПАРИЖ ТОП

Рублевское ш., д.30, корп.1
м.«Крылатское»

ПАСИК

Воронежская ул., д.16/7
м.«Домодедовская»
тел. 398-96-33 с 11.00—19.00

ПОЛЮС ИНЖИНИРИНГ

Кутузовский пр-т, д.30/32
м.«Кутузовская»

РЕБУС

Покровка ул., д.15/16
м.«Китай-город»
тел. 925-27-71 с 10.00—19.00

РОКАС

Новоясеневский пр-т, д.32,
корп.1
м.«Ясенево»
тел. 422-26-11 с 11.00—20.00

РОСКОШНАЯ ОДЕЖДА

Новослободская ул., д.20
м.«Менделеевская»
тел. 258-06-41 с 11.00—20.00

РОСМОДЕРН

Мичуринский пр-т, д.4-1
м.«Университет»

РОСТОК

Посланников пер., д.3
м.«Бауманская»
тел. 261-74-92 с 10.00—19.00

РУСЛАН

Смоленская пл., д.4/9
м.«Смоленская»

РУССКИЙ МЕХ

Донелайтиса пр-т, д.24
м.«Сходненская»

САЛОН ШАРМ

Кульнева ул., д.4
м.«Кутузовская»
тел. 249-80-05 с 10.00—19.00

САЛОН-МАГАЗИН ВЫСОКОЙ МОДЫ

М.Бронная ул., д.10
м.«Тверская»

СЕРВОИМПОРТ

Профсоюзная ул., д.88/20
м.«Калужская»
тел. 335-98-66 с 11.00—19.00

СЕУЛ-М

Арбатская пл., д.1/2
м.«Арбатская»
тел. 202-93-18 с 10.00—18.00

Б.Строченовский пер., д.4

м.«Добрынинская»

СИВАЙС

Смоленская пл., д.4/9
м.«Смоленская»
тел. 241-87-70 с 10.00—20.00

СИЛУЭТ

Первомайская ул., д.39
м.«Первомайская»
тел. 465-26-01 с 10.00—19.00

СМОЛЕНСКОЕ-СЕННОЕ

Смоленская ул., д.10
м.«Смоленская»
тел. 241-43-90 с 9.00—20.00

СОВИНТЕРАВТОСЕРВИС

Институтский пер., д.2/1
м.«Новослободская»
тел. 299-77-73 с 10.00—20.00

СОХО СПОРТ-КЛУБЗ

Трехгорный вал ул., д.6
м.«Улица 1905 года»
тел. 205-62-09,
круглосуточно

СУНА

4-я Сокольническая ул., д.2
м.«Сокольники»
тел. 268-37-20 с 9.30—18.00

СУПЕР

Велозаводская ул., д.6
м.«Автозаводская»
тел. 118-89-77 с 10.00—19.00

ТАИС-СПОРТ

ВВЦ, павильон 2
м.«ВДНХ»
тел. 216-13-81 с 10.00—18.00

ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ 13

Тверская-Ямская ул., д.13
м.«Маяковская»

ТД БАРС

Первомайская ул., д.106
м.«Первомайская»
тел. 465-58-81 с 10.00—20.00

ТД ИЛАН

Покровка ул., д.45, корп.2
м.«Китай-город»
тел. 200-04-09 с 10.00—19.00

ТД КАПРИЗ

Бухвостова ул., д.12/11
м.«Преображенская
площадь»
тел. 962-02-11 с 11.00—19.00

ТД КОРАЛЛ

Делегатская ул., д.3
м.«Цветной бульвар»
тел. 925-12-62 с 10.00—19.00

ТД ТАГАНКА

Таганская ул., д.1/2, корп.1
м.«Таганская»
тел. 271-39-72 с 10.30—20.00

ТРИ КИТА

Абельмановская ул., д.3а
м.«Пролетарская»
тел. 276-38-04 с 11.00—20.00

ФЕЛИЧИТА

Пушкинская ул., д.12
м.«Охотный ряд»
тел. 229-34-53 с 9.00—19.00

ФОРОС

Завода «Серп и Молот» пр.,
д.2
м.«Авиамоторная»

ФОРТУНА-ЛЮКС

Ленинский пр-т, д.30
м.«Ленинский проспект»
тел. 958-52-58 с 10.00—19.00

ХОЛДИНГ-ЦЕНТР

ВВЦ, павильон 36
м.«ВДНХ»
тел. 181-18-61 с 10.00—18.30

ЦЕЗАРЬ

Бережковская наб., д.2
м.«Киевская»
тел. 941-84-42 с 11.00-23.00

ЦЕНТР МЕЛКООПТОВОЙ

ТОРГОВЛИ
«РОДИТИ»
Новокузнецкая ул., д.1
м.«Новокузнецкая»
тел. 231-40-09 с 9.00—19.00

ШАНС

Школьная ул., д.28
м.«Площадь Ильича»
тел. 278-84-29 с 10.00—19.00

МЕХОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

АЙСБЕРГ

Солянский пр-д, д.1/4
м.«Китай-город»
тел. 128-56-12 с 10.00—17.00

Мира пр-т, д.180

м.«ВДНХ»
тел. 283-46-07 с 10.00—17.00

Красикова ул., д.19

м.«Профсоюзная»
тел. 128-56-12 с 10.00—17.00

ЛАПЛАНДИЯ

Девяткин пер., д.4
м.«Китай-город»
тел.924-70-00 с 11.00—18.00

МИРОФОРИДИС

Кутузовский пр-т, д.18
м.«Киевская»
тел. 243-45-41 с 9.00—20.00

МОНОМАХ

Покровка ул., д.28/2, корп.3
м.«Китай-город»
тел. 297-68-25 с 10.00—19.00

СОВМЕХКАСТОРИЯ

Б.Дорогомилловская ул., д.4
м.«Киевская»
тел. 243-11-96 с 9.00—20.00

ЭКСПРЕСС

Осипенко ул., д.25
м.«Новокузнецкая»
тел. 231-17-06 с 9.00—17.00

ЭЛЕГАНТ

Красноармейская ул., д.32
м.«Аэропорт»
тел. 152-28-78 с 10.00—20.00

ТКАНИ, ПРЯЖА

БИРЮСА

Уральская ул., д.7
м.«Щелковская»
тел. 462-51-15 с 10.00—19.00

МОЛОДЕЖНЫЙ

Профсоюзная ул., д.16
м.«Профсоюзная»
тел. 125-06-77 с 10.00—19.00

ПРЯЖА

Живописная ул., д.12
м.«Щукинская»
тел. 199-07-88 с 10.00—19.00

Наличные деньги могут остаться
лишь на полотнах старых мастеров
да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК

BANK STOLICHNY

Учредитель
“Гермес-Финанс”

**Принимаем
денежные
вклады населения**
по договору о совместном
инвестировании

Минимальная сумма вклада -
100 тысяч рублей

Минимальный срок вклада - 3 месяца

*Страхование вклада свыше 1.000.000 рублей за счет фирмы
Гарантии страхового акционерного общества “ГЕФЕСТ”*

Вклады принимаются по адресам:

Москва, ст. м. «Новослободская», 1-я Миусская ул., 24/22.
Тел.: 250-2312, 978-3485.

Москва, ст. м. «Кузнецкий мост», ул. Рождественка, 7/12.
Тел.: 923-2287, 357-5120, 374-8787, 350-2592, 531-1109.